

Л 2015
1543 К

**Алиби
ДЖАНГИЛЬДИН**

...он выбрал свой путь.

11/15/75 100

УДК 74 (074)
ЛБК 03 (02)
Д 98

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ"

Алиби
ДЖАНГИЛЬДИН

...он выбрал свой путь

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"СОВЕТСКИЙ РАБОЧИЙ"

УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)
Д 40 1

Джангильдин Ч.А.

**Д 40 «Алиби Джангильдин. Он выбрал свой путь»/авт.-сост.
Ч.А. Джангильдин, – Алматы, 2014. – 214 с.**

ISBN 978-601-7046-50-7

В этом году исполнилось 130 лет со дня рождения А.Т. Джангильдина. В связи с этим вышла данная книга, в которую включены его мемуары и воспоминания членов семьи.

Книга рассчитана не только на специалистов-историков, но и на широкий круг читателей, интересующихся яркой жизнью незаурядной личности.

**УДК 94 (574)
ББК 63.3 (5Каз)**

ISBN 978-601-7046-50-7

© Джангильдин Ч.А., 2014
© Джангильдин А.Ч., 2014
© Джангильдина А.Ч., 2014
© Джангильдин А.Ч., 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ

Алиби Джангильдин, удивительной судьбы человек, яркая жизнь которого обросла мифами и легендами, родился в 1884 году в Тургае.

Алиби с юных лет проявил себя смышленным и любознательным, смелым и решительным. У него была мечта – стать учителем и увидеть большой мир. Эта мечта захватила его, и он упорно стремился к ней, всё дальше и дальше уходя от родного аула. Началась другая жизнь. Тяга к учебе, к знаниям привела Алиби вначале в Казанскую учительскую семинарию, а затем в Московскую духовную академию. Это был единственный путь получить образование для подростка, сбежавшего из дома и не имевшего ни копейки в кармане.

Но системе не удалось сделать из него очередного «туземного» проводника имперской колонизации казахской степи. И в Казани, и в Москве в студенческой среде того времени кипел дух протеста, возникали различные легальные и полунелегальные марксистские кружки, в которых горячо обсуждалась запрещенная литература, отвергалось всё старое. Алиби принимал активное участие в этих кружках. В конце концов, за ним установилась репутация еретика, безбожника, и в 1906 году его исключают из духовной академии. Несколько лет он занимался разного рода деятельностью, пока

на поворотном моменте своей судьбы не принял решение начать пеший поход вокруг света, в ходе которого совершить хадж в святые для мусульман места.

А. Джангильдин стал первым казахом, обошедшим полмира. В этом путешествии сформировалось его мировоззрение. Он увидел, узнал, как огромен и разнообразен большой мир, в котором рядом идут роскошь и богатство, нищета и бедность, вседозволенность и несправедливость.

В родную Степь возвратился много повидавший, уверенный в себе человек со сложившимися взглядами и убеждениями. Алиби понял, что за свою независимость и свободу, стремление к лучшей жизни, надо бороться. Когда в 1916 году казахский народ поднялся на национально-освободительную борьбу против колониального ига, Алиби вместе со своим другом детства Амангельды Имановым, другими национальными патриотами возглавил вооруженное восстание в Тургайский степях.

В это время, во всем мире наступала переходная революционная эпоха. Народы ждали и требовали перемен. На крутых переломах истории все предельно ясно обнажается, становится видно, кто есть кто. В лидеры выходили люди интереснейшей, порой противоречивой и трагической судьбы, те, кто искренне верил, что надо изменить не только мир, но и себя, отменяя прочь всякие сомнения и колебания.

В царской России возжи социал-демократии, романтики и мечтатели своими лозунгами о всеобщем братстве и справедливости, о праве нации на самоопределение захватывали умы и сердца многих и многих. Алиби Джангильдин делает свой выбор – он вступает в партию большевиков-ленинцев.

Произошла Октябрьская, 1917 года, революция. Тогда никто не мог предвидеть, предугадать, что поставленная

сверхзадача – создать и укрепить первое в мире рабоче-крестьянское государство, принесет столько бед и страданий. Общество расколосось, каждый бился за свою правду. Компромисса не могло быть, шла жесткая борьба и победили те, чьи идеалы были поняты и приняты. Трагичные и радостные события, темные и светлые стороны жизни, все это прочно переплелось и вошло в нашу общую историю.

Исторический факт. Беспрецедентный переход интернационального отряда А.Джангильдина через Каспийское море, далее по безводному Мангышлаку и тылам уральских белоказаков с целью обеспечить Актюбинский фронт оружием и боеприпасами. Отрядом Джангильдина было доставлено для красногвардейцев двадцать тысяч винтовок, два миллиона патронов, десять тысяч гранат и другое вооружение, много медикаментов, что и определило кардинальное изменение боевой обстановки на Актюбинском фронте. За этот легендарный переход и проявленные мужество и стойкость ВЦИК наградил А.Джангильдина орденом Красного Знамени.

Алиби Тогжанович вел целенаправленную деятельность по установлению Советской власти в Казахстане. Как член Кирвоенревкома, активно содействовал в подготовке и проведении Учредительного съезда Советов Казахстана, провозгласившего в октябре 1920 года создание Казахской АССР. На съезде А.Джангильдина избрали членом ЦИК КАССР, ввели в состав Президиума и назначили наркомом социального обеспечения первого правительства республики, а также утвердили представителем казахского народа в Совете пропаганды и содействия народам Востока в их освободительной борьбе. Совет находился в г.Баку.

Отдельной строкой в биографии Джангильдина стоят организованные им два Красных каравана. Первый с 20-го

мая по 9-е августа 1922 года пересек с запада на восток почти всю территорию Казахстана, а второй, в 1928 году, прошел от Оренбурга до Мангышлака. В их состав входили представители наркоматов, работники различных общественных организаций. Необходимо было узнать обстановку в глубинных районах Казахстана, а главное, оказать в аулах конкретную медицинскую, ветеринарную и юридическую помощь местному населению. И в дальнейшем, где бы он ни работал, А.Джангильдин делал то, к чему призывало его служение своему народу. Ушел из жизни Алиби Тогжанович в августе 1953 года, до конца своих дней работая заместителем Председателя Президиума Верховного Совета КазССР.

В самом начале Великой Отечественной войны А.Джангильдин написал письмо на имя Председателя Государственного Комитета Оборона с просьбой направить в действующую армию. Ответ был таков, что его энергия, жизненный опыт и организационные способности очень нужны сейчас здесь, в тылу. Три старших сына Алиби Тогжановича воевали на фронтах ВОВ. Двое погибли.

Советское правительство, оценив заслуги А.Джангильдина в этот суровый и героический для страны период, наградило его высшим государственным знаком отличия – орденом Ленина. Имя Алиби Тогжановича Джангильдина не забыто, оно живет в благодарной памяти потомков и навсегда останется в истории суверенного независимого Казахстана.

Чингиз ДЖАНГИЛЬДИН

Мой рыцарь

МОЙ ПУТЬ

Родился я в 1884 году в местечке Кайдаул Тургайского уезда, ныне Костанайской области.

Отец был батраком, происходил из Средней Орды, из рода кипчак. В этом роду, как и в других, были кочевники и оседлые.

У моих родителей было 8 детей, три сына, остальные дочери. Семья жила бедно. Отец батрачил у баев. Кое-что иногда оставляли проходившие кочевники, когда они приходили из Сыр-Дарьи. Поскольку у нас земля была тучная, сенокос был хороший, они оставляли отцу скот, чтобы он его пас. Отец получал за это деньги и несколько голов скота.

С детства я любил охотиться. Когда мне было десять лет, я весной стрелял дичь из старого заржавевшего отцовского дробовика, стрелял перепелов, гусей и других весенних перелетных птиц. В нашей местности много диких козлов-сайгаков, джейранов. Я охотился на них.

С семи лет я уже ездил верхом. Летом отец нанимался к баю и с байским стадом кочевал по сто-двести, иногда триста верст, отыскивая лучшие пастбища.

Местечко Кайдаул – живописный уголок природы. Неподалеку протекала речка, куда на водопой приходили дикие звери, так как в окрестностях, километров на 60-70, не было воды. В камышах водилось много дичи. За счет ее и кормилась наша семья.

Я ношу фамилию своего деда Танырбергена Джангильдина.

Деда я знал по рассказам отца, который собирал по вечерам семью и рассказывал нам про деда. Дед был бедняк, ненавидел царя, царских чиновников и их ставленников, ко-

торые творили безобразия, угнетали бедноту, забирали лучшие пастбища, накладывали непосильные налоги, уводили девушек. Он поднял восстание в Средней Орде, в местах теперешних Лутовского, Кайдаульского районов. В одном из сражений он погиб и вошел в память народа как батыр.

С ранних лет я стремился учиться, но в наших местах в то время не было школ. К нам в аул приехал учитель казах из Тургая. Носил он очень красивую форму: фуражку с кантами, тужурку с золотыми пуговицами. Увидев его, я заинтересовался, и мне захотелось стать учителем. Я спросил у него:

– Могу ли я учиться и впоследствии стать учителем?

Он сказал, что каждый молодой человек может учиться и впоследствии стать учителем. Он рассказал мне, где имеется школа, как в нее попасть. Разговор с учителем запал мне в душу.

Когда я поделился с отцом своими мыслями о школе и о желании учиться, он и слушать не хотел. Я решил бежать из дому и только ждал удобного случая, который вскоре мне представился. Тайком от отца ушел с караваном, который отправлялся в Тургай из соседнего аула. Нанялся погонщиком скота, караулил стадо, меня за это кормили. В Тургае нашел учителя, который приезжал к нам. Его звали Ахмет Балгамбаев. Он заведовал ремесленной школой, где преподавание велось на русском языке.

Учитель привел меня в большую комнату, где занимались 35-40 таких же мальчиков, как я. Среди них были казахи и русские. В школе обучали грамоте, столярному и кузнечному ремеслу. Жили мы при школе. Мне нравилась столярная работа, и первая табуретка, которую я сделал, вызвала во мне гордость.

Проучился год. Приехал отец. После бурного объяснения с учителем он забрал меня домой. Я снова был в степи. Но

я был “отравлен” школой и решил снова уйти из дома. Через год или полтора опять пристроился к каравану, который направлялся в Кустанай.

Когда я убежал во второй раз, я взял двух байских лошадей, на них доехал до Тургая. Там одну лошадь продал за тридцать рублей, а на другой продолжал путешествовать.

В Кустанае с рекомендательным письмом тургайского учителя отправился к инспектору народных училищ Алекторову, который устроил меня в двухклассную русско-киргизскую школу.

Прошло два года. Учение шло неплохо, только трудно давался русский язык. Отец не оставлял мысли вернуть меня домой и однажды, неожиданно, во время занятий появился в школе. Вмешался инспектор и уговорил отца оставить меня.

После этого я решил отправиться еще дальше, чтобы отец не мог помешать мне учиться. Инспектор принял в этом деле живое участие и перевел меня в Оренбургское духовное училище – учебное заведение полузакрытого типа. Там царили порядки старой бурсы. Учащиеся жили в общежитиях. Моим близким другом в то время был русский мальчик Петров, живой, способный и хороший товарищ. Он был интересным рассказчиком. По вечерам, когда мы укладывались спать, он рассказывал нам занимательные истории. Учителя заботились только о показной стороне учения и прививали воспитанникам религиозные взгляды.

В школе некоторые из учащихся относились к религии скептически. Мы делились друг с другом своими мнениями. Однажды ночью, когда молодежь увлеклась спорами, в общежитие пришел инспектор. Горел свет. Инспектор спросил:

– Кто зажег свет? Почему вы не спите и о чем разговариваете?

Мы знали, что нам грозит карцер. Петров загасил свет и вернулся на койку. И вдруг учащиеся, не сговариваясь между собой, набросили на инспектора одеяло и намяли ему бока. Началось следствие, оно длилось несколько дней, но никто никого не выдал.

Прошло полгода. Отец приехал в Оренбург. Он остановился в знаменитом “меновом” дворе в трех километрах от Оренбурга. Здесь происходил в дореволюционное время обмен товарами между русскими и среднеазиатскими купцами. Оренбург в это время считался преддверием Средней Азии. Сам двор основан как опора для того, чтобы колонизировать среднеазиатские народы. Отсюда оренбургское казачество и завоевывало народы Средней Азии.

В этом меновом дворе и происходил товарообмен. Здесь было устроено множество лавок. Купцы меняли скот, масло, шерсть. Взамен получали платье, обувь, мануфактуру, предметы роскоши. За тысячи километров ежегодно пригоняли сюда огромные табуны лошадей, гурты баранов и верблюдов. Раньше здесь торговали даже людьми.

На меновом дворе остановился мой отец. Потом он пришел в школу. Во время перерыва прибежали ко мне ребята и сказали:

– К тебе приехал отец.

Отец за это время постарел. Когда он увидел меня, заплакал.

– Узнаешь ли ты своего отца? – спросил он меня.

– Конечно, узнаю. Разве может быть на свете человек, который не узнал бы своего отца?

Он убеждал меня вернуться домой, но я отказался. Училище я окончил в 1903 году. Я стремился учиться дальше и поступил в Казанскую учительскую семинарию. В Казани, в университетском городе, началась новая жизнь. Но сре-

да, в которой я жил, осталась прежняя: то же ханжество и лицемерие.

Директором семинарии был Бобровников. И Бобровников, и Алекторов, и Балгимбаев, все они фактически являлись миссионерами и проводниками православия среди инородцев, как называли нас в дореволюционные годы. Все они были учениками известного в то время русификатора Ильменского, основателя среднеазиатской “инородческой” учительской семинарии. На этом они делали свою карьеру. Балгимбаев – сын крупного бая – отдал двух сыновей в учительскую семинарию. Бобровников был назначен попечителем оренбургского учебного округа, а затем членом совета Министерства народного просвещения.

В Казани я учился около двух лет. В тяжелый двухлетний период светлым пятном был учитель истории Ашмарин. Он был человеком высокообразованным, передовых взглядов, владел несколькими языками, в том числе арабским. Ученики любили Ашмарина. Ближе всех сошелся он со мной. В долгие зимние вечера в занимательных беседах учитель знакомил меня с историей Востока и с историей колонизации национальных окраин царским правительством, рассказывал о сущности самодержавия, знакомил с историей революционного движения. Эти беседы оказали огромное влияние на формирование моего мировоззрения.

Октябрь 1905 года. В Казани стало известно о Манифесте 17 октября. Мы с учителем вышли на демонстрацию. На улицах было много народу, мы присоединились к демонстрантам. Когда прошли Проломную улицу, дошли до Воскресенской, вдруг раздались крики: “Казачи!” Они окружили демонстрантов, начали стрелять в них, избивать нагайками.

Было много раненых. Учитель Ашмарин был ранен в голову. Нас всех арестовали, отвели в помещение городской

думы. Туда согнали до тысячи арестованных. Это было мое первое революционное крещение. С неделю нас держали – шел допрос, а потом отпустили.

Вернувшись в семинарию, я узнал, что исключен из нее. Я был выброшен за борт. Идти было некуда: родная степь была далеко. В городе друзей не было. Собрав свои пожитки, решил поехать в Москву и там продолжать свое образование. При содействии знакомых я поступил в Московскую духовную академию на исторический факультет. Туда поступить было легче. Жил я под Москвой, в Троицко-Сергиевской лавре.

За мной установилась репутация еретика и безбожника. Отказали в пособии, не дали стипендии, жить было трудно.

После окончания учебного года впервые за 12 лет съездил домой. Бедным и убогим показался мне после столицы родной аул. Отец сильно постарел, через месяц после моего приезда умерла мать.

В ауле отношение ко мне изменилось. Я был одним из немногих казахов, который учился, несмотря на все трудности и недовольство отца, самостоятельно пробивал себе дорогу в жизнь. Люди относились ко мне с уважением. Среди казахов тогда редки были грамотные, да и те почти все были выходцами из зажиточной среды. Меня спрашивали о жизни в большом городе. Некоторые ровесники завидовали мне, хотели ехать учиться. Но, к сожалению, им это не удалось. Не все могли решиться ехать в чужие края.

Вернулся в Москву. Жить становилось все труднее. Надо было найти какую-нибудь работу. Мне предложили давать частные уроки – заниматься с одним мальчиком, за что получал обед в семье и комнату. В это время я сошелся со студентами московских учебных заведений.

В Москве я встретил Петрова, товарища по Оренбургскому духовному училищу. Его исключили из академии за революционные настроения. Я продолжал работу в нелегальном студенческом кружке, которым особенно интересовалась полиция. В кружке началось мое первое знакомство с нелегальной революционной литературой. Чтение ее произвело на меня сильное впечатление.

В этот период занимался самообразованием. Читал Гончарова — “Обрыв”, “Обломов”; Достоевского — “Братья Карамазовы”, “Идиот”; стихи и поэмы Некрасова; Тургенева — “Отцы и дети”, “Дворянское гнездо”, “Записки охотника”; Толстого — “Анну Каренину”, “Воскресение” и переводную литературу — Шекспира, Вальтер Скотта и др. Читал по ночам при свече.

Среди питомцев академии возникали серьезные споры о прочитанном. Иногда их подслушивали и доносили в полицию: некоторые студенты считались неблагонадежными.

Моя репутация в академии становилась все более отрицательной с точки зрения академического начальства, ко мне относились с предубеждением и недоверием. У меня сложилось отрицательное отношение к наукам, которые преподавали в академии, поэтому дальше оставаться там я не мог.

Однажды ночью в моей квартире появилась полиция и произвела обыск. По-видимому, это было сделано с разрешения начальства. Официально я не состоял ни в какой партии, и у меня ничего не нашли. Но меня обвинили в антиправительственных настроениях. 16 октября 1906 года в 6 часов вечера в академии собрался духовный синклит, чтобы судить меня. Судилище это очень напоминало мрачный средневековый суд. За большим столом под председательством ректора академии заседали в клубуках высшее черное духовенство. Мне был задан вопрос:

– Веришь ли ты, что Иисус остановил солнце?

– Нет, не верю.

Меня пытались убедить, но я оставался непреклонным. Тогда они сказали:

– Мы тебя воспитывали, мы готовили из тебя пастыря церкви, а ты сын дьявола. Нет тебе места среди православных.

Синклит постановил:

“Студент Московской духовной академии Джангильдин предается анафеме. Он исключается из Духовной академии как неверующий и слугитель дьявола и недостойный носить имя доброго христианина”.

Так закончилась моя “духовная” карьера.

После исключения из академии я вынужден был искать работу.

Я знал об адвокате Плевако, знал из рассказов казахов, что он помогает нашим. Я знал, что его сын находится в Москве, является главным редактором газеты “Утро России”. Эту газету издавал миллионер Рябушинский. В Москве в то время были две солидные газеты: “Русское слово” и “Утро России”. “Русское слово” издавал Суворин.

Я стал добиваться приема у Плевако. Когда я попал к нему на прием, он предложил мне заняться сбором объявлений для газеты.

Месяца два я занимался этим делом, и у меня явилась мысль собрать объявления и за счет этих объявлений создать бесплатное либретто для кино. С этой мыслью я отправился к владельцу кинотеатра “Континенталь”, в Охотном ряду, купцу Егорову. Он встретил меня весьма недоверчиво. На мне была студенческая форма.

– Ты не русский?

– Я казах.

– А деньги у тебя есть?

– Нет.

– Как ты будешь печатать либретто?

– Деньги я займу.

Егоров согласился. Сделка состоялась. С помощью Егорова я пошел собирать объявления: о сдаче комнаты, о домашних обедах, о продаже дома и др. Я связался еще с двумя кинотеатрами, привлек еще двух товарищей из бывших студентах Духовной академии, таких же неудачников, как я. Работа эта всем давала средства на жизнь. Мы сняли комнату и устроили там нечто вроде конторы.

Однажды утром, в мое отсутствие, в квартиру нагрянула полиция и произвела обыск. Все перерыли в моем маленьком потрепанном чемоданчике, перепотрошили книги. Одновременно полицейские произвели обыск у моих товарищей, после чего нас забрали в участок.

– Вы чем занимаетесь?

– Собираю объявления.

– Кто вы такой?

– Бывший студент Духовной академии.

– Исключены?

– Исключен.

– Вы под видом сбора объявлений занимаетесь пропагандой, устраиваете собрания, сеете провокационные слухи.

Так как у всех нас ничего не нашли, то скоро отпустили, но пригрозили: “Смотрите. Мы накроем вас”.

Это было в начале 1907 года. Мы примыкали к студенческим кружкам, часто собирались, что, очевидно, не ускользнуло от полицейских глаз. Репрессии усилились. Через две недели обыск повторился.

Стало ясно, что преследования царских властей будут продолжаться, и я решил уехать из Москвы. Денег у меня

не было. В свои родные стены возвращаться не хотелось. И мне пришла мысль отправиться за границу.

Я поместил в газете объявление, что отправляюсь пешком в кругосветное путешествие и приглашаю спутников. Отозвались трое: учитель естествознания из Самары Пламеневский, инженер-технолог из Петербурга Полевой и преподаватель Московского коммерческого училища Коровин. Прошло несколько дней. Мы списались и съехались. Все мы были молоды, полны сил и энергии. И, недолго думая, в июле 1910 года тронулись из Москвы в Петербург пешком.

На мне были крепкие спортивные башмаки, короткая куртка, войлочная кавказская шляпа, дорожная сумка за спиной, двадцать пять рублей денег в кармане и фотографический аппарат. Мы вышли пешком из Москвы в Петербург. До Петербурга шли мы двадцать дней. Там мы прожили четыре дня. Нас сфотографировали. Наши фотографии вместе с заметками поместили в газетах, и когда мы отправились дальше, то нас на протяжении пяти верст провожали по Петербургскому шоссе толпы петербуржцев.

Мы прошли Красное Село, были в Пулковской обсерватории, оттуда – в Лугу. Путь наш лежал по направлению к Пскову.

В день мы проходили по сорок-пятьдесят километров. Первое время мы шли очень медленно, не торопясь, а позднее, закалившись в походах, шли быстрее.

Чтобы добыть средства на пропитание, мы устраивали платные вечера, читали лекции. Народ нас везде встречал хорошо, приветливо.

Впоследствии, когда я попал за границу, я кормился благодаря своему фотоаппарату. Мы заказывали тысячу карточек с моим портретом. Эти карточки продавали.

Книжка путешественника вокруг света была выдана на имя Н. Степнова. Это была моя революционная кличка. На

книжке было написано: “Н.Степнов, он же Али-Бей Джангильдин.” Эта книжка давала возможность отмечаться в столицах и крупных городах, куда мы приходили. Так, например, в Варшаве, когда я выходил из Польши 18 августа 1910 года, было написано:

“Путешественник вокруг света пешком с целью научного образования без средств Николай Степнов /Али-Бей Джангильдин/ вышел из Варшавы 18 августа ст.ст.1910 года” Подписано это было заместителем управляющего канцелярии генерал-губернатора.

Первое время нам было очень трудно. Двигались медленно, часто останавливались. В населенных пунктах, которые проходили, рассказывали о цели своего путешествия – ознакомление с различными странами и природой. Население с большим интересом слушало нас.

Особых спортивных целей у нас не было. Нам нужно было найти средства к существованию. Мы решили не просто эмигрировать за границу, а объехать разные страны, увидеть достопримечательности.

В Вильне мы задержались дольше. Здесь с нами встретились писатели, актеры. Был один помещик Калинин, который заинтересовался нами. Мы у него долго прожили.

Оттуда мы отправились в Варшаву. В Варшаве тоже жили долгое время. Жили продажей открыток. Продавали по полкопейки, а стоили они нам четверть копейки. Ответственность устраивала сборы и вечера.

Во время путешествия население удивлялось, что кругосветное путешествие предпринял казах – представитель отсталой народности, и проявляло особый интерес.

После Варшавы мы были в Кракове. Из Кракова направились в Величко, известный своей соляной промышленностью. Оттуда мы прибыли в Закопань 23 сентября 1910 года.

В Закопани жили около месяца, совершали экскурсии по окрестностям, познакомились с польским студенчеством.

Закопань в то время был крупным курортом, куда приезжали из разных стран. Закопань была вольным городом. Там высказывались мнения, критикующие правительство, устраивались пикники, во время которых выступали ораторы. В самой Варшаве революционная работа больше преследовалась.

На Карпатах мы были на озере Морское и оттуда, перевалом через Карпаты, переправились в Австрию. Переход был очень трудный: туман, дождь.

В Австро-Венгрии я расстался со своими товарищами: я пошел на Восток, они остались в Европе.

Путешествие вокруг света продолжалось около четырех лет. Я прошел пешком двенадцать тысяч километров с фотоаппаратом, не считая переездов по морю и железной дороге. Днем я снимал места, по которым проходил, ночью проявлял снимки. Я читал лекции, делал доклады, продавал фотографии, этим жил.

Я прошел пешком Польшу, Австро-Венгрию, Сербию, Болгарию, Турцию, Сирию, Палестину, Африку, Египет, Абиссинию.

Обратный путь шел через Аравийский полуостров, Месопотамию, Персию, Индию, остров Цейлон, Малайский архипелаг, Индостан, Сиамское королевство, Аннам, Южную часть Китая, остров Формозу. В 1912 году я прибыл в Японию.

Путешествие по Польше я закончил 29 августа 1910 года. В моей книжке была сделана отметка.

18 августа мы выехали из Варшавы.

19 августа мы прибыли в г. Угольцы.

21 августа – в город Радом.

23 августа – в поселок Илжу.

25 августа – прибыли в г. Кельцы.

27 августа – прибыли в Мехов.

29 августа 1910 года мы прошли через Миховицкую таможенную. После этого мы были уже в Австрии. На таможене нас раздели и обыскали. В продолжении четырех часов вели переговоры с австрийцами, которые разрешили, наконец, пропустить нас через границу.

После Кракова, Праги, Будапешта и Вены я оказался один: Пламенецкий остался в Вене, Полевой и Коровин направились в Швейцарию.

В Будапеште общественность устроила мне прием. Среди интеллигенции Венгрии были ученые, профессора, которые путешествовали по казахским степям, изучали жизнь и быт казахов. Даже находили там, в одном из районов, своих родственников. Мне предложили остаться там. Они увеличили мою фотографию и мой портрет поместили в Национальном музее с надписью: такой-то путешественник посетил наш город 30 сентября 1910 года.

Из Будапешта я пришел в Белград, о чем имеется отметка в моей книге секретаря русской миссии в Сербии Муравьева. 26 октября я был в Нише. 28 октября я был у редактора “Ежедневного вестника” – “Ежедневник независим”, “Дневник – Вестник Софии”. В этот же день я был в редакции газеты “Балканика трибуна”.

29 октября 1910 года я был в Софии. В тот же день, там же в Софии, был в “Славянском благотворительном содружестве в Болгарии”. Там же 30 октября я был, в “Болгарском туристическом дружестве” – Алеко Константинов в Софии”. В книжке имеется отметка за подписью председателя этого общества. В Болгарии меня встретили с особым почетом, устроили банкет, и там, где приходилось мне бывать, пред-

лагали дать книжку путешественника для отметки. Даже приход мой в Народный театр был отмечен в книжке путешественника главным режиссером театра. Подпись в моей книжке делалась после устройства банкета представителем того или иного общества, в котором я бывал: отметки председателя Народного собрания и народного представителя.

Болгария мне показала более свободной страной. Там давали приют революционерам. Меня принимали особенно тепло, как представителя угнетенного народа.

2 ноября 1910 года я был в Константинополе. Шумный, пестрый, многоголосый, разноязычий и красочный Восток ошеломил меня с первого же дня, и не было сил вырваться отсюда.

Константинополь, его европейская Пера, Торговая Галата, Турецкий Стамбул, Старая Айя – София, мечеть Омара, Принцезы острова, прогулки по Босфору, Афины с изумительно царящим над городом бело-мраморным Акрополем и у подножия его местом древне-греческого народного собрания, где уже тысячу лет тому назад плебеи восстали против аристократов; Смирна и все побережье Сирии, Бейрут, Яффа, Иерусалим, Александрия с до сих пор уцелевшими остатками когда-то знаменитой библиотеки; наконец, Каир, Гелиополис – город солнца и стовратные Фивы, – вся эта бесконечная яркая и красочная цепь незабываемых впечатлений, где рядом с богатством и пышной роскошью Востока особенно бросается в глаза угнетение и нищета масс. В Египте и Палестине – англичане, в Сирии – французы, в Турции – немцы.

Я невольно вспомнил свои далекие родные степи. Приемные оккупации и порабощения народов и на Западе, и у нас были одни и те же.

После Константинополя на меня произвел особенно сильное впечатление раскинувшийся на берегах желтого

Нила стройный, восточный Каир. Сюда я прибыл 4 (17) декабря 1910 года. Поразили его пирамиды. Электрический трамвай доходит из города до самых песков пустыни. Небольшой переезд на верблюде или осле, и вы у подножья гигантского сфинкса. Сыпучие пески, ветры пустыни, палящие солнечные лучи оставили свой след на этом памятнике тысячелетий. Взор таинственного сфинкса обращен к пустыне. Подходим к Хеопсовой пирамиде, которая находится тут же, вблизи. Специальный проводник вел меня по прохладным залам гробницы когда-то всемогущего фараона. Я поднялся по колоссальным уступам пирамиды и тем же путем возвратился обратно.

В Каире в большом новом музее за стеклянными колпаками хранятся забальзамированные мумии фараонов. Я всматривался в мумию Рамзеса III, в его сохранившиеся черные как смоль вьющиеся волосы и не верилось, что эта мумия лежит под стеклом шесть тысяч лет.

Я тосковал по родине. Я слышал, что в окрестностях Каира, в сорока-пятидесяти километрах от пирамид, имеется русский санаторий. Я решил там побывать.

Прекрасная местность, роскошные сады. Когда я приехал по железной дороге, потом прошел километров пять, я увидел красивое здание, роскошные сады, правильно разбитые кварталы по европейскому вкусу. Я нашел этот санаторий. Там надпись на русском языке: “Санаторий доктора Рабиновича”.

Я не вытерпел. Прямо пошел и стучу в калитку. Выходит кокетливо одетая молодая женщина в белом фартуке. Я спрашиваю на русском языке. Она русского языка не знает. Я показал знаками. Она засмеялась. Через несколько минут выходит другая солидная пожилая женщина. Она спрашивает:

– Что вам угодно?

Я говорю, что хотел увидеть доктора Рабиновича. Она ушла и спустя 5-10 минут возвращается и просит меня зайти. Я зашел.

В санатории чистота, образцовый порядок. Большой зал. За этим залом кабинет доктора Рабиновича.

Я представился. Он был очень рад и пригласил всех своих родных. Стали спрашивать о России, в частности, о Москве, Петербурге. Мне казалось, что я попал на родину. Дней шесть-семь я прожил у них. У меня остались самые лучшие впечатления. После долгого путешествия я чувствовал себя обновленным.

Во время пребывания в Турции, на ближнем Востоке мне большую помощь оказало знание турецкого языка. В Индии аристократия больше говорит на английском, а индийский – это язык крестьянских масс. Вся интеллигенция Турции, Аравии, Афганистана, всего Ближнего Востока говорит на турецком языке. Во время пребывания за границей я заметил, что во всех странах конкурировали три языка – английский, немецкий и французский. Французский язык считался салонным, немецкий и английский больше коммерческими языками.

Когда я был в Гельване, меня очень хорошо встречали. Неделя моего пребывания там дала мне силы для продолжения своего путешествия. Доктор Рабинович был очень культурный человек, прекрасно воспитанный, отзывчивый.

Оттуда я направился в Хартум. Хартум – это английский город. Благоустроенный город, интернациональный город. Из Хартума я перебрался в Северный Судан, к Красному морю. Там посредством знакомых я нашел проводника. Взял карту, наметил путь, по которому можно быстрее пробраться в северную часть Судана.

Я нашел одного араба, который, как оказалось, ежегодно совершает переход от Хартума по пескам Африки в северную часть Судана.

Наняв его, сделав запас продовольствия, я тронулся в путь. Приходилось идти под зноем, терпеть очень много невзгод по пути. Были случаи, когда попадали в песчаные дюны. В таких местах мы старались быстрее продвигаться.

Днем было невозможно двигаться. Проводник мой мог идти и днем и ночью. Они привычный и неумолимый народ. Я не переносил жары. Мы решили делать переходы по ночам, а днем, с восходом солнца, останавливались на отдых. Дорога была трудная, но с другой стороны, очень интересная: однообразные пески, страусы, дикие звери. Я припоминаю один курьезный случай, который запечатлелся в моей памяти на всю жизнь.

Когда мы прошли километров триста от Хартума по направлению к северному Судану, мы, благодаря знакомству проводника с местностью, останавливались в местах, где были оазисы среди песков. Там росли финиковые пальмы, тростники.

Однажды мы всю ночь шли, а утром остановились около оазиса. Пока проводник собирал кизяк для того, чтобы развести костер и сварить пищу, я решил поискать воду. Когда я подошел ближе к оазису, оказалось, что там имеется роща финиковых пальм и кустарника. Когда я подошел, то увидел, что камыши раздвигаются в стороны. Я подумал, что это какой то зверь – лев или тигр. Тогда там встречались такие дикие звери. В это время из кустов вылезла громадная змея длиной приблизительно 4-5 метров.

Когда она увидела меня, то сразу подняла голову на метр от земли, высунула язык и издала свист. В это время прибежал мой проводник и очень обрадовался: “Вот бог послал нам мясо”. Оказывается, они едят мясо змеи.

Я ушел, а проводник, убив змею, отрезал часть туловища, очистил от шкуры.

Я лег спать, а пока я спал, проводник изжарил мясо змеи. В тот раз я не ел этого мяса, но потом, в пути, когда мы стали голодать, мясо змеи служило нам единственной пищей.

Я побывал за это время в Палестине, в Иерусалиме, Яффе, а 9 (22) февраля 1911 года я прибыл в Порт Саид. Через Порт Саид, Суэцкий канал и Красное море попадаю в Джеду, с караваном иду в Мекку. Нас было около пятидесяти человек, большинство паломники, которые направлялись в путь на тридцати-сорока верблюдах.

Дорогой на нас напали бедуины, связали, ограбили, но никого не тронули. Часа через три-четыре меня и еще несколько человек отпустили. Мы отправились дальше.

Путешествие в Мекку продолжалось две недели. Особого впечатления город не произвел. Беднота. Мекка – грязный, пыльный город.

После Мекки я был в Медине. Мекка и Медина – две родные сестры. Большинство паломников из Мекки обязательно отправляются в Медину. В Медине больше зелени. Сам по себе город приветливее. Встречаются европейцы. Здесь хранятся плащ, посох, сандалии, чалма Мухаммеда на протяжении веков, и все это имело такой вид, как-будто пророк только – что вышел отсюда. Медина – святая святых правозверных мусульман.

На пароходе по Индийскому океану и Персидскому морю я направился в Басру, куда прибыл 8 (21) марта 1911 года. Когда мы ехали по морю, нас застал сильный шторм. Пароход потерял управление, и мы попали на остров Мадагаскар, где пробыли неделю. Затем снова тронулись в путь.

Басра имеет историческое значение. Планировка города напоминает Венецию: он весь находится на каналах. По

улицам проплывают на лодках. Люди одеты в яркие одежды. Народа почти не коснулась европейская культура. Они живут по старым обычаям. Мне вспомнилась сказка “Тысяча и одна ночь”. Тысячелетия прошли, но сохранились образы, которые описываются в этих сказках. На улице много певцов. Судилища совершаются на улицах. Жизнь проходит на улицах: здесь жарят, варят, здесь сказки рассказывают, здесь судят. Судят глубокие старики, которых уважают. “Аксакалы”, как называют их в Средней Азии. Они судят воров и других преступников.

Я как будто попал в особый мир. Видя все это, вспоминались былые времена, жизнь арабского народа.

13 апреля 1911 года я прибыл в Багдад. Огромный город, расположенный в Месопотамии, на Евфрате, в сорока верстах от древнего Вавилона.

Здесь у меня была интересная встреча с багдадским генерал-губернатором, сыном знаменитого героя Кавказа Шамиля – Мухаммед-Пашой.

Узнав, что я совершаю кругосветное путешествие и услышав знакомую ему с детства русскую речь, он оказал мне пышный восточный прием, много расспрашивал о России, говорил о том, как угнетает тоска по родине, и одновременно не скрывал своей глубокой ненависти к царскому правительству, вспоминал вместе с нами своего знаменитого отца, который после сдачи и пленения получил разрешение отправиться в Мекку, где и умер.

Сам по себе Багдад шумный, восточный торговый город, где до сих пор еще сохранились следы древних халдеев и финикиян, где, кажется, до сих пор бродит тень Гарун-Аль-Рашида, где сам воздух, кажется, насыщен сказками Шахерезады.

Летом там бывает очень жарко. Километров на два-три идет крытый базар. Улицы поливают. Жизнь протекает на

улицах, на базаре. Все происходит на улице. Там рестораны, харчевни, много сладостей, фруктов. У меня остались замечательные впечатления.

Это город, где до сих пор, то ослабевая, то с новой силой разгораясь, идет борьба суннитов с шиитами – религиозные секты, где привитый Азрет Али, учеником Мухаммеда, и его сыновьями религиозный культ достиг своего апогея.

Через Астрабад, Керманшах я 7 июня 1911 года прибыл в Тегеран, столицу Персии.

Сердце мое забилося, когда я вступил на землю Персии. Казалось, вот здесь за горами, совсем близко родные степи. Припомнилась семья, родные казахские пески.

Я продолжил свое путешествие.

После Кума, своего рода Иерусалима шиитов, где сконцентрировался весь цвет фанатизма, где надо всем властвует шариат, я отправился в Исфагань, Шираз – Бендер – Бушер. Это знаменитые города Персии, имеющие историческое значение. Здесь проходили войны, переселение народов, как и по всей Персии.

31 августа я прибыл в Бомбей. Древняя столица Индии – Дели. После завоевания Индии англичанами, был образован новый центр, ближе к морю – Бомбей. Этот город был построен по инициативе англичан, во-первых, потому что он ближе к морю, во-вторых, как торговый центр. Все сырье можно было отправить в Англию. Там много англичан. Административное и экономическое устройство очень интересное.

В Бомбее вы встретите среди населения разные религиозные секты. Там есть индусы, есть мусульмане, есть англичане. Имеются секты огнепоклонения, морепоклонения.

Мне пришлось участвовать в похоронах. Когда умирает человек, они увозят его в лес. Там имеются громадные ко-

лодцы, 30-40 сажен глубины. Обыкновенно привозят труп, опускают туда и люк закрывают. Когда похоронили, там оставаться нельзя: как – будто там нечистый дух. Со стороны моря имеется отверстие. Приходят шакалы и съедают труп.

В Индии я пробыл около трех месяцев. Был в Калькутте, Дели и других городах. На каждом шагу наблюдал методы колонизации англичанами Индии и снова невольно вспомнил, как царские чиновники обходились с казаками в родных степях.

Дальнейший этап – Мадрас, на остров Цейлон, Титикурин, Коломбо, Сингапур.

В сентябре 1911 года был в Бангкоке, Аютии – древней столицы Сиамского королевства. Коронование всех королей происходило в Аютии. Там я присутствовал на коронации Сиамского короля.

Дальше был в столице Аннамского королевства Сайгоне, дальше Гонконг, Кантон, Ханькоу.

В Кантоне я остановился в американском генеральном консульстве. Я не знал китайского языка. С грехом пополам начал объясняться на английском. Оказывается, английский и американский языки отличаются мало.

В Кантон я ехал на пароходе, в каюте 1-го класса. Одет в белую шляпу, как путешественник – иностранец. В соседней каюте ехал один гражданин. Он заинтересовался мною, заговорил со мной. Это оказался американский генеральный консул в Кантоне. Он спросил, есть ли у меня кто-нибудь в Кантоне, и был так любезен, что пригласил меня к себе. После завтрака я решил посмотреть город.

Я основательно познакомился с китайской жизнью: карточные домики, выстроенные на сваях в воде. Настолько густое население в Кантоне, что в воде строят карточные домики. В камышах, в лодках живет много бедноты.

Когда я пошел в город, мне дали в качестве проводника одного китайца, который работал в консульстве.

Пошли в город.

Город очень старинный и грязный. Улицы очень узкие, большие трехэтажные и четырехэтажные дома. Жизнь тоже проходит на улице. Идем. Лежит громадная змея в чане. Китаец берет змею за горло, вытаскивает из чана, голову отрезает и снимает кожу.

Когда я встречался в Африке со змеями, это одно, а здесь это произвело на меня неприятное впечатление.

Это оказались водяные змеи, неядовитые. Мы ходили по городу, по магазинам. Наконец, я устал, проголодался. Решил поесть. Пришли в харчевню. Чистые столики. Мне дали меню. Я сказал, что ничего не понимаю, пусть дадут мне самое лучшее. Мне принесли змею. Это оказалось самое лучшее лакомство. Я не стал есть. Потом принесли курицу и рис, у курицы мясо очень жесткое. Вместо курицы оказалась ворона, поэтому такое жесткое мясо.

Впечатление такое: свайные дома, нищета, народу очень много.

Богатые лежат под балдахинами. Я впервые увидел рикш, которые, вместо лошадей, тащат богачей на носилках. Коляска, одна колесная рессора, человек впрягается и быстро бежит.

Первое время неприятно. Англичане лежат и покуривают сигары.

В Шанхае я был 29 ноября 1911 года.

Имеются европейские кварталы – французский, английский, итальянский и китайские кварталы.

В самом центре, в европейских кварталах, имеется “Хитий парк”. Китайцев считали низшей расой. Европейцы с ними почти не разговаривали. Богатые китайцы имели до-

ступ к европейцам, а средний класс и беднота не имела доступа. В “Хитий парке” была громадная надпись: “Собакам и китайцам вход воспрещен”.

В Нагасаки я был в 4 декабря 1911 года. В Японии я жил долго. Был в Токио, Цуруга, Ника и в 1912 году вернулся из Японии через Сибирь в Россию, о чем была отметка Московского генерал-майора Джунковского.

О моем кругосветном путешествии сохранилась книжка “Путешественника вокруг света Н. Степнова (это была моя кличка в то время), он же Али-Бей Джангильдин”. В ней были сделаны отметки русских генеральных консулов всех стран и городов, где мне пришлось побывать. Подписи были скреплены соответствующей печатью.

Особенно интересна тисненая печать муниципалитета Бомбея. Всматриваешься во все эти печати, читаешь все эти надписи с названиями стран и городов и, кажется, что снова совершаешь по ним бесконечное фантастическое путешествие.

По возвращению из-за границы я поехал в свой родной край – Тургайскую область.

Я привез с собой кинематографический аппарат под названием “Кок”, новый аппарат, тогда только что вышел. Размер его невелик, вес не более полупуда. Аппарат имел вертящуюся ручку. Когда ручка вращается, работает динамо, приходит в движение электродвигатель. Экраном служила простыня, намотанная на палку, развернешь – экран.

Вместе с аппаратом я привез 40 катушек киноплёнки. Содержание их было следующее: из жизни портовых рабочих Испании, Индии, Китайских кули. В них рассказывалось о жизни этих людей и об отношении к ним англичан и американцев.

Мне было разрешено жить в любом городе России. Я поехал к себе на родину и решил использовать свой киноаппарат.

Обычно я делал это так: ставил на стол ящик с аппаратом, вешал палку на гвозде, развешивал простыню. На стене получался своего рода экран. Крутил ручку аппарата, приводил в движение динамо и демонстрировал кинокартину.

Это было большой новостью. Тогда там понятия не имели о кино. Сотни людей собирались в помещении. Приходили старики, женщины с детьми, молодежь. Я им рассказывал об устройстве аппарата, о странах, в которых я бывал, о культуре Европы, о Востоке, об обычаях народа.

Вначале они пугались, думали, что тут действует “шайтан” – нечистая сила. Я рассказал им, что это обычное явление и что посредством химического состава получается такой снимок.

Показывая, как работают индийские, китайские, испанские рабочие, я в тоже время рассказывал им, что у нас в отношении к рабочим еще хуже, больше эксплуатации: платят копейки, а наживают рубли.

После трех-четырех таких сеансов по всей Тургайской степи пошла молва, и началось настоящее паломничество ко мне, часто за 30-40 километров. Казахи просили показать им кино. Возвращаясь к себе в аулы, эти люди рассказывали содержание виденных картин и передавали мои рассказы.

Я показывал кинокартины в аулах и городах Тургайской области, в частности, в самом Тургае по просьбе уездных начальников и полицмейстера, которые тоже интересовались кино как новинкой, не подозревая особенности его содержания. Кино они смотрели с удовольствием, но через неделю-другую после того, как они познакомились с содержанием картин, они сообщили высшему начальству в Оренбург. Те дали указание запретить кино, забрать аппарат и арестовать меня.

Арестовать меня было поручено жандармскому вахмистру Иванову. По-казахски его называли Карыван что значит старец Иван. Ему было около 60 лет.

В городе Тургае жили русские, татары, казахов было сравнительно мало. Полторы сотни дворов было русских, остальные татары. Все русские, жившие в Тургае, говорили по – казахски, в том числе и жандармский начальник Иванов.

Когда губернское жандармское управление дало распоряжение арестовать меня, он, уезжая из Тургая, передал казахам в аул: “Скажите ему, что я еду его арестовывать, пусть уезжает дальше”.

Я жил в 300 километров от Тургая. Верховые сообщили мне, что едет Карыван арестовывать, и что он передал: “Пусть скроется до моего приезда”.

Я успел скрыться.

В течение полутора месяцев я ходил с киноаппаратом по казахской степи, показывал картины безвозмездно. Со мной ходил Амангельды Иманов.

Когда невозможно стало оставаться в Тургайской области из-за преследования жандармов, я перебрался в Туркестанский край и приехал в Кызыл-Орду.

Амангельды Иманов был моим одноаульцем. Мы выросли вместе. Я знал его с малолетства как решительного, смелого человека, очень впечатлительного.

После возвращения из-за границы, он, узнав, что я приехал, нашел меня и все время находился со мной. За это время я ему много рассказывал, передавал ему свои знания, опыт, все, что мне приходилось видеть за время путешествия, и то, что я знал о жизни в России, на Западе и Востоке.

Он был со мной полтора месяца, присутствовал на всех сеансах кино, которые я сопровождал своеобразными лекциями о жизни той или иной страны, в которой я был.

Я имел возможность устно познакомить Амангельды с содержанием прочитанных книг русских классиков, даже рассказывал ему восточные сказки из “Тысячи и одной ночи”.

Он был удалой юноша, и хотя он был бедный, но не давал себя в обиду. Был женат, имел двух сыновей.

Он, как и другие казахи, кочевал с байским скотом. Его знали баи и беднота. Беднота ждала его помощи, а баи побаивались.

В Кызыл-Орде, куда я перебрался, мне удалось поработать пять дней. Я показывал кинокартины, на которых присутствовали начальники, в том числе и полицмейстер.

Городской волостной управитель хорошо относился к народу, его уважали. Он поговорил с полицмейстером, чтобы мне разрешили показывать кино в клубе и я показывал.

Из Кызыл-Орды я поехал на станцию Шиили, потом в город Туркестан, где продолжал показывать кино и таким образом вел агитационную работу.

В Туркестане есть знаменитая мечеть Ахмет-Ясауи. Она строилась при Тимуре, более пяти веков назад. В эту мечеть приходили тысячи богомольцев.

Мулла рассказал главному шейху (главный хранитель тела Ахмета-Ясауи) обо мне: приехал человек, у него есть такая машина. Он заинтересовался. Пригласил меня к себе на квартиру. По мусульманскому обычаю это великий грех, но, несмотря на это, я был у него. Меня ввели туда. У него оказалась прекрасная квартира. Мне отвели комнату. Часов в десять он пришел ко мне, угостил, как следует. Я рассказал, кто я такой, что был за границей, вернулся в Тургайскую область, но мне там запретили жить. Он попросил показать кино. Собралось человек 30-40 – его приближенные с женами и детьми, родственники. И здесь, как первоначаль-

но в аулах, испугались, думая, что это нечистый дух. Они даже закричали, когда увидели первый кадр на экране. Я успокоил их и тут же объяснил им, как я делал и раньше.

Шейх имел большое влияние, и узбеки его уважали.

Я жил у него дня три-четыре. Беки, родовая знать города Туркестана, захотели посмотреть кино. Я уже показывал кино у шейха при большой аудитории. Собиралось до ста человек. После этого меня попросили показать кино для народа. Полицмейстер разрешил показать кино в городском офицерском клубе.

Потом мне рассказали, что сам полицмейстер присутствовал на сеансе.

О просмотре кино народ был оповещен своеобразно: оглашали из своего рода рупора – трубу. Так был созван народ на просмотр кино.

Мне удалось показать кино народу дважды, но на третий раз сеанс был сорван.

Полицмейстер сообщил в Ташкент. Полиция окружила клуб, но мне удалось бежать. Я выпрыгнул в окно, а узбеки забрали мою аппаратуру.

Я вернулся к шейху. На следующий день я вынужден был покинуть Туркестан. Путь мой лежал на юг. Поезд умчал меня в Крым. Это было летом 1913 года.

В Крыму я работал по линии метеорологии крымских водных изысканий. Одновременно пришлось вести революционную работу среди крымских татар. Из Крыма я поехал в Архангельск, это было в середине 1915 года. В Архангельске я встретил старого товарища и рассказал ему о своей жизни. Этот товарищ знал меня, давно знал о моих революционных настроениях и поэтому пригласил меня на подпольное собрание, дал адрес и пароль. Я отправился и тот вечер предопределил весь мой дальнейший путь.

Здесь я встретил несколько товарищей, с которыми впоследствии близко сошелся и которые остались моими друзьями на всю жизнь.

В это время меня познакомили с Я.М.Свердловым. Он, узнав, что я казах, много беседовал со мной, расспрашивал меня о жизни казахского народа. Он дал мне адрес конспиративной квартиры в Петербурге по Литейному проспекту № 2, куда я должен был явиться и получить специальное поручение.

Через несколько дней я вместе с одним товарищем выехали в Петербург. Явился я по указанному адресу. Меня не сразу впустили. Я попал в небольшую квартиру из трех комнат, где было несколько человек. Мои имя и фамилию никто не спросил.

Из Петербурга я вернулся в Крым и продолжил вести революционную работу среди татар.

Одновременно я поддерживал связь с Казахстаном. Я переписывался с Амангельды Имановым. Он мне писал о настроениях среди казахов.

Шел 1916 год. В годы первой мировой войны гнет царских чиновников усилился. У казахов отбирали лучшие земли, увеличили земские сборы и байский волостной сбор (алим) на содержание волостных управителей. Увеличивающиеся сборы и налоги разоряли казахский народ. Усиливался грабеж, взяточничество, воровство и произвол чиновников. Положение трудящихся городов и селений Казахстана к 1916 году резко ухудшилось. Росло недовольство войной, начались забастовки рабочих.

Царское правительство решило издать приказ о мобилизации казахов и других народов Средней Азии в царскую армию, что поддерживалось буржуазными националистами. До этого времени царское правительство не брало в ар-

мию народы Средней Азии – киргизов, казахов, узбеков и других. Они боялись давать им оружие в руки. Но через три года войны, когда в России было призвано почти все мужское население, царское правительство решило призвать народы окраин в армию на тыловые работы. И 26 июня 1916 года был издан указ о мобилизации народов Средней Азии в армию на тыловые работы.

В указе, вместо “мобилизация”, было написано – “реквизиция”. Как-будто дело шло о реквизиции скота, а не мобилизации людей в армию. Этот указ вызвал большое недовольство и послужил поводом к восстанию 1916 года.

Это восстание было направленно против военно-колонизаторской политики царизма. Это было первое восстание казахов в эпоху империализма, и оно подводило итог всей предшествующей борьбы казахского народа против царизма за свою свободу и независимость.

Пребывание в Петербурге, работа в Крыму, окончательно укрепили меня в правильности избранного мною пути.

В 1915 году я официально был принят в ряды РСДРП.

В 1916 году я все еще работал в Крыму.

Я получил письмо от Амангельды Иманова. Это было после объявления указа о мобилизации казахов и других народов Средней Азии на тыловые работы.

Амангельды писал, что народ сильно возбужден, что в народе говорят, что правительство отбирает последних сынов, забирают скот.

Амангельды спрашивал, как быть. Я ему ответил, что нужно поддержать настроение народа, стараться не отдавать молодежь на трудовые работы, организовываться, не допуская особых эксцессов, подготовить народ к выступлению, организовать восстание.

Находясь в Крыму, я знал из писем Амангельды Иманова о настроении казахов, которые не хотели идти в ар-

мию, уничтожали в полицейских участках составленные царскими чиновниками списки. Уничтожали волостные управления. Старики укрывали своих сыновей, убивали волостных управителей. В это время я получил второе письмо от Амангельды Иманова, в котором он мне написал, что о моем письме он кое с кем поговорил, что народ готов к восстанию и собирает оружие, и просил меня приехать.

После опубликования указа, казахи сделали попытку уладить дело мирным путем и снарядили делегацию к царю. Казахи Тургайского уезда отправили в Петроград для ходатайства об отмене указа Исмагула Тюкина от Аргинского рода и Котубарова от Кипчакского рода. Делегаты, не добившись приема у царя, возвратились обратно ни с чем. Это еще больше укрепило сознание людей в необходимости поднять восстание.

Характерно то, что тогдашняя интеллигенция была на стороне царизма.

В газете “Казак”, которая издавалась в Оренбурге на казахском языке, часть интеллигенции агитировала, что служить обязательно надо и призывала готовить одежду и продукты для мобилизованных.

Среди восставших было мало грамотных людей, знающих русский язык.

Баи поддерживали царское правительство и в то же время сами откупались, вносили деньги, чтобы не идти в армию. Молодежь, вместо того, чтобы идти на сборные пункты, стала формироваться в повстанческие отряды.

Я выехал в Тургайскую область. Я инкогнито сел на поезд, прибыл на станцию Челкар и поехал в Иргиз. У аульных старшин восставшие отобрали списки мобилизованных.

По дороге мне казахи говорили, чтобы я не ехал туда, там меня могут убить восставшие. Они не знали, кто я. Они счи-

тали, что русская и казахская интеллигенция за указ. Они считали, что эти люди продались русским, они не их люди.

Я ничего не сказал, взял одного помощника и поехал за город.

Киноаппарат был всегда со мной. Уезжая из Крыма, я его тоже взял с собой.

Пришел ко мне руководитель одной из групп восставших, хотел арестовать и отобрать аппарат. Я им сказал:

– Товарищи, я как раз еду к вам. Эта машина будет работать против царских чиновников.

Они все же хотели забрать киноаппарат. Я сказал, что не нужно, что я еду в Тургай. Там и покажу. Там был один влиятельный казах из Кенже-Горенской волости. Он сказал, что знает меня, что я не являюсь чиновником. Я выступил с небольшой речью. После этого ко мне стали относиться более доверчиво.

Из этого места я поехал в Тургай.

У тургайской границы меня встретили тургайские повстанцы и водили меня в штаб восстания.

В Тургайском уезде было два рода – аргыны и кипчаки. В аргынском роде во главе восстания был Оспан Чулаков, в Кипчакском – Абдул Гафар Джанбусынов.

Когда я прибыл не весь народ был хвачен восстанием. В Тургайском уезде армия восставших насчитывала несколько тысяч человек. Когда я приехал, у нас был Военный Совет. Я узнал, что восставшие собираются напасть на Тургай. Мне рассказали о плане нападения.

Сначала приехал Аргынский род. Оба рода – и Аргынский и Кипчакский, находились близко друг от друга, в 10-15 километров.

Я сказал, что нужно выступать организованно и вместе обоим родам, потому-как царизм – это давний враг. На Во-

енный Совет приехал Амангельды Иманов. У него в это время был несколько тысяч человек.

Выступления на совещании были за то, чтобы взять Тургай. Были две точки зрения: глава Аргынского рода Оспан Чулаков и его советники предлагали взять город штурмом, а осторожный Абдул Гафар Джанбусынов предлагал довести город до сдачи длительной осадой.

И Абдул Гафар Джанбусынов и Амангельды Иманов поддерживали мою точку зрения – не брать город штурмом, а осадить его и тогда взять приступом.

Я выступил на совещании и сказал, что взять город будет трудно. В Тургае воинские части, а у восставших, кроме охотничьих берданок и пик, ничего нет, в Тургае имеются винтовки и даже пулеметы. Я советовал окружить город, не наступать сразу. Пока отрезать со стороны реки, оставить их без воды и довести город до сдачи осадой.

Первое мое предложение – наступать единым фронтом – они приняли, а со вторым предложением не согласились. Моментально наступать, и больше ничего.

После долгих споров совещание остановилось на компромиссном решении: город осадить и, если окажется возможным, взять его приступом.

Некоторые удалцы рвались в бой. Между тем стихийно, без предупреждения, без команды произошло наступление.

Стихийное наступление мы приостановили, но решили на город наступать организованно, одновременно, единым порывом перед рассветом.

Я советовал, чтобы аргыны наступали с запада, а кипчаки с восточной стороны. Решили ночью перейти речку и к рассвету наступать, но, к сожалению, кто-то из провокаторов поджег большие скирды сена. Этим они хотели предупредить город о нашем готовящемся наступлении.

Пожар был сигналом для царских войск, но план наступления был определен. Отступить мы не могли.

Мы, кипчаки, были отрезаны от аргынов, которые находились в западной стороне города.

Решение у нас было такое: войти без шума, занять главную почту и другие главные здание, идти к казарме, забрать оружие. Основным оружием у восставших были айбалты (маленькие топоры), пики, охотничьи ружья, берданки, шашки. У царского отряда было современное оружие. В Тургае стоял гарнизон в несколько сот человек, и дополнительно был прислан из Кустаная отряд в сто человек во главе с полковником Ткаченко.

Наступление было начато. Восставшие кинулись к городу и прорвались к окраине города. У всадников были пики, на концах которых горели смоченные керосином тряпки. Одни зажигали камышовые крыши домов и надворных построек, другие пытались пробиться сквозь баррикады. Эта часть была вооружена копьями с насаженными на длинные древки топориками. У некоторых были ружья, да и те только охотничьи, и притом едва ли не одно на каждые сто человек. Стреляли из них чаще всего дробью или кусочками свинца.

Но плохо вооруженные восставшие брали своей настойчивостью. Одна треть города была занята, но мы должны были отступить, оставив человек 80 убитыми, но со стороны гарнизона было убитых человек 20.

Перед рассветом мы вступили в город, держались до семи часов вечера. С заходом солнца пришлось город оставить.

Когда мы наступали, мы заняли дома одного ветврача и переводчика. Когда мы там находились, подъехало человек восемь охотников, как теперь их называют – снайперов, в том числе Амангельды Иманов, я и Кейки-батыр, как мы его называли и начали стрелять. У нас были берданки. На

нас наступала цепь царских солдат. Это был целый взвод. Амангельды Иманов убил командира взвода. После этого взвод отхлынул обратно. Смельчак Кейки на глазах взвода подбежал, снял с командира взвода шинель, фуражку, забрал оружие и прибежал обратно к нам. Солдаты отступили, но потом опомнились и снова начали наступать. Увидев, что они окружают нас, мы вынуждены были отойти за дома, сели на лошадей, которых мы там оставили на время боя, и отъехали.

Мы вынуждены были оставить город.

Наступление на Тургай было началом восстания. Потом восстание распространилось по всему Казахстану и не затихало в плоть до февральской революции.

Мы знали о восстании в других районах Средней Азии, но связи у нас с ними не было.

После отступления от Тургай мы составили план дальнейшего ведения сопротивления – каким должен быть начальник, каким должно быть его подразделение.

Для того, чтобы содержать армию, нам нужно питание и фураж, нужна одежда.

Поэтому мы создали своего рода интендантство, интендантское управление и дали ему задание. Для того, чтобы не было нареканий от народа, мы действовали планомерно.

Вот, положим, аул, десять кибиток стоят. Этот аул должен дать на каждого бойца на месяц пуд муки и одного барана, не считая крупы, риса. Бараны были курдючные, жирные. Одного сала 25 фунтов. Кроме того, должны дать одежду: сапоги, кафтаны, теплые шубы, башлыки – полное обмундирование. Такой комплект должны дать десять кибиток. Лошадей давали исключительно баи. Каждый должен дать лошадь и седло. Этим занималось интендантское управление.

Главной задачей было вооружение нашей армии. Надо было самим изготавливать оружие. Мы пригласили мастеров, умеющих делать оружие, делали копья, шашки. У нас была целая мастерская, которая тоже кочевала с нами. Была кузница. Были мастера, которые из охотничьих ружей делали берданки. Мы сами делали порох, потому что пороха нигде достать нельзя было. Порох мы делали из солончаковой смеси. У нас были айбалты, шашки, копья, берданки. Все это самодельное, самими изготовленное.

Нужно было достать лошадей, потому что у нас была исключительно конница. Лошадьми снабжали нас баи. Все были на лошадях. Все были кавалеристами. Пехоты у нас не было.

Впоследствии у нас стало около ста винтовок трехлинейных, отобранных у карателей.

Мы отобрали также несколько пулеметов, но, к сожалению, пользоваться ими не умели, так как никто стрелять из пулемета не умел.

У нас были агитаторы. Они шли к народу, разъясняли. У нас было письменное воззвание на арабском языке. Воззвание было короткое, в несколько слов. Воззвание было от имени правительства, которое мы создали. Оно называлась ханство. Во главе правительства был Абдул Гафар Джанбусынов. Хан самостоятельно не мог решать вопросы. Двенадцать министров составляли Совет, который решал все вопросы. Фактически решали вопросы 2-3 человека. Мы устраивали заседания Совета министров.

Число восставших увеличивалось. К нам приходили не только из нашей области, но и из других областей. Впоследствии число восставших достигло 20 тысяч человек.

Мы отступили от Тургая. Как я говорил, я не советовал наступать. Я сказал, что нужно обороняться, защищать

себя. Впоследствии стали больше прислушиваться к моему голосу. Решено было никаких нападений не совершать, обороняться так, чтобы в случае нападения на нас карательных отрядов, мы могли защищаться.

Решили организовать в Тургайской области ханство. Во главе стоит хан. Он является как бы законодателем, и должны быть министры, одновременно они же были советниками – 12 человек. Во главе каждой тысячи солдат стоит начальник. Он назывался мынбасы. Он должен был заботиться о снабжении продовольствием, о военной подготовке. Он имел помощника. Мынбасы подчинялись командующему армии восстания сардару /главнокомандующему/. Сардаром был назначен Амангельды Иманов. У меня никаких званий не было, но фактически я выполнял всю работу по организации армии и по реализации военных задач. Среди населения вел организационную работу. Главнокомандующий получал от нас указания. Народу разъяснили, что им нужно защищать свои интересы, в случае победы они будут самостоятельными, сами будут распоряжаться своей судьбой.

Мы старались не отходить далеко от города, чтобы знать все о проведении карательной экспедиции, ее численности, насколько противник превосходит нас. У нас были свои разведчики, которые доносили нам о численности и вооружении карательного отряда. Потом постепенно мы все дальше и дальше отходили от Тургая.

Из Тургая, для расправы с восставшими, неоднократно выезжали карательные отряды.

У нас была такая тактика: когда идет карательный отряд, целый полк или несколько полков, проводники знают, где у нас находятся главные силы, мы что делаем? Я человек пятьсот пошлю в одну сторону и в другую сторону. Они за-

ходят в тыл карателям. Когда каратели идут, вдруг восставшие оказываются в одной стороне, потом с другой стороны, то вдруг у них в тылу окажутся.

Атаковать их мы не могли, потому что у нас не было оружия. Впоследствии у нас появилось оружие, потому что мы забрали его у карателей. Неделю мы их мучаем, потом они вынуждены вернуться обратно. Полмесяца опять спокойно. Потом опять выезжают карательные отряды.

Так продолжалось до января 1917 года.

Каратели не оставляли нас в покое. Из Оренбурга был прислан карательный отряд во главе с генералом Лаврентьевым. По пути карательный отряд расправлялся как с народом, так и с восставшими.

Мы, отступая, следили за каждым шагом карателей и внутренне организовывались, принимали самые необходимые меры доставки фуража для армии, одежды, квартир, организовывали оборону.

В Кенжегаре каратели задерживали восставших. Неоднократные попытки разбить нас не привели ни к чему. Потом мы отступили до Догала.

Мы все время держали связь с Тургаем. У нас остался там Байкадам Каралдин. Он был чиновником – переводчиком уездного начальника и держал с нами тайную связь. У него везде были свои люди.

Карательные отряды пополнялись. Постепенно прибыло, по требованию начальника гарнизона города Тургая, пополнение со стороны города Оренбурга через Актюбинск, Челкар, Иргиз.

В Тургае находилась карательная экспедиция. С прибывшим пополнением она насчитывала около 10 тысяч человек. Тут были драгуны, казаки, артиллеристы, гусары, вооруженные пулеметами, пушками.

По пути следования артиллерия расстреливала невинное мирное население, каратели осуществляли насилие над беззащитными женщинами, грабили имущество.

Тургай был центром карательной экспедиции. Каратели занимали также Оренбург, Актюбинск, Челкар, Иргиз. К нам пытались пробраться их разведчики. Однажды мы поймали семь человек, отобрали винтовки.

В декабре каратели начали наступление на восставших.

Первое сражение произошло в районе Кенжетая по направлению к мечети Баймурата.

Главные силы восставших находились уже в 150 километрах от Тургая, в Каратургайской волости, местечке Кар Батпаккаре.

Первая стычка произошла не со всеми силами восставших, а с отдельными отрядами, так как главные силы находились впереди.

Мы решили партизанским порядком отвлечь внимание, направив в тыл врага по 150, по 300, до 500 человек. Мы их изматывали, потому что они не знали, где у нас находятся главные силы.

После первого сражения произошло второе – уже на месте нахождения главных сил восставших. Сражение продолжалось 8 часов. Жертвы мы понесли небольшие, но все же вынуждены были отступить в глубь степей.

Карательная экспедиция посчитала дальнейшее преследование нас невозможным и возвратилась в Тургай, где находилась до февральской революции.

После этого сражения мы тоже убедились, что хотя по численности мы превосходим противника, но с таким вооружением мы не можем победить. Если будет революция, мы будем спасены: если революции не будет, так или иначе они нас разгромят. Поэтому для спасения себя нам надо выехать за границу – в Афганистан или Турцию.

На военном Совете я, Амангельды Иманов, Джамбусынов, Карабаев решили, что нам нужно послать представителей в те страны, через границу которых мы должны проехать, чтобы нам не препятствовали.

В то время граница была открыта, но мы заботились о том, примут ли нас те страны, куда мы прибудем.

Я инстинктивно чувствовал близость и неизбежность революции. Из Петрограда доходили смутные слухи. Я всячески поддерживал своих друзей.

Было решено отправить делегатов в соседние страны, чтобы обеспечить уход туда восставших и наделения их землей на новой родине.

Меня выбрали для поездки в Афганистан. Я свободно владел несколькими языками. В то время знал немного английский язык, в совершенстве знал турецкий. Это помогло бы мне договориться.

Собирался я не долго.

Уезжая, я условился с товарищами: “Что ждет меня впереди, предвидеть трудно, но если до весны от меня не будет никаких известий, снаряжайте верблюдов и лошадей и откочевывайте к афганской границе. Там я вас встречу”. И добавил: “Если придут каратели, будете ругать нас, на чем свет стоит, возмущайтесь, скажите, главный бунтовщик убежал, а вы мирные жители”.

К такой предосторожности обязывало появившиеся в газетах и проникшие в степь объявления оренбургского губернатора о том, чтобы живым или мертвым меня поймать и доставить.

Взяв провожатых, я выехал в путь верхом на лошади. Одновременно со мной выехали и другие представители. Поехал Джамбусынов Садман и Зинейдин Ишанов. Их послали в Китай.

Я направился через степь в Бухару. По пути мне помогали степняки. Путь мой лежал через Туркестан, Ташкент. В степи меня хорошо знали и всюду моих спутников встречали тепло и охотно, снабжали всем необходимым. Хорошо встречали нас и узбеки.

Я совершенно переменял свой внешний вид. На мне была одежда узбека, и выдавал я себя за узбека.

В Туркестане меня радушно принимает главный хранитель гробницы шейх, с которым я встречался раньше, у которого я несколько лет тому назад был со своим киноаппаратом. Он дал мне письмо к эмиру Бухарскому. Письмо к Эмиру начиналось так: “Именем всемогущего Аллаха. Казахский народ находится под гнетом кафров /неверующих/. Нам, правоверным мусульманам святой долг помочь нашим братьям...”

Нам казалось, что с Эмиром Бухарским стоит поговорить о нашем деле. Из предосторожности я оставил своих провожатых за городом, а сам, спешившись с верблюда, отправился к одному знакомому узбеку. Я знал, что он близок к Эмиру. Я напоминал паломника, который только что вернулся из далекого путешествия к гробнице пророка. На мне была рваная старая одежда, покрытая толстым слоем пыли, большой посох в руках. Солнце опалило мое лицо.

Хозяин не сразу узнал меня. Он хотел отделаться от меня простым подаянием. Когда я подал ему письмо эмиру, он узнал и поприветствовал меня. Он посоветовал не ходить к эмиру, дал мне адрес, где я должен был жить. Мои спутники должны были жить отдельно от меня. Мне он велел нигде не показываться, ни с кем не разговаривать, так как меня всюду разыскивают.

Я отправился по указанному адресу и ждал терпеливо, пока он позовет меня. Так я прожил несколько дней.

Однажды ночью кто-то постучал в окошечко. Какой-то человек принес мне письмо. Мы с ним отправились в город и прошли к дворцу эмира. Всю дорогу мы не проронили ни слова. Молча мы подошли к дворцу эмира, молча вошли во дворец.

Этот человек, очевидно, знал расположение дворца и его, очевидно, знали, потому что его всюду пропускали.

Оказалось, что эмир не жил в этом дворце, жил в новом дворце за городом. Здесь помещался председатель Совета министров, заместитель эмира. Знакомимся: Мирза Насрулла-Бей-Куль-Кушбеги.

Тут спутник сказал мне:

– Тебя принимает не эмир, а его первый министр. Он сильнее эмира. Ты можешь ему все рассказать подробно.

Я был в недоумении.

– Мне эмир нужен.

В этот момент раскрылась дверь и меня пригласили к Кушбеги. С первого взгляда он внушил мне доверие.

– Можешь мне рассказать все самым подробным образом. Я твой друг.

Около часа я рассказывал ему обо всем пережитом в последние месяцы Казахстаном, о действии карательных экспедиций, о зверском избиении мирных жителей, женщин и детей, разорении кишлаков и аулов.

– Я все понимаю, – сказал он, выслушав меня, – ты действовал правильно, и твоя тактика была правильна. Я рад, что ты обратился именно ко мне. Я постараюсь помочь тебе в этом, а сейчас отправляйся туда, где, ты остановился, и жди. Никому не говори, что видел и говорил со мной, по-прежнему нигде не показывайся. Через несколько дней получишь ответ, а к эмиру не ходи.

Я вынужден был подчиниться.

Через несколько дней ко мне постучал мой недавний молчаливый спутник:

– Сейчас снаряжается караван в Афганистан. Через неделю ты отправишься с ним. Ты получишь письмо к эмиру афганскому, оно приведет тебя к цели.

Это было 4 февраля 1917 года. Через 13 дней в Петербурге произошла февральская революция.

Здесь хочется сказать несколько слов о бывшем первом министре эмира Бухарского. Мирза Насрула-Бей-Куль-Кушбеги был умнейший человек, и эмир находился под его влиянием, а с другой стороны, всегда побаивался его, так как считал его чуть ли не конкурентом на престол эмира. Эмир всегда считался с его мнением и внимал его советам.

После февральской революции, по его совету, эмир решил создать парламент, остаться конституционным монархом. Кушбеги передал ему проект конституции. Об этом узнали ишаны и муллы и убедили эмира убить его, иначе он их всех погубит.

Однажды ночью была устроена резня: Кушбеги, его семья и родственники были зарезаны.

В Бухаре стало известно о свершившейся февральской революции. Несмотря на то, что первая, вторая и третья телеграммы из Петрограда были скрыты, четвертую телеграмму пришлось обнародовать. Тогда я решил вернуться назад.

Доехал я до Челкара, встретил своих спутников и послал их в Тургай с письмом: “Царская власть сметена. Если карательные отряды будут продолжать грабить население, завлекайте их в глубь степей. До моего возвращения никому не верьте и оружие не сдавайте”.

Тут же товарищи мои через Челкар отправились в Тургай. Я им тоже дал такую же установку, какую давал в письме. Писал я Амангельды Иманову и Джанбусынсу.

Я поехал в Петроград.

Там встретил казаха С. Курманова из Темира, мобилизованного царским правительством в 1916 году на тыловые работы. Решили отправиться в Смольный. Здесь познакомились с одним из представителей большевистской фракции Петроградского Совета. Я рассказал ему, что в Казахстане карательные отряды творят произвол, грабят и разоряют беззащитное население.

Выслушав меня, представитель большевистской фракции обещал переговорить с кем следует, а нам предложил зайти через несколько дней. Прошло два дня. Я пошел в Смольный в 10 часов утра. Со мной был Курманов.

Меня познакомили с одним гражданином. Это был меньшевик Соколов, впоследствии министр юстиции при Временном правительстве. Выслушав меня, он сказал:

– Подождите немного.

Минут через десять он вызвал меня и сказал:

– Идите со мной.

Я пошел с ним. Мы пришли в большой зал, где проходило заседание. Шумные приветствия, аплодисменты. Шло совместное заседание членсв Государственной думы и Совета рабочих и солдатских депутатов. Мне предоставил слово председательствовавший на этом заседании Чхеидзе. Я вначале растерялся, а потом стал смело говорить:

– Товарищи граждане! Люди получили свободу. Мы, казахи, вместе с русским народом выражаем свою радость по поводу освобождения страны от царского ига. Здесь, в России, вы обсуждаете свои нужды, а в степях казахских экспедиционная армия во главе с генералом Лаврентьевым, карательные отряды Николая II, свергнутого здесь, в России, продолжают свою преступную работу, расправляясь с тысячами казахов.

Во время моей речи поднялся шум в зале, и раздались возгласы: “Это позор, позор!”

После моего выступления, присутствовавшие на заседании большевики, потребовали немедленно отозвать карательную экспедицию. Их предложение было единогласно принято. –

В Петрограде я пробыл неделю. Мне посоветовали поехать обратно в степь. Выдали удостоверение, что я являюсь представителем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и направляюсь в Казахстан для разъяснения происходящих событий. С этим я выехал из Петрограда.

Через несколько дней прибыл в Оренбург, а затем в Актюбинск. Там, по инициативе гражданина Турмуханбетова, был устроен митинг. Турмуханбетов в это время был небольшим чиновником в земской управе. Содержание моего выступления было примерно следующее:

– В данное время буржуазно-демократическая революция свергла Николая II. Временное правительство является временным. Рано или поздно произойдет настоящая, пролетарская революция и возникнет подлинная народная власть.

В своем выступлении я призывал к переходу на путь пролетарской революции и останавливался на вопросах о характере Февральской революции. Говорил, что Временное правительство не выражает интересов народа, а служит интересам помещиков и буржуазии. Эти положения были высказаны мною и на митингах в Актюбинске, Челкаре, Иргизе. Народ всюду встречал меня с подъемом, радостно приветствовал решение Петроградского Совета об отзыве карательной экспедиции.

В Иргизе комиссар Временного правительства Темиров запретил созыв митинга, но он все-таки состоялся. На нем после меня выступил Темиров, расхваливал Временное пра-

вительство и ни слова не сказал об отзыве карательной экспедиции, называл меня бунтовщиком, толкающим народ на восстание. Темиров заявил, что есть приказ губернатора поймать меня живым или мертвым и передать властям. Несмотря на это, народ освистал его и принял мое предложение.

Затем я поехал в Тургай. По пути видел возвращавшиеся войска. Оказалось, что уже действует приказ Временного правительства о немедленном отзыве карательной экспедиции. По прибытии в Тургай остановился в одном доме. Хозяйка приготовила чай. Сажу за столом. В это время открывается дверь, входит уездный начальник с приставом и спрашивает Степнова. Ответил: “Это я”. Вынужден был так сказать, потому что, кроме меня, никого из посторонних в доме не было.

– От имени Временного правительства и областного комиссара Букейханова вы арестованы, – сказал мне пристав.

Меня забрали. При выходе из дома увидел, что он был окружен казаками. Посадили в тюрьму, в одиночную камеру, в которой держали 25 дней без всякого общения с внешним миром.

В тюрьме нашел общий язык с часовыми. Один из них, русский, сам начал разговор через решетку. Постепенно с часовыми установились хорошие отношения, они часто беседовали со мной, спрашивали, за что посажен. Подробно рассказал об этом. Если шел кто-либо из начальства, они предупреждали меня, и я уходил в камеру. Обед свой они делили со мной. Часовые менялись и с каждой сменой вновь велись разговоры. В конечном итоге почти половина гарнизона побывала у меня и была мною сагитирована. Так продолжалось десять дней.

Однажды пришел офицер Загайнов – воинский начальник. Передал мне книги, бумагу, чернила. Через неделю

он явился ко мне с другим офицером и стал беседовать. В конце беседы спросил: “Что вы хотите? Я вам помогу”. Сказал ему, что буду очень признателен, если он даст знать Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, что я арестован и сижу в одиночном заключении без суда и следствия, не зная за что. Он обещал выполнить мою просьбу. Я написал текст телеграммы Петроградскому Совету и передал Загайнову. В городе были уездный начальник и комиссар Временного правительства. Военский начальник без их ведома не имел права самостоятельно действовать. И все же Загайнов отправил мою телеграмму.

Спустя две недели часовой сообщил, что из города идет несколько человек. Оказалось, что это пристав, полицейский и околоточный. Они приказали часовому открыть камеру и сказали мне: “Вас требует уездный начальник”. Повели меня к уездному начальнику Гарфу, у которого находился комиссар Временного правительства Алмасов. Они спросили, признаю ли я себя виновным перед Временным правительством.

– Не могу вам на это ответить. Как вы сами считаете?

Тогда они прочитали мне приказ Тургайского областного комиссара, в котором было сказано:

“...если в течение 23 часов Степнов оставит Тургайскую область и даст свою расписку о невозвращении больше сюда, то немедленно его освободить”.

Пришлось на это согласиться и дать подписку. После освобождения я встретился со своими друзьями. Они пошли с ходатайством к начальнику о том, чтобы меня оставили в Тургае, но не добились никаких результатов. Я вынужден был выехать в Оренбург.

По прибытии в Оренбург решил добиться приема у Тургайского областного комиссара Временного прави-

тельства Букейханова В приемной комиссара встретил Э.Турмухамедова, который выполнял обязанности секретаря комиссара. Я попросил его доложить обо мне Букейханову.

– Вряд ли он вас примет, – сказал он, – но все же доложу.

Через некоторое время Турмухамедов вернулся, пригласил к комиссару. Я вошел в кабинет, поздоровался по-казахски, но Букейханов не ответил, а задал мне вопрос:

– Что вам нужно? Не достаточно ли того, что вас выпустили?

Я говорю:

– За то, что выпустили, спасибо, но разрешите задать вопрос: за что я сидел два месяца?

Тогда он сказал:

– Если станете продолжать грубить, будете всю жизнь гнить в тюрьме.

Я резко ответил ему и ушел.

На следующий день, это было в конце мая 1917 года, я выехал в Петроград. У меня имелось заявление, подписанное тысячью казахов. В Петрограде меня принял Шапиро – заведующий иногородним отделом Совета. Я рассказал ему о событиях в степи. Меня назначили инструктором по организации Советов солдатских депутатов в Тургайской области. Приняв назначение, все же сказал, что, “вероятно, меня опять там арестуют”. В ответ мне заявили: “Мы дадим вам такие документы, по которым вас никто не арестует”. В этом документе писалось, что я назначаюсь организатором-инструктором по созданию Советов солдатских депутатов в Тургайской области. Все организации обязуются оказывать мне содействие в выполнении моей задачи.

Получил мандат, деньги на дорогу и выехал.

Снова Оренбург. Встретился с большевиком Коростелевым – членом Совета, познакомившим меня с председа-

телем Совета, который выдал мандат от имени Оренбургского Совета солдатских депутатов, помеченный 3 июля 1917 года, такого содержания:

“Предъявитель сего, инструктор Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, Али-Бей Джангильдин, командирован Советом солдатских и рабочих депутатов в Тургайскую область для разъяснения происходящих событий, уложения недоразумений среди туземцев и ведения пропаганды в Тургайской области. Совет просит все организации Тургайской области оказывать ему необходимое содействие, что удостоверяется подписью и приложением печати”.

В Оренбурге я пошел к областному комиссару Временного правительства Букейханову. На этот раз он принял меня любезно, даже не заставил ждать. Жил он в доме губернатора.

– Давно вас не видел, – с подчеркнутой любезностью встретил меня Букейханов.

– Да, два месяца вы продержали меня в тюрьме. Может быть, опять думаете запереть?

– Мы против вас ничего не имеем. Вы что думаете делать?

– А вот еду в Тургайскую область Совету образовывать.

– Непокойно там. Ваше появление может привести к нежелательным осложнениям.

Показываю мандат. Букейханов прочитал и вдруг обратился ко мне.

– Ты казах?

– Казах.

– Из Тургайской области?

– Извини меня за то, что я тебе скажу. Зачем тебе связываться с этими депутатами. Мой тебе искренний со-

вет: плюнь на этот мандат. Я тебе выдам другой. Назначу областным инструктором для подготовки к созыву Учредительного собрания. Подумай об этом. Зачем нам, казахам, ссориться.

Мы разговаривали с ним с четверть часа. Передо мной сидел типичный губернатор. Я понял, что спорить с ним бесполезно, и ответил уклончиво:

– Я подумаю. Дайте мне мой мандат.

– Пусть останется у меня.

– Нет, уж лучше отдайте его мне. Завтра я вам дам ответ.

После разговора с Букейхановым, пробыв некоторое время в Оренбурге, я решил ехать. Прибыл на вокзал, позвонил Букейханову по телефону:

– Ваше предложение неприемлемо. Еду в Тургайскую область.

По прибытии в Актюбинск остановился у воинского начальника. Показал мандат, созвал митинг и начал организовывать Совет солдатских депутатов. Председателем избрали некоего вахмистра Петрова. Затем организовал Совет в Иргизе, где председателем избрали некоего Вишневого. После образования Совета созвали городской митинг, на котором выступил представитель Временного правительства А. Темиров. Он пытался сорвать митинг и арестовать меня, но это ему не удалось.

По окончании митинга я выехал в Тургай. Остановился в казармах. Там были воинские части. Воинский начальник, тот самый, который ходил ко мне в тюрьму, очень обрадовался моему приезду. Я сказал, что нам нужно организовать Совет солдатских и рабочих депутатов. Он принял предложение. Созвали представителей воинских частей и гражданских учреждений Тургая. На митинге избрали Совет и его председателя казаха Асауова. Сочувствуя нам еще в 1916 году, он с рвением взялся за работу.

От Асауова узнал, что в Тургайском уезде находится чрезвычайная комиссия во главе с помощником областного комиссара Дулатовым (одним из организаторов Алаш-Орды). Комиссия наложила на население контрибуцию – 200 тыс. рублей, 10 тыс. голов крупного рогатого скота, 15 тыс. лошадей и большое количество овец. Сорок человек из вожаков и участников восстания 1916 года, включая Амангельды Иманова, комиссия решила выслать из Казахстана на сроки от 5 до 10 лет.

Чрезвычайная комиссия находилась в 150 километрах от Тургая, в Батпакаре. Я выехал к месту ее нахождения.

По прибытии в Бетпакару, в трех километрах от места нахождения чрезвычайной комиссии, я остановился у гражданина Каралдина, который в 1916 году помогал нам.

Увидев меня и зная, что я не должен был вернуться в Тургайскую область, он был поражен и не советовал мне ехать к ним. Несмотря на это, я поехал туда, где находилась чрезвычайная комиссия.

По прибытии на место я увидел пять кибиток, а около них много народа, пригнавшего скот. Стоял стон и плач. По дороге двигались табуны лошадей, отары баранов, собирали контрибуцию.

Мой приезд оказался для них неожиданным. Я слез с лошади и прямо направился в кибитку, где находилось начальство. Там было около 15 аксакалов. Приняли очень любезно и просили сесть, предоставив почетное место. Все они меня знали. Это были те, кто раньше меня преследовал. Спросили, какими судьбами я сюда попал. Говорю им:

–Приехал к вам убедиться, как вы совершаете “справедливый” суд, как вы грабите народ.

Одновременно сообщил, что уполномочен создавать Советы. Показал свой мандат. Помощник уездного начальника Глеугабылов Ищан прочитал его и, возвращая, заявил:

– Вам нужно образовывать Советскую власть в городах. Вам не было надобности сюда приезжать.

После такого заявления Тлеугабылова я встал и сказал:

– Даю три часа на размышление. В течение трех часов вы должны убраться отсюда, ничего не взяв у населения: ни скота, ни денег. Если в течение этого времени не уберетесь, за вашу неприкосновенность не отвечаю.

Сказал это громко. Народ, окружавший кибитки, услышал мои слова. Выйдя наружу, сел на лошадь, а со мной еще человек 200. Скот остался на месте. Проехали километр до аула. Только сели за стол чай пить, как прискакал один человек и сообщил, что чрезвычайная комиссия удирает. Я послал людей следить, чтобы она не увела скот. Человек 300 туда поехали. Я сказал им, чтобы они их не разоружали, не трогали, только пусть они уезжают.

После бегства комиссии я с неделю пробыл в тех местах. В это время население написало заявление на имя Петроградского Совета и собрало подписи в 13 волостях. В заявлении говорилось о безобразиях, которые творили представители Временного правительства, областной комиссар и буржуазные националисты.

Затем я снова вернулся в Тургай. Там застал телеграмму Петроградского Совета за подписью меньшевика Чхеидзе о немедленном выезде в Петроград. Выехал туда. По дороге заехал в Актюбинск, где открывался областной съезд буржуазных националистов по подготовке к созыву Учредительного собрания. Здесь я встретил Турмуханбетова. Он просил меня принять участие в этом съезде. Руководителем съезда был Дулатов. Турмуханбетов и его сторонники были за то, чтобы мне дали слово, но Дулатов и его приверженцы протестовали против этого. Большинством голосов слово получил.

В своем выступлении я разоблачал действия буржуазных националистов, рассказал о том, что они творили в Тургае. Народ голосовал за меня.

Остаться там у меня не было времени. Я должен был продолжать свой путь. В Оренбурге встретился с Александром Коростелевым* . По прибытии в Петроград узнал, что Букейханов, его заместитель Матвеев и председатель областного гражданского управления Ткаченко отправили Чхеидзе обширную телеграмму с предложением отозвать “афериста” Джангильдина, который разъезжает по степи, “сеет смуту, разводит контрреволюцию”.

Преыдушие два раза, уезжая в степь, я получал директивы от Я.М.Свердлова. На этот раз я опять явился к нему, рассказал о событиях в степи, как вел агитацию, и спросил, что делать дальше.

Недели через две меня направили на краткосрочные курсы подготовки инструкторов по выборам в Учредительное собрание. На курсах был три недели. Они были созданы Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Советов рабочих и солдатских депутатов.

По окончании курсов обратился к Якову Михайловичу за советом. Он сказал, что мне нельзя возвращаться в Казахстан, и посоветовал выехать в Крым для работы среди татар. Я согласился, так как хорошо владею татарским языком. Меня направили в распоряжение председателя областного гражданского управления, для использования инструктором по подготовке к выборам в Учредительное собрание.

По прибытии в Симферополь я получил назначение в Феодосийский уезд. Работа пошла хорошо, но меня стали преследовать за то, что я не провожу ту линию, какую нужно для начальства. Население было склонно в мою пользу. Когда стали говорить областному гражданскому управле-

нию, что его инструктор ведет не ту линию, меня отозвали и направили в Бахчисарайский уезд.

Я объездил Симферопольский, Феодосийский, Ялтинский, Евпаторский уезды. Везде агитировал за большевистский список.

Меня, как представителя большевиков, всюду встречали тепло. К обещаниям Временного правительства относились скептически.

В это время в Петрограде совершился Октябрьский переворот. Через несколько дней я получил телеграмму от Я.М.Свердлова о выезде в Петроград.

По приезду в Петроград пришел к Я.М.Свердлову. Он обрисовал мне общее положение, изложил свои соображения о моем назначении и, сказав, что поговорит об этом с Ильичем, просил меня явиться через три дня.

В назначенный день пришел в Смольный. Меня провели к Владимиру Ильичу. Через несколько минут из боковой комнаты вышел Ленин. Поздоровался со мной и спросил:

– Вы Джангильдин?

– Да.

– Где-то я вас видел уже.

– В Швейцарии.

– Совершенно правильно. Помню.

Владимир Ильич расспрашивал меня о событиях последних месяцев в Степном крае, говорил о характере и судьбах Октябрьской революции, о ее перспективах.

Владимир Ильич беседовал со мной довольно долго.

– Буржуазная революция, – сказал он, – ничего не дает угнетенному народу. В программу большевиков входит задача – освободить угнетенные народы и дать им возможность самостоятельно развиваться. Наша тактика должна быть такой, чтобы привлечь на нашу сторону интеллигенцию, культурные слои населения. Врагу пощады не должно быть.

Заканчивая беседу со мной, Ленин сказал:

– Поезжайте в Степной край, работайте, защищайте лозунг “Вся власть Советам!” В случае серьезных сомнений запрашивайте, не стесняясь, обращайтесь ко мне лично. Вы назначаетесь временным областным военным комиссаром Тургайской области. Особенно долго здесь не задерживайтесь. Ваш мандат готов.

В мои полномочия входило: установление Советской власти, организация красногвардейских отрядов для борьбы с Дутовым.

С заданием от Владимира Ильича я выехал из Петрограда в Самару. По прибытии туда пошел в губисполком. Там познакомился с Куйбышевым, в то время председателем губисполкома. Он рассказал о положении дел в Оренбурге и считал первоочередной задачей организацию борьбы с Дутовым, поднявшим мятеж против Советской власти.

От тов. Куйбышева я узнал, что Совет Народных Комиссаров назначил Чрезвычайным уполномоченным по Туркестанскому краю старого большевика тов. Кобозева* . Познакомился с тов. Кобозевым и вместе с ним выехал в Бузулук. Там мы провели политическую работу среди железнодорожников, созывали митинги, на которые собиралось по несколько сот человек, организовали набор добровольцев в красногвардейские отряды для борьбы с Дутовым. Образовался отряд исключительно из железнодорожников**. С ним мы и двинулись из Бузулука дальше, встречая слабое сопротивление белогвардейцев.

Доехали до 16 разъезда, в 25 километрах от Оренбурга. Обмундирование, продовольствие и снаряжение имели в достаточном количестве. На 16 разъезде стояли 3 дня.

В это время белогвардейцы захватили ряд станций в нашем тылу. Дутов успел собрать около 10 тысяч кадетов.

гимназистов, чиновников, юнкеров и решил окружить наш отряд. Мы имели 8 пушек. Командовал отрядом Ходаков. Нас окружили. Мы с боем пробивали себе путь. Белоказаки разрушили полотно железной дороги. Пришлось отбиваться от них и вместе с тем восстанавливать путь.

Отступили до станции Платовка. Здесь как раз проходила граница между территорией казачества и территорией переселенцев украинцев. Украинское крестьянство в своей массе стояло за нас, а казаки в значительной части склонялись на сторону Дутова.

В районе станции Платовка выдержали бой, но пришлось отступить до Бузулука. В Бузулуке сформировали крепкий отряд. Там я встретился с большевиком С.М.Цвиллингом*, бежавшим недавно из Оренбургской тюрьмы. Отправились набирать добровольцев на ст. Абдулино, в Стерлитамак, Уфу, Белебей.

За две недели в отряд записалось 900 человек. Командир избирался голосованием. Меня единогласно избрали командиром и комиссаром этого отряда. Отряд назвали Уфимским.

В это время и отряд Кобозева увеличился. У него уже было не 600, а 800 человек. Но все же мы отправили телеграмму Владимиру Ильичу с просьбой о помощи. По его распоряжению нам направили отряд матросов в 600 человек во главе с мичманом Павловым. Со стороны Уральска к нам также продвигались отдельные отряды, в том числе Жлобинский отряд – всего около 500 человек. Таким образом, у нас собралось около трех тысяч человек, то есть в пять раз больше, чем при первом наступлении отряда Кобозева. К тому же отряд матросов, прибывший из Петрограда, был прекрасно обмундирован и снаряжен.

В декабре, в сильные морозы начали второе наступление на Оренбург. Бои шли упорные, каждую станцию брали с

боем. Двадцать дней длились бои с переменным успехом. Особенно сильные схватки развернулись под Новосергиевкой и за станцию Сырт. Эту станцию мы взяли после недельного боя. Я вступил в Сырт с отрядом матросов и своим отрядом в 12 часов ночи. Бойцы показали в борьбе за станцию Сырт исключительное упорство. После взятия Сырта мы нашли в окопах несколько сот замерзших гимназистов и юнкеров, не выдержавших условий зимнего боя.

Мы создали своего рода революционный совет, в который вошли Кобозев, Павлов и я. После взятия станции Сырт продолжали наступление дальше: отряд матросов – по железной дороге, я со своим отрядом – в сторону Павловки, в 5-6 километрах от 16 разъезда, и железнодорожники – с другой стороны.

В моем отряде имелось около 15 пулеметов. Выступили мы в 4 часа утра 16 января. Противник нас встретил стрельбой из трехдюймовых пушек. Бой длился несколько часов. Дутовцев разбили. Остатки их банды отступили, и мы вошли в село Павловку. Белоказаков гнали до 17 разъезда. В нашем распоряжении оказалось уже 20 пулеметов.

Население встречало нас с хлебом и солью. Я приказал бойцам ничего не трогать. Дисциплина была хорошая.

Мы попросили у населения подводы, так как некоторые бойцы отряда не могли идти: они очень устали.

В трех километрах от нас находилась станция Каргала. Она горела. Там ничего не осталось. Мы ее заняли. Здесь соединились все отряды. В трех километрах от станции находился хутор. Там засели дутовцы. Они отчаянно сопротивлялись, но все же мы их выгнали и вслед за этим заняли 17 разъезд.

На 17 разъезде решили использовать связь с Оренбургом. Среди бойцов имелись телеграфисты. Один из них,

пользуясь тем, что провода не были перерезаны, сообщил в Оренбург, якобы от имени белоказаков, что большевики отступили, а 17 разъезд пустой, и просил выслать подкрепление. Белогвардейцы поверили и пустили поезд с 18 на 17 разъезд. Как только поезд приблизился на 400 метров к 17 разъезду, мы встретили его достойным образом. Красногвардейцы залегли около железной дороги, против стрелки. Когда поезд поравнялся с нами, мы открыли пулеметный и ружейный огонь. Но машинист дал задний ход, и дутовцы удрали. К нам стало прибывать новое подкрепление.

Мне удалось связаться по прямому проводу с Оренбургом. Совершенно неожиданно у телефона оказался Георгий Коростелев. Он спросил меня, откуда я говорю. Я сказал, что с 17 разъезда.

— В каком состоянии Оренбург, — спросил я.

— Дутов отступает из города. Мы создаем охрану из рабочих города и организуем отряд.

Он спросил, какие у нас силы. Сообщил, что идем в сторону Оренбурга соединенными отрядами Кобозева и мичмана Павлова. Коростелев сказал, что мы можем спокойно двигаться вперед. Через час на дрезине к нам выехал Коростелев и еще четыре товарища. Они прибыли в штаб — так мы называли вагон, где обычно находились Кобозев, я и Павлов.

Тем временем мы дошли до 18 разъезда. Отдохнули. К нам подъехал штаб, потом подошло подкрепление. Потребовали из Оренбурга несколько составов, погрузились и двинулись в путь с песней “Смело, товарищи, в ногу”.

Ночью с 17 на 18 января с музыкой и песнями мы вступили в Оренбург. Всю ночь до утра закрепляли взятые позиции, расставляли охрану, занимали правительственные учреждения и поставили посты на дорогах, ведущих к городу.

На следующее утро после занятия города к нам со стороны Ташкента прибыл на помощь отряд рабочих. Они пробивались к нам, несмотря на то, что были плохо вооружены и одеты.

Утром я отправился в Тургайское областное управление. Мне предстояло вступить в свою должность временного областного военного комиссара Тургайской области.

В городе до нашего прихода было два бывших губернатора: Тургайский – генерал Эверсман и Оренбургский – барон Таубе. Барон Таубе бежал с Дутовым, генерал Эверсман остался в Оренбурге.

Предварительно я послал людей в областное управление узнать, кто из чиновников остался на месте и кто из них изъявляет согласие с нами работать. Это относилось также к интеллигенции Оренбурга – русской и казахской. Наряду с этим я опубликовал обращение о победе Советской власти.

Первым ко мне явился казах Тунганчин, бывший чиновник областного управления. Он заявил о полной своей готовности работать с Советской властью. К нему тут же присоединилось несколько казахов-интеллигентов и чиновники, занимавшие прежде низкие должности. Чиновники же, состоявшие ранее на руководящих должностях, отказались с нами работать. Мы их не принуждали, но некоторые из них пошли к нам работать. Явился даже генерал Эверсман, согласившийся работать на маленькой должности. Аппарат мы быстро перестроили на советский лад.

В Тургай и во все смежные области разослали телеграммы об установлении в Степном крае Советской власти. Ото всюду начали приходить по телеграфу сообщения, что трудящиеся массы переходят на нашу сторону и образуют Советы.

Революционный порядок в городе быстро восстановили. Решили защиту Оренбурга поручить оренбургским рабо-

чим, а отряды Кобозева, Павлова и мой перебросить на юг, к Ростову.

Уфимский отряд потребовал, чтобы я продолжал поход с ними, но мне дали новое задание из Петрограда. Для его выполнения остался в Оренбурге. Первое время мы запрашивали Петроград, прося инструкций, и получили в ответ письмо от И.В.Сталина.

Алаш-ордынцы еще 5 (18) декабря 1917 года собрали съезд, который назвали общекиргизским. На самом деле на съезде участвовали только буржуазные националисты и феодалы. На этом съезде они организовали свое контрреволюционное правительство, во главе которого стоял бывший комиссар Временного правительства по Тургайской области и член ЦК кадетской партии А.Букейханов. Там же была принята контрреволюционерами программа борьбы против большевиков, согласованная с атаманом Дутовым.

15 (28) января 1918 года эсеров-алаш-ордынский исполнительный комитет обратился к населению Тургайской области с “декларацией”, изливавшей потоки лжи на Советскую власть.

Между тем на местах устанавливалась власть Советов. Этому способствовало то, что трудовое население знало о бегстве алаш-ордынцев из Оренбурга, за которыми поспешили и их местные представители.

В. И. Ленин не выпускал из виду событий в Казахстане. Мне было предложено командировать в Комиссариат по делам национальностей казахских делегатов для подготовки вопроса об автономии Казахстана. 7 марта 1918 года в телеграмме на имя И. В. Сталина я ответил, что делегаты будут командированы из числа представителей Тургайского областного съезда Советов.

Тургайский областной съезд Советов собрался в момент триумфального шествия Советской власти. Оренбургская

партийная организация подготовила созыв съезда Советов. В его созыве и подготовке нам помогали местные люди – казахи и русские, которые раньше примкнули к нам. Выборы на съезд производились по волостям, уездам, отдельным рабочим и другим организациям.

В это время проходили уездные съезды и в других местах и выборы делегатов на областной съезд. По Кустанаяу уполномоченными были Сералин и Саркин. Впоследствии оба стали большевиками. По Актюбинскому уезду – Турмухамбедов, сочувствовавший Советской власти. По Тургайскому уезду – Амангельды Иманов, по Иргизскому уезду – Тунганчин.

Часть делегатов Актюбинского уездного съезда Советов попала под влияние эсеров. Эсер Шаповалов, пользуясь этим, послал в Москву телеграмму в адрес Наркомвнудел, прося утвердить его, Шаповалова, областным комиссаром. Наркомвнудел Г.И.Петровский не знал об этой телеграмме, а Лацис, который был заместителем Петровского, не разобрался в обстановке и послал телеграмму о том, что он подтверждает назначение Шаповалова. С этой телеграммой Шаповалов приехал в Оренбург и обратился ко мне со следующими словами:

– Я являюсь назначенным областным комиссаром. Приехал принять область, – на что я ему ответил:

– Прежде чем сдать область, я поговорю с тем, кто меня назначил – Советом Народных Комиссаров.

Я со своими товарищами, Шаповалов с теми, с которыми он приехал, поехали на телеграф. Вызвали Москву. Я разговаривал по прямому проводу с И.В.Сталиным.

– Кто вызывает товарища Сталина? – был вопрос.

– Джангильдин из Оренбурга, – ответил я.

– Сталин у аппарата.

Он поздоровался со мной.

– Что вы хотите?

– Мы подготавливаемся к областному съезду. Уполномоченные посланы на места. Работа кипит. Созываются уездные съезды. В этот момент в Оренбург приехал один гражданин – эсер Шаповалов и обратился ко мне, чтобы я сдал ему область якобы на основании решения Актюбинского уездного съезда. Он мотивирует тем, что Актюбинский уездный съезд избрал его областным комиссаром. “О моем избрании, – заявил он, – мы поставили Москву в известность и получили подтверждение от Наркомвнудела Лациса, что я утвержден областным комиссаром Тургайской области”. Как мне быть? Прошу вашей санкции.

Сталин ответил:

– Пока побудьте у аппарата. Через полчаса вам будет дан ответ.

Действительно, через полчаса аппарат стал работать.

– У аппарата Сталин. Назначение Шаповалова считаю недоразумением. Наркомвнудел тов. Петровский не в курсе. Совнарком подтверждает свое назначение и уполномочивает вас быть Чрезвычайным военным комиссаром в этой области.

Раньше я был просто военным комиссаром Тургайской области.

– Желаю вам успеха, – сказал товарищ Сталин. – При проведении областного съезда боритесь стойко со всякими вылазками врагов.

Открылся съезд 21 марта 1918 года. Открывая его, я обратился к делегатам с приветственной речью.

Съезд приветствовал представитель казахского населения из Актюбинского уезда. Он сказал:

– Казахские делегаты наравне с русскими приехали сюда для работы на пользу нашего края и надеются найти здесь

правду и справедливость... Они надеются, что не будет больше притеснений казахам и вообще всем трудящимся, не будет больше неправды...

С содержательной речью выступил один из крупнейших руководителей оренбургских большевиков тов. Цвиллинг. В приветственном слове он указал, что на Оренбургский губернский съезд Советов проникли делегаты, причастные к контрреволюции, что съезду нужно внимательно посмотреть, нет ли среди его делегатов таких, которые не являются истинными представителями трудового народа, а если имеются, надо немедленно удалить их. Предложение Цвиллинга поставили на голосование. Делегаты единогласно приняли решение об удалении со съезда около 10 делегатов.

На первом заседании 21 марта обсуждался вопрос о посылке делегатов в Оренбургский военно-революционный комитет, чтобы установить с ним контакт. Тургайская область являлась самостоятельной, но центр политической жизни был в Оренбурге как крупном промышленном городе. Наш съезд был первым съездом Советов Тургайской области. В Оренбурге работала сильная группа опытных политических работников, имелась большая рабочая прослойка, и съезд не хотел действовать оторванно от такого большого политического центра. Поэтому контакт с оренбургскими организациями был необходим. Несмотря на возражения “левых” эсеров, присутствовавших на съезде, было принято мое предложение об избрании делегатов для посылки в военно-революционный комитет. Выбрали 8 делегатов, по 2 делегата от каждого уезда, — одного казаха и одного русского. Решение съезд принял подавляющим большинством голосов: 450 — за, 24 — против, 12 — воздержавшихся.

Председателем Оренбургского военно-революционного комитета работал большевик Цвиллинг. На съезде присут-

ствовал и другой руководитель оренбургских большевиков – А.А.Коростелев. Он выступил с приветствием и сделал доклад по текущему моменту, который продолжался полтора часа.

24 марта съезд послал телеграмму на имя Совета Народных Комиссаров, которая гласила:

“Москва, Совнарком. Товарищу Ленину.

В момент тяжелых исторических переживаний много-страдальной нашей Родины собравшийся Первый Тургайский областной съезд Советов крестьянских и рабочих депутатов далекой окраины, представителей от русского и киргизского трудового населения в числе 600 человек на своем заседании прежде всего постановил:

1) заявить Совету Народных Комиссаров, что как он, так и делегировавшее его население будут по мере своих сил и умения стоять на страже завоеваний революции под руководством Советской власти, могущей дать измученному трудовому народу всего человечества завоевания революции: свободу, братство, мир и процветание трудящихся всех стран без различия национальностей;

2) категорически заявить, что съезд будет стоять на страже проведения в жизнь декретов Совета Народных Комиссаров, содействуя всему тому, что давно ждет трудовой народ;

3) выразить свое горячее приветствие Совнаркому и в его лице всем местным Совдепам и пожелание успеха в их дальнейшей работе под лозунгом: “Да здравствует твердая Советская власть в нашей обширной республике! Да здравствуют пролетарии всех стран!

Долой всех контрреволюционеров, насильников, буржуев, капиталистов и империалистов всех стран и вечная память всем славным бойцам, павшим за эти идеи!..”

Съезд обсуждал вопросы об организации Советской власти в Тургайской области и принял Положение об аульных,

сельских, волостных, уездных, городских и областном Советах. В вводной части этого постановления говорилось: “Тургайский областной съезд Советов признает, что укрепление власти пролетариата, добытой потом и кровью рабочих, солдат, крестьян и других народов, населяющих Российскую Федеративную Республику, может быть достигнуто только введением Советской власти”. Было постановлено также подготовить агитационно-пропагандистских работников для организации власти на местах.

Съезд заслушал доклад о создании вооруженных сил для укрепления и защиты завоеваний Советской власти, постановил создать казахскую кавалерийскую дивизию, просил Совнарком утвердить это решение и оказать помощь в ее снаряжении и обмундировании.

На съезде рассматривалось еще несколько неотложных вопросов: земельный, продовольственный, финансовый, о народном образовании, о торговле, а также рабочий вопрос. Затем работали ветеринарная, врачебно-санитарная, народнохозяйственная и другие секции и комиссии съезда.

По вопросу о землепользовании русских и казахов была принята резолюция о земельной реформе. В прежнее время лучшая земля принадлежала богатой байско-кулацкой верхушке русского и казахского населения.

Съезд решил отменить колонизаторские привилегии и создать равноправный принцип пользования землей, как русским, так и казахским трудовым населением, распределив между ними землю. Для проведения земельной реформы в жизнь съезд постановил создать земельные комитеты.

Съезд прошел с большим энтузиазмом под лозунгом “Вся власть Советам!” Он закончил работу 3 апреля 1918 года, избрав исполнительный комитет в составе 25 человек. Я был избран председателем облисполкома.

Тургайский областной съезд сыграл очень большую роль в тот момент, когда с оружием в руках приходилось бороться с врагами Советской власти. Банды во главе с Дутовым почти каждый день делали налеты на Оренбург. Войск в то время в Оренбурге было мало, потому что они были переброшены на юго-западный фронт. Город защищали рабочие.

Дутовцы, конечно, знали, что в Оренбурге мало войск, и пытались этим воспользоваться, чтобы вновь захватить город. Делегаты съезда по ночам несли караул, проверяли посты. Мне пришлось однажды поздно ночью делать обход по городу. Было тихо, но чувствовалось, что налет должен быть. Адъютант предложил мне пойти немного отдохнуть:

– Я пойду в штаб. В случае чего буду иметь с вами связь и вам немедленно сообщу.

Я пошел отдыхать. Перед рассветом слышу оружейные выстрелы. Проснулся. В коридоре народ. Слышу голоса:

– Где Тургайский областной комиссар?

Вышел было в коридор, но люди, жившие в гостинице, спрятали меня. Когда я услышал, что дутовцы продолжают расспрашивать обо мне, вышел и сказал:

– Это я, что вам угодно?

Меня окружили. Спросили, какое есть оружие. У меня имелся маузер. Его отобрали. Объявили, что я арестован. Вышли из гостиницы и повели якобы к начальнику, а на самом деле вели меня на расстрел. Дутовцы только что собирались это сделать, как на площади разорвался снаряд. Они бросились врассыпную. Я убежал и присоединился к нашей воинской части, которая вышла на борьбу с дутовцами.

В эту ночь почти весь город был захвачен Дутовым, но подоспел на помощь полк из Самары, который выбил бело-

гвардейцев из Оренбурга. За несколько часов пребывания в городе дутовцы расстреляли много рабочих.

2 апреля 1918 года в станице Изобильной вместе с отрядом красногвардейцев, изрубленных белоказаками, погиб виднейший руководитель партийной организации, председатель Оренбургского губисполкома С.М.Цвиллинг.

Налет на Оренбург, о котором сказано выше, был совершен 4 апреля. Тогда были зарублены и выброшены с 5 этажа Дома труда редактор оренбургских “Известий” Гринберг, председатель казачьей секции губисполкома Захаров и его заместитель Овчинников. Всего погибло от белоказачьего налета 128 человек. К полудню 4 апреля город был освобожден от дутовцев.

После съезда с докладом о его работе мне пришлось выехать в Москву. Во время пребывания в Москве меня вначале принял товарищ Свердлов. Яков Михайлович подробно побеседовал со мной и обещал: “Я переговорю о всех поставленных вами вопросах с товарищами Лениным и Сталиным”. Спустя несколько дней я виделся с товарищем Сталиным, а после этого меня принял Владимир Ильич.

Все постановления съезда получили одобрение, и решено было создать Киргизский отдел при Народном Комиссариате по делам национальностей. Наметить кандидатуру заведующего отделом поручили мне. Это был один из первых национальных отделов при Народном Комиссариате по делам национальностей.

Совнарком удовлетворил нашу просьбу о выдаче обмундирования и вооружения на 25 тысяч человек. Реввоенсовет выделил командный состав для организации национальной части и поручил опытному военному работнику, бывшему полковнику царской армии, подобрать эти кадры, сохраняя при этом связь со мной. Но я, получив известия о тревожном положении в области, уехал в Оренбург.

После моего приезда из Москвы я был вызван по прямому проводу наркомом по делам национальностей товарищем Сталиным, который сказал мне следующее:

“Со мной вел переговоры Кульбай Тогузов, который является редактором газеты “Уш-жуз”. Одновременно он является организатором партии “Уш-жуз” в противовес алаш-ордынской. Мне думается, что эта партия более близка к нам. Следует с ними связаться, что представляет эта партия и что представляет Тогузов сам. Если эта партия действительно идет в противовес Алаш-Орде, если она действительно более близка к нам, следует перетянуть его на нашу сторону”.

После этого я вызвал по прямому проводу Кульбая Тогузова. Переговорив с ним, просил его приехать в Оренбург. Он обещал выехать. Его приезда я не дождался. Впоследствии узнал, что он был расстрелян колчаковцами.

После возвращения перед нами встали новые задачи.

Для того, чтобы лучше бороться с контрреволюцией, исполком должен был переехать в Кустанай. Обстановка была очень сложная. Некоторые члены облисполкома решили перебраться на лошадях. С другой частью членов исполкома я поехал по железной дороге. Одновременно была создана эвакуационная комиссия для переброски имущества в Кустанай. В состав комиссии вошли члены исполкома тт. Качигин, Яровой и Скаков.

Мы выехали. Нас сопровождал небольшой отряд в 40 человек. Чтобы пробраться в Кустанай, мы решили ехать через Бузулук, Кинель, Уфу, Челябинск и Троицк.

По прибытии в Бузулук узнали в исполкоме, что начался чехословацкий мятеж. Белочехословаки арестовали самарский исполком, свергли Советскую власть и двинулись по направлению к станции Кинель. Поэтому мы решили на-

правиться на станцию Бугуруслан на шестидесяти подводах. По прибытии в Бугуруслан узнали, что уисполком эвакуируется и члены его находятся на станции. Здесь с часу на час ожидали чехословаков. Шли спешные приготовления к эвакуации.

С Бугурусланским уисполкомом мы двинулись на Уфу через станцию Чишма. Через два часа после нашего отъезда Бугуруслан был занят чехословацкими мятежниками.

Приехав на станцию Уфу, узнали, что здесь находится Чрезвычайный уполномоченный Реввоенсовета Подвойский. Его вагон стоял на станции.

Я явился к Подвойскому. Он принимал меры к обороне. Переговорив с Подвойским, вызвали председателя Уфимского губисполкома. Провели небольшое совещание, на котором было решено оказать мне помощь, дать людей и оружие, чтобы перебраться на подводах через фронт бело-чехословаков в Верхне-Уральск, Троицк и Кустанай и оказать в тылу у мятежников.

Осуществить этот план не удалось ввиду быстрого наступления чехословаков с двух сторон – со стороны Бугуруслана и Челябинска – Златоуста.

Уфимский губисполком срочно эвакуировался.

Не получив поддержки и вооружения, я вынужден был отступить назад к Симбирску по Бугульминской железной дороге. Перерезать железную дорогу и прорваться нам удалось после небольшого боя с чехословаками. Мы добрались до Симбирска.

В Симбирске провели совещание, на котором большинство высказалось за то, что никакой помощи мне оказать не могут.

Я вызвал по прямому проводу Москву, Кремль, Я. М. Свердлова, которому обрисовал общее положение, и просил его указаний. Он сказал, чтобы я выехал в Москву.

Членов Тургайского губисполкома, которые были при моем штабе, решил отправить в Казань, а сам поехал в Москву, чтобы получить оружие и сформировать самостоятельный отряд для того, чтобы из Казани через Пермь и Екатеринбург пробраться в Кустанай. Штаб должен был ждать моего телеграфного сообщения из Москвы.

В Московском военном округе я узнал, что пробраться в тыл неприятеля со стороны Казани невозможно, так как вся северная линия — Пермь — Екатеринбург — была занята чехословаками. Они наступали на Казань. Единственный свободный путь в Казахстан — через Астрахань — Красноводск — Ашхабад — Ташкент.

В Реввоенсовете просил дать мне командный состав для организации под Москвой добровольческого отряда. После разрешения Реввоенсовета сформировать отряд я телеграфировал в Казань членам Тургайского облисполкома, чтобы те прибыли в Москву. Не дожидаясь их приезда, приступил к формированию отряда.

От бюро всенных комиссаров в мое распоряжение дали несколько военных специалистов. Формирование происходило в Тамбовской губернии, где находилась Сербская коммуна, состоявшая из двадцати сербских офицеров, которые добровольно изъявили согласие вступить в отряд.

Через несколько дней мне сообщили, что на станции Муром Владимирской губернии штаб из членов Тургайского облисполкома, направлявшийся в Москву, был разгромлен восставшими левыми эсерами. Одновременно был разгромлен Муромский исполком. У них отобрали оружие, имущество, посадили в тюрьму.

Военный руководитель Тургайского отряда Наруцкий, шедший вместе с членами облисполкома из Казани в Москву, оказался изменником. Он указал левым эсерам

на поезд, в котором следовали члены исполкома вместе с охраной. Левые эсеры разоружили их и большинство арестовали. Часть отряда с членами исполкома бежала. Им удалось добраться до Москвы.

Когда мне об этом сообщили, я с небольшим отрядом, сформированным в Москве, выехал в Муром для участия в подавлении эсеров-кулацкого мятежа. Мятежники были разбиты и наши товарищи освобождены.

С остатками своего отряда и членами Тургайского облизполкома я вернулся в Москву, где продолжал формировать отряд, который потом был назван интернациональным.

На добровольных началах сформировал отряд в 600 человек. В нем были сербы, русские, евреи, татары, казахи.

Туркестанский край в это время был отрезан силами контрреволюции от Советской республики, он оказался в кольце фронтов, не имел вооружения, остро нуждался в денежных знаках, в вооружении и боеприпасах. В связи с такой обстановкой требовалось во что бы то ни стало пробраться через неприятельский фронт. Я советовался с тов. Свердловым о том, как мне пробраться в тургайские степи. Он переговорил с Реввоенсоветом и отдал необходимые распоряжения.

По указанию Владимира Ильича нам выделили 68 миллионов рублей, из них 30 миллионов на создание казахской дивизии в Казахстане и 38 миллионов для оказания помощи Туркестанскому фронту.

Получив инструкции и деньги, я с отрядом в 600 человек двинулся по направлению к Астрахани.

В конце июля 1918 года, когда из Москвы я приехал в Саратов, ко мне прибыл тов. Кобозев. Он сказал, что, по некоторым сведениям, командир отряда Барабаш ненадежный человек и есть предписание его арестовать. Пришлось дать

согласие. Барабаша арестовали и увезли. Впоследствии выяснилось, что это была провокация со стороны врагов. На самом деле Барабаш оказался преданным Советской власти и позднее героически дрался на украинском фронте.

Я с отрядом следовал дальше. Прибыл в Астрахань. Узнал что Красноводск и Ашхабад захвачены английскими интервентами. Пробраться в тыл неприятеля было очень трудной задачей. Вызвал к прямому проводу тов. Свердлова, рассказал ему, что положение очень серьезное, едва ли есть возможность пробраться через неприятельский фронт с деньгами. Спросил, что делать, как поступить с деньгами. Тов. Свердлов дал указание: направляйтесь в Царицын, там находится товарищ Сталин. Ему передайте деньги.

Я изъявил полное согласие и решил поехать к товарищу Сталину. Астраханский губисполком выделил пароход под названием "Саратов". Мы погрузились и поплыли к Царицыну. Пришлось плыть только ночью, без гудков и огня, так как неприятель находился по обоим берегам Волги.

Прибыв в Царицын, отправились в Реввоенсовет Южного фронта к И.В.Сталину. Он жил на вокзале в вагоне. И.В.Сталин созвал военный совет, на котором я подробно рассказал о наших делах. Сначала мне предложили остаться и организовать кавалерийскую бригаду в Букеевской орде. Но после моего разъяснения, что в Москве имеется представитель, который может заняться организацией бригады, мне предложили пробраться через фронт в тыл неприятеля. Организовать в Букеевской орде около Царицына кавалерийскую бригаду я поручил Тунганчину, который в это время находился в Москве. Я отправил ему соответствующую телеграмму.

Привезенные 68 млн. рублей я сдал Реввоенсовету Южного фронта и выехал из Царицына обратно в Астрахань.

Из Царицына выехали тоже ночью без огня и без гудков. На следующее утро прибыли в Астрахань. Когда стали причаливать к пристани, услышали со стороны города тревожные гудки, перестрелку. С целью выяснить причины взял катер и двинулся к флотилии “Каспий”. Не доплыли до нее, как стало ясно, что в городе стрельба усиливается. Вернулся обратно на пароход.

По возвращении на “Саратов” послал человека выяснить, что творится в городе. Оказалось, что крепость взяли белогвардейцы. Решили несколько удалиться от города. Когда отчалили от берега, со всех пристаней открыли по нам стрельбу. Я приказал не отвечать. У нас было несколько жертв. Отплыли с полкилометра и остановились. В это время из порта вышла флотилия “Каспий”, состоявшая из четырех судов. Как потом оказалось, она выступила против нас, но мы об этом еще не знали.

Когда стало очевидно, что флотилия идет против нас, я решил высадиться на берег для принятия боя. Но, посмотрев в подзорную трубу, увидел на корабле красные флаги. Не стали выгружаться с парохода и также выкинули красный флаг.

Оказывается, флотилии передали, что мы – белые и отступаем, поэтому ее командование решило выступить против вас, но, заметив наш красный флаг, воздержалось от открытия огня.

Флотилия вплотную подошла к нам, ее командир спросил:

– Кто у вас командир?

– Я – Джангильдин.

Тут мы узнали, что белогвардейцы захватили крепость и город. Флотилия осталась на стороне Советской власти. Решили город брать штурмом, занять крепость и захватить орудия. На пароходе я оставил небольшую охрану. Подплыли к пристани. 500 человек интернационального отряда и

500 матросов начали наступление. Завязался бой, который продолжался 8 часов. Белогвардейцев разбили, и город освободили.

Штаб белогвардейцев находился в крепости. Крепость была окружена нами, и белогвардейцы сдались... В числе расстрелянных главарей мятежников оказался Наруцкий, предавший членов Тургайского облисполкома в Муроме.

На следующий день Астраханский губисполком приступил к работе. Пробыв в Астрахани с неделю, по договоренности с губисполкомом и командованием Каспийской флотилии, получил разрешение взять две шхуны – “Абассия” и “Мехди”. Эти шхуны оборудовали и стали на них перегружаться. В губисполкоме я узнал по радио о состоянии Оренбургско-Туркестанского (Актюбинского) фронта. Там не было ни снарядов, ни патронов, поэтому на шхуны мы погрузили все патроны и снаряды, полученные в Астрахани.

Предстоял очень трудный путь. Перед отправлением выяснилось, что среди некоторой части командного состава наблюдаются колебания в связи с предстоящими трудностями. Пришлось выступить и разъяснить цели и задачи нашей экспедиции. Трудностей я не скрывал. Чтобы пробраться в тыл неприятеля, нам предстояло пройти караваном три тысячи километров по безводным местам с грузом оружия и патронов и, может быть, по дороге вступить в бой. Предупредил товарищей, что те, кто боится трудностей, могут уйти. Из отряда ушла очень небольшая часть, остальные поняли значение экспедиции и выступили с нами.

Во время недельного пребывания в Астрахани мы узнали, что на рыбных промыслах имеется много казахской молодежи, которая желает вступить в наш отряд. Этим добровольцев набралось больше ста человек.

Я был хорошо информирован, что Красноводск и Ашхабад захвачены англичанами, а Гурьев и Уральск – белогвардейцами. Единственно свободный путь имелся через Форт Александровск. Решили пробраться через Форт.

Погрузили две шхуны и отправились. В море со стороны Гурьева встретились с белоказачьим военным судном. Пушек у нас не имелось, но мы обманули противника, построив “ложные” орудия из двуколок, покрытых брезентом. Белогвардейцы не решились вступить с нами в бой.

Так прошло два дня. На третий день прибыли в Форт Александровск. Он был в руках эсеров. Жители встретили нас хлебом и солью. Однако не советовали нам останавливаться здесь. Узнали через местных казахов, что силы противника в городе небольшие, а гарнизон крепости состоит из 70 солдат. Высадили десант.

Одну его часть направили занять радиостанцию, другую послали в крепость. Через час со всем было покончено.

Председателем Форт Александровской уездной управы оказался казах кадет, бывший царский подполковник Осман Кобиев, а его заместителем – эсер Чернов. Предъявили им ультиматум: признание Советской власти, роспуск гарнизона, выдача нам английских шпионов. В силу необходимости они дали слово признать Советскую власть. Несколько человек арестовали.

Наша дальнейшая задача заключалась теперь в том, чтобы произвести выгрузку и затем двигаться по сухопутью. Но для экспедиции требовались верблюды и лошади, чтобы погрузить на них патроны, винтовки, продовольствие и через степь направиться в тыл неприятеля. Требовалась помощь местного населения.

Оказалось, что вблизи Форта нет ни лошадей, ни верблюдов, ни фуража. Достать их можно было только на расстоя-

нии 200-300 километров от Форта, где находились аулы. По точным сведениям, все население находилось около полуострова Бузачи.

Остаться в Форте нам не имело смысла. Вернулись на шхуны. Направились к полуострову Бузачи, где и высадились. Шхуны вернули в Астрахань. В Бузачи ждали нас новые трудности. Некоторые товарищи заявили, что не хотят идти дальше. Остались смельчаки, которые продолжили со мной трудный путь.

В районе оказалось 12 волостей адаевцев, в каждой волости примерно по 10 тысяч человек, а всего около 100 тысяч человек населения. По волостям послали уполномоченных для объявления населению о нашем прибытии и приглашении аксакалов (старейших) на совещание.

Вначале население недоверчиво отнеслось к посланным товарищам. Оно не верило тому, что руководит отрядом казах, но все же представители приехали. После двухдневного совещания аксакалы согласились с нашими предложениями. Каждая волость получила задание выдать нам по 50 верблюдов и 100 лошадей. Все это мы покупали за наличный расчет. Платили ту сумму, которую назначали руководители волостей. Казахи Адаевского уезда просили помочь им организовать Советы. Я назначил Ревком во главе с казахом Тубаньязом Алиниязовым. В его задачу поставили защиту Советской власти от белогвардейцев.

На полуострове Бузачи пробыли около 4 недель. Достали лошадей, верблюдов, фураж, продовольствие. Тронулись в путь на 700 лошадях и 600 верблюдах. Сотни молодых адайцев вступили в ряды отряда.

Маршрут экспедиции избрали через Ак-Тау, Кара-Тау и ущелье Монаты. Вышли 20 августа 1918 года на Усть-Урт. Путь был очень тяжелый: открытая безводная степь, солон-

чак без конца. Весь район – бывшее морское дно. Растительность очень бедная.

Семьсот лет тому назад туркмены владели этим пространством. Туркмены вырывали колодцы глубиной 60 сажен, обкладывали их камнями. Сверху они закрывались. Вода в них была пресная.

Наши проводники, старики 70 лет, когда-то работали у туркмен батраками. По этой местности они кочевали и хорошо знали оазисы, расположенные здесь. Колодцы отстояли друг от друга до ста километров. Такие переходы пришлось делать без воды. Терпели лишения и нужду, часто пробивались вперед с боями, отбивая нападения белоказачков генерала Толстова и алаш-ордынцев со стороны Гурьева и Уральска.

Благодаря помощи адайцев путь преодолели за два с половиной месяца. Отряд прибыл в назначенное место – на Актюбинский фронт. Впереди отряда шла разведка. Она имела задание связаться с Оренбургско-Туркестанским фронтом и сообщить, что мы идем на помощь. Между тем до линии фронта доходили слухи, будто бы со стороны Каспийского моря идет армия численностью до 10 тысяч человек. Слухи распространялись контрреволюционерами с целью запугать наших людей и вызвать панику. Как только разведка добралась до фронта, наши узнали, что идет советский отряд с транспортом оружия. Мы встретились со своими в Кошкаратае в ноябре 1918 года. Прошли три тысячи километров в течение двух с половиной месяцев.

Один из участников отряда, посланного на поиски меня с моими людьми, рассказывает:

“Он взял десять лучших местных охотников, одного опытного проводника-казаха. На четыре верблюда навьючили продовольствие и вещи. 16 суток эта экспедиция ехала

по пескам. На семнадцатые сутки остановилась в одном из аулов. В ауле экспедиция остановилась на отдых. К кибитке подъехал один казах. Он стал вести переговоры с хозяином о выделении 800 верблюдов для какого-то отряда. После переговоров с казахом я узнал, что верблюды нужны для отряда Джангильдина, который находится в двух переходах от аула. Я уговорил казаха взять меня с собой к Джангильдину.

На следующий день он встретил отряд. Впереди отряда вместе с Джангильдиным в две шеренги ехало около двухсот седобородых казахских стариков-аксакалов”.

Нас встретили делегации от Актюбинского фронта во главе с тов. Коростелевым Георгием и от Реввоенсовета Туркеспублики.

Они обрисовали положение на фронтах. Снарядов и патронов не было, достать их негде. Отряд прибыл в самый критический момент. Понятно поэтому, как воспрянули духом представители фронта. Встреча была очень теплая. Не обошлось без поцелуев и объятий.

Я с отрядом прибыл в Челкар. Затем поехал на Актюбинский фронт. Штаб фронта находился на станции Яйсан между Актюбой и Илецком. Командовал в то время фронтом Г.Зиновьев, впоследствии командующий Туркестанским военным округом, а позднее начальник военно-воздушной Академии. Умер он в 1935 году в Москве.

По прибытии в штаб провели совещание, на котором я информировал о нашем переходе, о количестве патронов и снарядов, привезенных отрядом. Решили львиную долю привезенных снарядов и патронов отдать Оренбургскому (Актюбинскому) фронту, которому мы передали и часть отряда. Я с небольшим отрядом выступил из Челкара в степь на Иргиз и Тургай для восстановления там Совет-

ской власти, так как этот край в то время был занят бело-гвардейцами.

Объединенное заседание Актюбинского уездного и Тургайского областного исполкомов 18 ноября 1918 года вынесло мне благодарность “за героическое оказание помощи Оренбургеко-Туркестанскому фронту”.

Весть о нашем прибытии распространилась по всей степи. Ко мне приезжали казахи из ближайших аулов. Казахское население с энтузиазмом встречало нас. Благодаря помощи казахского населения мы побеждали врагов, и в короткое время в Иргизском уезде была восстановлена Советская власть. Укрепив тыл, мне пришлось двинуться дальше в направлении Тургая. В Тургае тоже была быстро восстановлена Советская власть.

Командующий Актюбинским фронтом тов. Зиновьев, получивший помощь оружием, снаряжением и патронами, начал в конце декабря 1918 года наступление на Оренбург. Стояла суровая зима, морозы достигали 30-40^о, свирепствовали степные бураны, дутовцы оказывали сильное сопротивление. На Оренбург революционные войска наступали с двух сторон: со стороны Самары и Актюбинска. Дутовцы были разбиты объединенными силами 1-й армии Восточного фронта и войсками Актюбинского фронта. Оренбург был взят 22 января 1919 года. Оренбургская пробка была вторично ликвидирована.

Связь Туркестана с Советской Россией была восстановлена.

В 70 километрах от Тургая навстречу нам выехали отряды во главе с Амангельды Имановым. Мы радостно встретились. От него я получил точную информацию, что творили без меня алаш-ордынцы. Поехали в Тургай, арестовали уездного начальника и комиссара колчаковского правительства алаш-ордынца.

В то время в Тургайской области борьба с алаш-ордынцами не утихала. Получив подкрепление от Дутова, алаш-ордынцы пытались захватить власть в Тургайском и Иргизском уездах. Для этой цели они наступали по направлению Иргиза, чтобы отрезать нас от главной базы. Зима была очень суровая, с глубокими снегами. Если бы алаш-ордынцы заняли дорогу между Иргизом и Тургаем, мы могли быть отрезаны от главных сил, которые находились в Актюбинске и Челкаре.

Ежедневно получал сведения о наступлении белых и алаш-ордынцев. Необходимо было связаться с главными силами, так как оставлять Тургай без защиты было нельзя. Тогда решил укрепить Тургай, поручив защиту города в дни моих выездов Амангельды Иманову, который был в то время военным комиссаром Тургайского уезда. Во главе же моего небольшого отряда стоял бывший полковник Веденеев, который был командирован из Москвы в качестве военного специалиста. Мне самому пришлось взять только 25 красноармейцев-смельчаков и двинуться обратно и Иргиз. Это было в январе 1919 года.

Пройдя 70 километров, мы сделали привал. Мне сообщили, что со стороны Иргиза едет верховой. Послали ему навстречу человека из отряда, который привел верхового. Это был перебежчик. Ночью, выбрав лучшую лошадь командира отряда Дулатова, он удрал, чтобы предупредить нас о наступлении алаш-ордынцев. Перебежчик был Телеубаев из мобилизованных алаш-ордынцами казахов батраков. Он рассказал, что 300 человек вооруженных алаш-ордынцев во главе с Дулатовым находятся в 40 километрах от аула, где я находился. Взяв с собой перебежчика, мы двинулись дальше.

Перед моим отъездом из аула аксакалы предсказывали мне, что если лошадь начальника белогвардейцев прибыла

к нам, то и начальник рано или поздно будет побежден. Это они говорили на основании старых примет.

Перебежчика я взял с собой, и мы двинулись дальше. Пройдя 35 километров, у одной возвышенности я увидел верховых семь человек, которые оказались разведкой алаш-ордынского отряда. Разведка, увидев нас, ускакала обратно донести о нашем появлении.

Мы двинулись дальше. Не доезжая километров пять до расположения отряда Дулатова, — это было после заката солнца, — мы увидели, что навстречу нам идет один человек. Это был председатель волостного исполкома, назначенный мною всего лишь две недели назад. Он выехал специально предупредить меня. От него мы узнали подробности о разведке. Алаш-ордынцам было известно, что иду с небольшим отрядом, и они решили во что бы то ни стало захватить меня.

Председатель волостного исполкома настаивал, чтобы я вернулся обратно. Он сказал, что сопротивляться будет бесполезно.

Проехав еще два километра, мы очутились в одном ауле в трех километрах от алаш-ордынцев. В ауле нас уговаривали не идти дальше.

Но я учел, что возвращаться бесполезно и решил пробиться через фронт. Этот план у нас был составлен заранее.

Мы решили так: приблизиться к их отряду, броситься на них с обеих сторон, навести панику, залпами отстреливаться, пробив у них цепь, и тогда для нас враг останется позади.

Но в ауле начали нас отговаривать. Когда они увидели, что я не поддаюсь уговорам и решил пробиться вперед, один из казахов, почетный старик, обратился ко мне со следующими словами:

— Сын мой! Ты серьезно не хочешь вернуться назад?

Я ответил, что не хочу. В этот момент он сказал своему сыну:

– Принеси мне мой тмак, камшу и пояс и приведи мне мою лошадь, привяжи к кибитке.

Его приказание было тотчас исполнено. Старик оделся, подпоясался, сел на лошадь.

– Идите за мной, – сказал он.

Мои красноармейцы колебались. Тогда я приказал им идти за ним.

– Надо верить старику. Давайте двинемся за ним.

И мы поехали.

Мы поехали по камышам. Там были озера с зарослями камыша. Проехав километра два, мы попали в один аул. Там был отряд, около пятидесяти человек.

На вопрос нашего проводника, кто вы такие и откуда, они ответили:

– Ждем Джангильдина, чтобы его поймать.

– Мы тоже ждем его, – сказал наш проводник. Нас пропустили, и мы благополучно проехали аул.

Ехали всю ночь, сделали большой обход, чтобы выйти на дорогу до Иргиза. Враг уже остался позади.

Старик-проводник, выведя нас на большую дорогу, к рассвету вернулся домой. И так мы уехали спокойно, без кровопролития. Пробив цепь неприятеля, мы очутились вблизи Иргиза.

Люди устали. Мы решили отдохнуть в одном из ближайших аулов. В это время к нам навстречу выехал председатель волостного совета и пригласил нас отдохнуть. Его звали Абсалям. Его именем называлась и зимовка. Он с первого дня революции пошел за нами. Как надежного человека, я назначил его председателем волостного исполкома. Был густой туман. Выставив часовых, решили отдохнуть, так

как люди устали. Они прошли 220 верст, не слезая с лошадей. Был готов самовар, мясо приготовлено. Прошло полчаса, только сели пить чай, как раздался выстрел караульного начальника. Это был сигнал. Оказалось, что враг нас обнаружил.

Дом, в котором мы находились, был окружен каменной оградой с двумя воротами. Отдал распоряжение занять ворота, и мы вступили в бой. Люди отряда – смелые, никто из них не растерялся. Бой продолжался полчаса. Алаш-ордынцы, встретив дружный отпор, бежали, потеряв убитыми 6 человек и 15 ранеными. Двух нам удалось захватить в плен. Были захвачены оружие и лошади. С нашей стороны потерь не было. Оказалось, что алаш-ордынцев было человек двести.

По окончании боя мы двинулись дальше по направлению к Иргизу. Алаш-ордынцы вступить с нами в бой не решались.

Прибыв в Иргиз, мы узнали, что город находится на осадном положении. Алаш-ордынцы предложили нашему коменданту гарнизона Киселеву сдать в течение 24 часов все оружие и снаряды, в случае отказа отряд будет уничтожен, а город сожжен. Алаш-ордынцы пугали, заявляя о том, что у них имеется отряд в две тысячи человек. Я созвал небольшое совещание. Зная о численности отряда алаш-ордынцев (отряд был небольшой), я был спокоен. Если в степи они ничего не могли с нами сделать, то в городе тем более им не справиться с нами.

Я отдал распоряжение коменданту города тов. Киселеву снарядить двух человек и окольным путем послать в Челкар к начальнику отряда Токареву за помощью. На следующий день был организован отряд, в который вошло 400 человек иргизцев и 25 разведчиков из нашего отряда. Я разъяснил,

как они должны действовать при наступлении. Алаш-ордынцы находились в 15 километрах от Иргиза и ждали выполнения своего ультиматума о сдаче оружия гарнизоном Иргиза. До назначенного часа наш отряд явился со стороны Иргиза. Алаш-ордынцы предполагали, что им везут оружие. Приблизившись к ним на расстояние 100 метров, наш отряд открыл огонь. Для них это было неожиданностью. Началась паника, и они в беспорядке отступили.

Попытка алаш-ордынцев занять Иргиз окончилась неудачей. Оказалось, что в их отряде было сто двадцать человек.

Утром того дня, когда я прибыл в Иргиз, приезжает несколько почетных аксакалов с письмом от врага: вчера у нас вышло недоразумение, мы не предполагали воевать, мы хотим вести переговоры, приглашаем в аул Алматов для ведения мирных переговоров.

Рассчитав время прибытия моего отряда, я ответил, что на следующий день в такой-то час я приеду туда. Через несколько часов из Челкара прибыл отряд. Мы с отрядом в аул. Не доезжая километров десять, мы увидели скачущих навстречу людей. Среди них оказались те аксакалы, которые приезжали с письмом. Они с разочарованием заявили, что, получив от нас ответ, алаш-ордынцы отступили. Нам пришлось их преследовать по пятам. По пути несколько десятков их солдат добровольно сдались нам. Пришлось километров 150 преследовать алаш-ордынцев до Тургая.

Через некоторое время после прибытия в Тургай, от алаш-ордынцев приехал “представитель” с предложением начать переговоры об условиях сдачи. Я направил туда Тахтабаева и Кияхтаева с ультимативным письмом, в котором заключались следующие требования: полное разоружение, прекращение борьбы и признание Советской власти.

Отряд Токарева вернулся обратно в Челкар. Временно военным комиссаром Челкара был назначен Токарев.

Вскоре я получил телеграмму чрезвычайного уполномоченного Совнаркома РСФСР и ЦК РКП (б) по Туркестанской республике тов. Кобозева, в которой сообщалось, что мы оба должны участвовать на Всетуркестанском съезде Советов в Ташкенте и решить вопрос о защите Советской власти против белогвардейцев.

Получив эту телеграмму, я не мог дальше продолжать переговоры с алаш-ордынцами. Поручив переговоры военному комиссару по Тургайскому уезду Амангельды Иманову, я уехал в Ташкент. Участвовал вместе с Кобозевым в работе съезда Советов Туркестанской Советской Республики.

На съезде обсуждались вопросы, связанные с организацией комитетов бедноты, земельно-водных комитетов, вовлечением трудящихся местных национальностей – казахов, узбеков и т.д. – в советское строительство и ряды Красной Армии.

В разгар работы съезда меня вызвали по прямому проводу из Тургая. Амангельды Иманов сообщил, что алаш-ордынцы согласны на все наши условия, хотят переговорить лично со мной. Пригласив к прямому проводу алаш-ордынцев Байтурсунова, Дулатова и других, я потребовал, чтобы их вооруженные отряды немедленно сдали оружие и поступили в распоряжение военкома Иманова. Главари Алаш-Орды – 16 человек – должны были остаться в Тургае впредь до особого распоряжения и ждать моего возвращения.

В момент переговоров я получил из Реввоенсовета республики телеграмму с предложением немедленно выехать в Москву. Тогда я снова вызвал к прямому проводу из Тургая военкома А.Иманова и отдал распоряжение: в такой-то день и час я буду проезжать через Челкар, направьте на станцию алаш-ордыпских главарей, всех 16 человек, объявите, что им придется ехать со мной в Москву.

Когда поезд прибыл в Челкар, явился лишь один А.Байтурсунов в сопровождении председателя Тургайского Совета Каралдина.

– Где остальные? – спросил я.

– Начавшаяся распутица задержала всех в пути. Только мы успели пробраться к вам, – был ответ.

Я отдал распоряжение Челкарскому военному комиссару Шпрайцеру по прибытии остальных алаш-ордынцев направить их в Оренбург ко мне.

По дороге Байтурсунов в беседе со мной говорил о позиции алаш-ордынцев в национальном вопросе, объясняя союз с русской контрреволюцией.

– Мы хотели добиться освобождения казахского народа, мы преследовали цель национального освобождения.

– Не из рук буржуазии получит казахский народ свою свободу, – ответил я ему, – лишь Советская власть даст ему истинную свободу и казахам по пути только с Советами.

– Я должен признать, – согласился Байтурсунов, – что союз с Колчаком и белоказачеством был неудачен. Подавляющее большинство казахского народа перешло сейчас на сторону большевиков. Мы признаем ошибочность нашей тактики. Мы обещаем в дальнейшем работать с советами.

По прибытии в Оренбург я отправился на совещание в штаб командующего Туркестанской армией тов. Зиновьева. От него я узнал, что Колчак перешел в наступление по трем направлениям – северному, центральному и южному.

Спустя три часа после нашего прибытия в Оренбург со стороны Актюбинска было прервано телефонное и телеграфное сообщение. Путь на Актюбинск был отрезан, связь с Актюбинском и Ташкентом прервана. После недолгого совещания с командующим Туркестанской армией тов. Зиновьевым решено было сформировать казахскую кавалерийскую дивизию.

В это время создалась Южная группа Восточного фронта, которая потом была реорганизована в Туркестанский фронт. Штаб ее находился в Самаре. Командующим Южной группой был назначен М.В.Фрунзе, членом Военного совета – В.В.Куйбышев.

Из Оренбурга я выехал в Самару к М.В.Фрунзе для согласования вопроса о кавалерийской дивизии.

Приехав в Самару, я ознакомил М.В.Фрунзе с проделанной работой и сообщил, что алаш-ордынцы сдались и признали Советскую власть. Состоялось совещание под председательством М.В.Фрунзе при участии члена Реввоенсовета В. В. Куйбышева. Было решено сформировать казахскую кавалерийскую дивизию в Букеевской орде. Для нее выделялись необходимый командный состав, обмундирование, а также вооружение.

Сначала предполагалось организовать одну бригаду, которая должна была поступить в мое распоряжение, а затем организовать остальные бригады. В это время меня телеграфно вызвали в Москву.

По приезду я прежде всего направился к товарищу И.В.Сталину. Он принял меня в своем кабинете, где состоялась беседа. Он знал уже о сдаче алаш-ордынцев.

– Вы привезли Байтурсунова? – спросил Сталин.

На мой утвердительный ответ товарищ Сталин велел привести его к нему. После разговора товарища Сталина с Байтурсуновым решено было ввести его в состав казахского правительства.

И.В.Сталин пришел к убеждению, что мне необходимо переговорить с Владимиром Ильичем.

Владимир Ильич встретил меня очень приветливо. Он тоже спросил меня о работе. Я его информировал об алаш-ордынцах. Он пожелал увидеть Байтурсунова.

Во время беседы В.И.Ленин интересовался работой в Казахстане, указал на то, что значительная часть казахской интеллигенции не вникла в сущность программы большевиков и находится в заблуждении. До разговора с товарищем Лениным Байтурсунов был убежден в своей правоте. После беседы с ним он признал свои ошибки и обещал честно работать с советской властью и на деле доказать преданность советской власти.

Коснувшись вопроса о дальнейшей судьбе Казахстана, В.И.Ленин говорил о том, что Казахстану должна быть предоставлена полная самостоятельность, вплоть до самоопределения. Советская власть должна оказывать всяческое содействие народам Востока, стать для них родной властью.

По всем вопросам товарищ Ленин предложил мне более подробно договориться с товарищем Сталиным.

Я вторично отправился к товарищу Сталину. Ввиду необходимости создать Киргизский военно-революционный комитет и выработать о нем положение, он предложил мне остаться в Москве.

На следующий день при Наркомнаце под председательством И.В.Сталина состоялось совещание. В нем участвовал я и был приглашен Байтурсунов.

Совещание приняло важное решение об организации Киргизского (Казахского) военно-революционного комитета и утвердило Положение о нем.

Киргизский военно-революционный комитет решено было образовать из семи человек – 3 русских и 4 казахов. Председателем Киргизского военно-революционного комитета было предложено выбрать меня. В виду разногласия среди делегатов – казахов, которые заявляли, что правильнее дать нейтрального человека, товарищ Сталин согласился на избрание председателем товарища Пестковского. В

комитет вошли Пестковский, я, Мендешев, Тунганчин, Лукачев, Байтурсунов, Седельников.

Совещание проходило в мае 1919 года. В Москве мы были около 3 месяцев, разрешили ряд других вопросов, связанных с установлением и упрочением Советской власти в Казахстане. Нам выдали удостоверения, подписанные председателем Совета Народных Комиссаров В.И. Лениным о том, что являемся членами Военно-революционного комитета по управлению Киргизским краем (Кирвоенревкома). Одновременно я остался Чрезвычайным военным комиссаром Тургайской области.

По разным вопросам хозяйственной и политической жизни Казахстана нам неоднократно приходилось докладывать Совету Народных Комиссаров. Несколько раз в Политбюро ЦК РКП (б) слушался проект Положения о Революционном комитете по управлению Киргизским краем. Это был первый советский документ о нашей национальной республике. Выработка Положения требовала очень серьезной и тщательной работы. Были созданы комиссии и подкомиссии.

10 июля 1919 года было утверждено и подписано В.И. Лениным Положение о Революционном комитете по управлению Киргизским краем. В выработке этого исторического документа я также принимал участие.

В бытность мою в Москве я ознакомился с “Положением о Киргизском военном комиссариате”, утвержденным Реввоенсоветом республики 3 апреля 1919 года. С рядом пунктов этого Положения я был не согласен, о чем писал в своем докладе в адрес Реввоенсовета.

Возражения вызвали пункты 1 и 2, из которых видно было, что комиссариат является центральным органом для всего казахского населения, независимо от того, в какой

губернии и области оно проживает. Выходило, таким образом, что при проведении этого Положения в жизнь в тех городах, где население смешанное, надо иметь двух комиссаров – одного для русского населения, другого для казахского. Это не способствовало бы объединению трудящихся на территории Казахстана, а, наоборот, обостряло бы отношения между казахами и русскими и не служило бы интересам партии.

В своем докладе я также писал, что русское население смотрит на добровольный прилив казахов в армию, как на товарищескую поддержку.

После окончания всех дел, в конце июля, когда Положение было выработано и утверждено, когда были выработаны и другие законодательные документы и все вопросы о будущей нашей работе были разрешены, мы выехали из Москвы.

К этому времени положение на Оренбургском фронте было очень напряженное, фронт находился в трех километрах от Оренбурга.

Когда состав Кирвоенревкома был оформлен, мы решили помочь Оренбургскому фронту.

3 августа 1919 года Кирвоенревком в полном составе прибыл в Оренбург. Взяв с собой небольшую группу из командного состава, я выехал на Восточный фронт в район 5-й армии, действовавшей против Колчака. С 30-й дивизией двинулся на Троицк. Достигнув Кустаная, мы окончательно укрепились.

В Кустанае мне пришлось созвать съезд представителей казахских трудящихся и руководить восстановлением Советской власти в уезде.

Съезд продолжался несколько дней. Все наши выступления, доклады были направлены к тому, чтобы помочь Советской власти. Выступавшие говорили, что нужно ото-

брать отважных джигитов для ее защиты. На съезде было решено организовать казахский полк из добровольцев, для которого жители обязались дать все необходимое. Только вооружение пришлось взять у 5-й армии.

Эту конференцию мы называли съездом, хотя по сути это не был съезд. От имени съезда 31 октября 1919 года была послана приветственная телеграмма в Москву на имя В. И. Ленина и М.И.Калинина.

С казахским полком я выступил в ноябре по направлению к Атбасару, разбив по пути несколько мелких отрядов отступавших алаш-ордынцев и колчаковцев.

Находясь в Кустанае, я не знал, что творится в Тургае. Когда полк вышел из Кустаная по направлению к Атбасару, по дороге мы узнали от казахов о том, что в Тургае произошел мятеж алаш-ордынцев совместно с колчаковцами, что убит Амангельды Иманов, что алаш-ордынские и колчаковские части находятся в Тургае.

Я тогда повернул в сторону Тургай. Вначале наш полк (мы называли его отрядом) был небольшой — 350-400 человек. Но по дороге он все время пополнялся и вскоре достиг более тысячи человек. Бойцы были вооружены винтовками и пулеметами. В аулах, где проходили, мы проводили митинги, беседы, распространяли воззвания, которые заготовили еще в Кустанае перед отъездом. В листовках мы объясняли цели и задачи Советской власти и необходимость ее защиты в интересах трудового народа. Отряд двигался на лошадях.

Во время движения на Тургай у нас всегда впереди находилась разведка. Она сообщала о расположении врага, иногда по пути задерживала шпионов, подсылаемых к нам. О нашем приближении знали друзья, знали и враги.

Нам сообщили, что в Тургае находится колчаковский отряд в 1 500 сабель. При нашем приближении часть из них

сбежала из Тургая. В стычках с колчаковцами мы разбивали эти небольшие группы, отпускали крестьян, насильно мобилизованных в колчаковскую армию.

В 150—170 километрах от Тургая в одном ауле нас торжественно встретили всадники, сто с лишним вооруженных казахов из рода Кипчак во главе с известным Кейки-батыром. Это был один из активных участников восстания 1916 года.

После обмена приветствиями Кейки-батыр сообщил, что отряд колчаковцев покинул Тургай несколько дней назад. Причиной послужила весть о том, что из Кустаная идет большой отряд численностью более десяти тысяч человек во главе с Джангильдиным.

Не задерживаясь в этом ауле, мы двинулись дальше, спешили в Тургай. Навстречу нам выехал помощник начальника разведки, который привез донесение начальника разведки. В нем сообщалось, что после короткой перестрелки ими захвачены в плен весь состав восточной алаш-орды за исключением Букейханова и Дулатова.

Получив это донесение, я сообщил его людям моего отряда.

В двух километрах от Тургая нас встретило население с красными знаменами, с хлебом-солью. После приветственных речей в сопровождении населения мы вступили в город.

Арестованных алаш-ордынцев поместили в тюрьму. Ненависть к ним была так сильна, что люди из отряда, особенно пулеметный взвод, хотели расправиться с ними. Пришлось окружить тюрьму охраной.

В Тургае произвел допрос захваченных алаш-ордынцев. Из допроса вырисовалась картина кровавых событий в Тургае в мае 1919 года.

Выяснилось, что оставшиеся в Тургае главари Алаш-Орды, которые должны были приехать в свое время ко мне

и не приехали, получили сообщение о наступлении колчаковской армии. Когда же был получен приказ военного комиссара Амангельды Иманова выступить из Тургай на помощь Актюбинскому фронту, они придумывали всевозможные причины, чтобы остаться в Тургае. Алаш-ордынцы говорили, что в степи восстание против Советской власти и что надо послать лучшие силы на усмирение его, а не на помощь фронту. Выступление отряда они всячески оттягивали, убедив военного комиссара в том, что отряд должен привести себя в порядок, а некоторых распустили по домам.

Командир отряда действовал заодно с алаш-ордынцами, и они вместе решили выступить против Советской власти.

Самой преданной Амангельды Иманову частью была пулеметная команда. Об этом знал командир алаш-ордынского отряда, который решил разоружить ее. Вызвав к себе 15 пулеметчиков, он арестовал и разоружил команду. После этого заявил, что Советская власть свергнута.

Алаш-ордынцы вместе с предателем, командиром отряда, обманным путем вызвали в штаб Амангельды Иманова и арестовали его.

Таким образом власть в Тургае оказалась в руках алаш-ордынцев. Через несколько дней они послали своих уполномоченных навстречу колчаковскому отряду.

В это время к Тургаю продвигался отряд кустанайских партизан во главе с командиром Л.Тараном, председателем первого Кустанайского Совета, не подозревая, что Тургай в руках алаш-ордынцев. Алаш-ордынцы послали навстречу Тарану небольшой отряд с красным флагом.

– Ваш командир приказал, – сказал один из представителей алаш-ордынцев Каратлеуов, – чтобы вы разоружались, потому что есть такой закон: когда переходите через чужую территорию, надо разоружиться.

Те удивились: как же? Ведь там тоже Советская власть.

Но им ответили, что в Тургае киргизское представительство, и когда они прибудут туда, оружие им вернут. Алаш-ордынцы разоружили партизанский отряд и отпустили его.

Алаш-ордынцы до ареста Амангельды Иманова и разоружения отряда Тарана были связаны с колчаковцами и не без ведома их подняли контрреволюционный мятеж. Колчаковцы расстреляли лучших представителей Советской власти, в том числе военного комиссара Амангельды Иманова.

9 декабря 1919 года я телеграфировал в Москву Председателю Совета Народных Комиссаров В.И.Ленину, что 5 декабря первым советским казахским добровольческим отрядом, сформированным мною в Кустанае, после двадцатидневного продвижения по степи занят Тургай.

Награбленное колчаковцами имущество у казахских крестьян мы возвратили владельцам.

В конце 1919 года наш отряд двинулся по направлению к Атбасару. Но, узнав о полном разгроме Колчака, я вернулся обратно, оставив отряд на зимних квартирах в Батпакаре.

Получив телеграмму Кирвоенревкома, я поехал в Оренбург со взводом.

Перед отъездом ко мне пришли представители восточной Алаш-Орды Таначев и Умаров Ильдес, чтобы сдать. По прибытии в Оренбург я заставил западную Алаш-Орду во главе с Досмуханбетовым сдать.

М.В.Фрунзе дал распоряжение о передаче казахских частей – тургайских и кустанайских – Туркестанскому фронту.

26 августа 1920 года ВЦИКом и Совнаркомом РСФСР в развитие постановления Совнаркома от 10 июля 1919 года был принят декрет об автономии Киргизской Советской Социалистической Республики. Декрет был подписан пред-

седателем Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета М.И.Калининым, председателем Совнаркома В.И.Лениным.

Первый Всеказахстанский съезд Советов открылся в Оренбурге 4 октября 1920 года. Съезд прошел под руководством большевиков.

Съезд принял решения по земельному, военному, продовольственному и другим вопросам, избрал первое советское правительство Казахстана.

Съезд принял Декларацию прав трудящихся Казахской АССР. В ней говорилось, что Казахстан является республикой Советов рабочих и трудового казахского крестьянства, казачьих и красноармейских депутатов, что Казахская АССР “входит как автономный член в свободный Федеративный Союз Советских Республик, объединенных в РСФСР”.

На первом Всеказахстанском съезде Советов я был избран в Совет пропаганды и действия народов Востока, находившийся в Баку, как представитель казахского и башкирского народов для установления связи и постоянной работы.

Мне был выдан мандат от Центрального Исполнительного Комитета Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, а затем наказ. В последнем определялись мои задачи как представителя казахского народа. Мне поручалось поделиться опытом революционной борьбы казахского трудового народа с классовым врагом. В свою очередь я должен был информировать руководителей Казахской АССР о том новом, что происходит в Совете пропаганды и действия народов Востока. Через наказ красной нитью проходила мысль, что казахский трудовой народ вошел в общую семью народов Советской республики и свою работу мыслит в тесном единении с общей политикой и работой Советской республики. Казахский трудовой народ “опыт стар-

шего революционного брата бережно переносит к себе и все свои усилия положит на построение и укрепление советской организации власти в самых глухих уголках отдаленных советских окраин, делая достоянием молодой Советской Социалистической Республики все, добытое борьбой российских рабочих и трудовых крестьян”. В наказе также указывалось, что казахский трудовой народ протягивает братскую руку всем народам Востока, обещая свою поддержку, и приветствует новых борцов народов Востока.

В конце октября 1920 года я поехал в Баку. Там меня избрали в президиум Совета пропаганды и действия. В состав президиума входили 9 человек, в том числе Е.Д.Стасова, Н.Нариманов, Серго Орджоникидзе, Караев, я и другие.

Совет делился на секции. Я возглавил секцию Восточного Туркестана. Масштаб работы был большой. Я пробыл там около месяца. Ознакомился с работой.

Работа совета не прошла бесследно. Я думаю, что опыт этой работы был использован впоследствии в работе Коминтерна.

Каждому члену президиума поручалось поехать в какую-нибудь страну – Персия, Турция, Афганистан. Я поехал в Восточный Туркестан для организационной работы и знакомства с положением на месте.

После возвращения в Баку меня пригласили участвовать в работе партийного актива г. Баку. Меня выбрали в президиум. В почетный президиум избрали товарища Сталина. Все стали аплодировать. В это время появился товарищ Сталин. Он тоже присутствовал там. Во время доклада я сидел недалеко от товарища Сталина. Сталин смотрит на меня. Я тоже смотрю. Потом он меня отозвал. Я подошел к нему.

– Как ты сюда попал?

– Меня послала Казахская организация.

– Я не знаю. Завтра зайди ко мне в вагон (он был со своим вагоном).

На следующий день я пришел к товарищу Сталину.

– Докладывай, в чем дело.

Я ему рассказал. Был первый съезд. Потом было нужно послать представителя на съезд народов Востока. Меня заочно выбрали. Потом Казахский обком послал меня сюда. Четыре месяца нахожусь здесь.

Он рассердился.

– Кто это устроил?

Он мне говорит: “Поезжай в Оренбург, оттуда поезжай в Москву, там в Москве поговорим”

После этого 18 декабря 1920 года я приехал в Оренбург. Меня заочно избрали делегатом VIII Всероссийского съезда Советов. Вместе со всеми делегатами я выехал в Москву. На съезде был В. И. Ленин. Мне назначили прием к Владимиру Ильичу. Я рассказал ему о своей работе.

Потом меня вызвал товарищ Сталин. Получился целый суд: кто смел без разрешения ЦК партии командировать меня в Баку. Я в то время состоял членом бюро Казахского обкома партии. В составе бюро было семь человек, из них 4 русских, остальные казахи. Три русских товарища были отозваны за то, что я был командирован в Баку без ведома ЦК партии.

Меня послали обратно в Казахстан.

После возвращения в Казахстан меня избрали заместителем председателя ЦИКа Казахской АССР и одновременно наркомом социального обеспечения. В то время этот наркомат играл большую роль. Во главе его нужно было поставить авторитетного человека, который бы чуток прислушивался, внимательно относился к нуждам людей, пострадавших во время гражданской войны. Никогда

не было случая, чтобы я не принял человека, обращавшегося за помощью.

В 1921 году в Казахстане был неурожай, который вызвал голод. С Красным караваном я был послан для укрепления Советской власти в аулах. Я был назначен председателем каравана. С караваном выехали представители от каждого наркомата, наркомы или заместители наркомов. Было около 30 человек сотрудников, взяли человек 60 курсантов, большое количество мануфактуры, продуктов, медикаментов.

20 мая 1922 года я выехал с этим караваном из Оренбурга и объехал всю степь. В течение трехмесячной поездки от Оренбурга до Семипалатинска всюду приходилось укреплять Советскую власть, создавать суды, оказывать помощь голодающим. Из поездки вернулся в сентябре 1922 года. После этого часто приходилось выезжать в разные уезды для организации и укрепления Советской власти.

В последующие годы я – бессменный член Президиума КазЦИКа, а затем Верховного Совета Казахской ССР.

КНИГА
путешественника вокруг света

Н. Степнова

он-же

Али-Бей Джангильдин

Из Москвы

1910 ГОДА МАЯ МЕСЯЦА

КНИГА

путешественника вокруг света

Н. Степнова

он-же

Али-Бей Джангильдин

из Москвы

1910 ГОДА МАЯ МЕСЯЦА

Путешественники
 вокруг света пош-
 комъ безъ средствъ
 Николай Степановъ
 (Андрей Файнбергъ и
 др.) вышедъ изъ
 Варшавы 18 августа
 ст. ст. 1910 года

За. Николаевъ отъ Гамбургъ
 Николаевъ
 Николаевъ отъ Гамбургъ

Путешественники
 вокругъ света пош-комъ
 безъ средствъ Николай Степановъ
 Андрей Файнбергъ и др.
 прибывши въ городъ
 Грайфсвалде 19ав

счета 1910 года.

Генерал-майор О. М. Мещеряков

Генерал-майору Мещерякову
Ваше письмо на счет, прилагаю
счета, прилагаю, без пропусков
рассчитано на 1000 руб.
Михаил Александрович Аллин
Генерал-майор Мещеряков

1. Отпуск 21 окт. 1910 г.
вкл. по 1000 руб. 1910 г.

Генерал-майор Мещеряков

Тыменесиберскому
Подручнику на охоту
компанья абрам, норм.
свиата, писко. Веа
ром, бер. ендерифе Флу
пискоды на комба подро
комом. Аппаномовь и
ну Миколай Сперанов и
Аимъ Сѣи Дѣганъ ильдинъ.
Michał Tomaszewski przy
przygodomъ в нос. Уомы
byli оло Радомжа в Уоме.
23 Августина 1910 года.
дня 1910 року...

Г. Сидоровичъ Уомы,
каму уома оу мѣнъ
23/III 1910.

Kuznecovskij
 Padermicy 1810
 bozeyer chrystian rym
 swiatek, pieszko bez
 rozum, biez epigramb w
 perrizodaj iko krasata po-
 yemio ranyer w opasobramu
 drow, w celu radowymy,
 not, Kuznecow
 Mikotaj Stepan i Ali-
 u Bey Dgargildin
 chud puzniewskij
 puzniewskij bez roz. 1810
 byli do miasta tiele 7
 wos 25 abrymna 1810
 wieszon 1910
 roz 1810 abrymna 1810.

Kuznecow
 Kuznecow
 Kuznecow

Flynnacombennuini korpyit
 s'Podr'aricy v'ida o'to-Lo zora-
 ebnoson nuzuesuit, bez' epuzembu
 to, seaba, bez' puziz'oy na t'otli
 .en y'z'ito nuzou-od'p'ozoba-
 pad'ovny, v' calu nuz'ozovny
 nuz'ozovny. nuz'ozovny (v' nuz'ozovny
 nuz'ozovny s' t'epovny f.
Abi Bey Dgargildin) nuz'ozovny.
 nuz'ozovny nuz'ozovny nuz'ozovny
 nuz'ozovny nuz'ozovny nuz'ozovny
 byli do nuz'ozovny nuz'ozovny 7
 1910ny. -

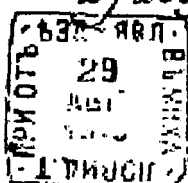
nuz'ozovny 1910 ny

ny. nuz'ozovny nuz'ozovny 1910-

21. 9 nuz'ozovny nuz'ozovny

Путешествием - Николаем
 Степановичем и Анной Феевой.
 Доска зиньбургская государственная, через
 Степановича и Фееву
 29 августа 1910.

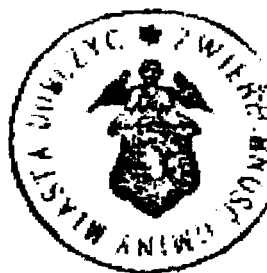
Николай Степанович

Виза на проезд в Россию, по пути 11 сентября 1910.
 по пути в Россию, по пути 11 сентября 1910.
 11 сентября 1910.

Степанович

Podrocznik na photo święta praxe.
 bez przedmowy na święta (święta)
 a pełn naukowym (święta) (święta)
 (Święta) (Święta) (Święta)
 przybył do gminy, miasta (Święta)
 20 września 1940 r.

[Handwritten signature]

Podrocznik naszego święta
 przybył do drukarni (Święta)
 dnia 20 września 1940 r.

Naczelnik gminy

[Handwritten signature]

Podróżnicy na auto świata
przybyli 15. września 1910
tzn. 22 września 1910 r.

Henry Ford 22 września 1910

P. Amick

Podróżnicy naokoło świata przez
p. n. Nikolaj Kropow (Ali Bey
Dzangildin) przybyli do Ła-
kopskiego w dniu 22. września
1910 r.

Łakopsk 23/9 1910.

W. K. Kropow

Felcsütteset.

Felkar 1910 máj 29

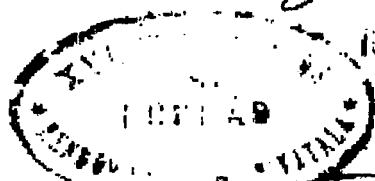
Mester
jegyzo

200 ny. ad.
1910

Államháztartás és
magán-társaságok
bejuttatása. -

Pozsár 1910 május 29

Judecsinger

Reménytelen

Magyar Posta
időközben
& úri igazgatóságok
bejuttatása.

30. máj. 1910.
Judecsinger

ROZSNYÓ R. T. VÁROS

RENDŐRKAPITÁNYI HIVATALA

Ujpesti napján d. e. 12.12. óra
kor, való megérkezési irat és
kár órai itt tartózkodásu-
kat bejelentették

Rozsnyó, 1910. október 2.
Kovács

megnyitás végeztetése!
Működés ellátás mátkam katal. 1910. október 2. este 1/2 8 órákor.
Gömörházy

Kovács

RENŐRKAPITÁNYI HIVATAL
RIEGASZOMBAT

A mai napon a város-
ban ejjeleket.

1946. október 4. 3. sz.

[Handwritten signature]

A mai napon a vá-
rosban ejjeleket!
Szomb, 4. okt. 4. -

[Handwritten signature]

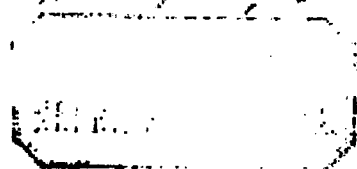
Ismerélyesen jelentkezem
Budaapesti 1910. Október 8.

Erősen
szóval

A Magyar Nemzeti Múzeum
Nemzeti Múzeum és Múzeum
Gyűjteménye iránti
szolgálatokért.

Budaapest, 1910. okt. 8.

Előzetes
igazgatói

A tá. Kir. Kólesi Kereskedelmi
akadémiát meglátogatta
1910. október 8.

Kisvárosi Igazgató

ГЕНЕРАЛЬНИЙ КОНСУЛЪ:

C. Kereskedő

Будапешт 20 Октября 1910.
12 ч.

Maai napon rövid tartózkodás
délre jellemezte.

Soroksár község közigazgatási osztálya.

1910 okt 13

[Handwritten signature]
j. j. j.

o Feladatokhoz.

Soroksár, 1910. okt. 13.

[Handwritten signature]
j. j. j.

Muina napon d. e. gora 40 pona
kor jalehtieetti.

Muina lauchiday 1910 3/14.

Pannanen
johtaja

Muina napon d. e.

1/2 iv ö roken f. seah
keratt

Vuonna 1910 7/16

johtaja
Pöytäkirja

Dács bodrogvárnaggyeregyháza-
loscai érseki megalomni kéle-
si pontfájára érkezett 1910
október hó 16án este 8 órai-
kor lovásb indult 1910
október hó 17 én reggel 8 óra-
kor...

Kélecsponsta 910 X. 17

Hj Greif József
ersei, megalomni inkésző

Mai napu este 6 órakor
ide érkezett és éjszakai tan-
sádkodásra jelenlt meg.

Szabadska, 1910. okt. 17.

M. K. Greif
megalomni inkésző

Priglasie se podpisuje se,
kralji i kraljice srpske.

Beograd, dana 19. listopada 1910

Pr
Indij

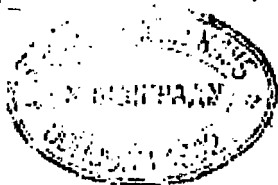
Priglasie se podpisuje se
kralja i kraljice srpske
1910 godine.

Beograd

Mirko Stanić

Забаво се у Ручно-својој
капбу 7. октобра 1910 год.

Магистар
Д-р. Ј. Јафарић
својеручно

Мениска Универзитетској
Музеј у Турској
8/21 Октобра 1910 год

Својеручно Музеј:

В. Јафарић

Зависо се светски пут-
ник Суду Античке В. Ма-
геновца 20 Октобра 1910 год.

р. Суда
Милостиво!

Информациј светски пут-
ник - писмо из француског
у Паланци и Зависо се Суду
магис Паланке 21. Октобра
1910 год. у З. Јан по војни.

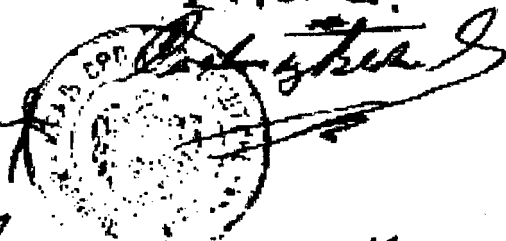
Суду
Милостиво!

Umetovani, svešten
guznik spruzio je u var.
Borpanu y J. catu, po sre
stogne u jahus ce osud.
Cypr

22- R: 1910. B. Borpan

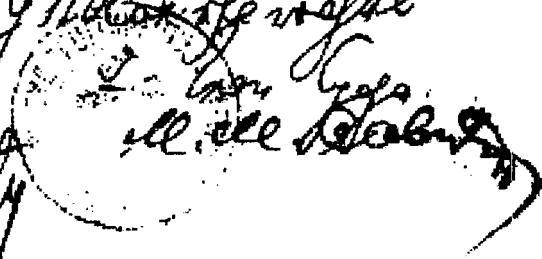
I. Knes.

Imep
Milkau

Umetovani, svešten
govao je Janjary 23. Oktobr.
1910. naj. y Mlkau, sje rogne

Darab
Milkau

Умреобану испитиват угов.
испитиван је ганае у 3 ³/₄ негов
во време.

23/10-910+

Парабол
Писар
Писар

Учае ево
Корисник

Учаваному испитиват испитиват
испитиван је испитиват испитиват
ганае во време.

24 Октобра 1910. год. во Срем
Испитиват

Учаваному испитиват
испитиван је ганае 25 Октобра

1910 г. по поводу и - Швейцария
и явлюсь с Вами, 1910

25 Октября 1910

М. В.

Президенту
Общества

Общество в Россинско-Императорская
Конференция в Швейцария

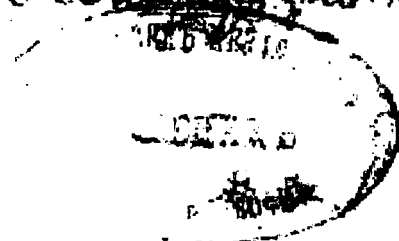
26 Октября 1910.

Конференция: Р. Таромин

Извест се на 28 октомври
1910. во редакцијата на
српскиот лист „Дневни

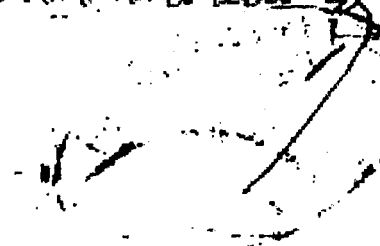
Редактор: А. Комазовиќ

Извест се на 28 октомври 1910.
во редакцијата на Белградски лист

„Бела“

Директор: И. В. Урошевиќ

Дуаго 29 октомври 1910.
Или се ли Кофундацио
Тадонасариумо.

Сретенје Кофундацио - Кофундацио
Тадонасариумо

Дуаго 29 октомври
Тадонасариумо Кофундацио
Тадонасариумо Кофундацио
29 октомври 1910.

Дуаго Кофундацио Кофундацио

Нерно се ле Славян.
Орото баромбогумени
грунечко ле. В. Барану,
на 29 октомври 1910.
из. Сопру.

Г. Губинини Степан.

Губинини ле. В. Барану
проучавачо Грунечко. А. С. С.
Х. Барану ле. Сопру. и на
јури. Грунечко. Сопру. и на
Грунечко. Сопру. и на
Сопру. и на. Сопру. и на.
Сопру. и на. Сопру. и на.
Сопру. и на. Сопру. и на.

Сопру. и на. Сопру. и на.
Сопру. и на. Сопру. и на.
Сопру. и на. Сопру. и на.

Иван и в Народном

Меню:

Сентябрь 31 Октября 1917
г. Р. м. с. с. с.

Пав. Удальков

Подпись свидетеля на
Народном Собрании:

А. С. Д. 10

И. И. Д. С.

Кларисса Игнатьевна С. Бадякина

Адвѣтскій въ Россіи и въ Туркестанѣ
патриархальнаго Туркестанскаго
Католическаго и Католическаго
университета

2 ноября 1910 года

Гос. Канцелярскому.

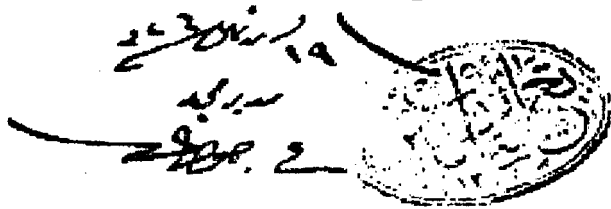
Кому : А. С. Д. Д. Д.

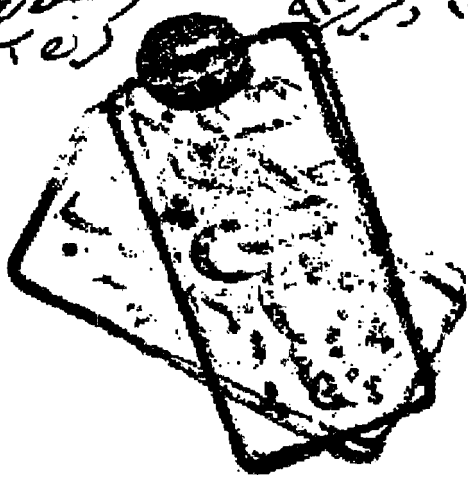
على طوقما زوي استينوف : ابراهيم
وادي خانة بنت . راجد : انا راجد
آية الله كبرياء وادوات راجد راجد
الراجد خانة راجد
طوقما زوي

45

این کتاب در دسترس است
 علی بن ابی طالب و غیره «تعارف سلیمه» اورخان
 سن ۱۰۰۰ قمری در قزوین

المدعو علی طوش الساجی مراد
 الی اسکندریه در صد تفتیش الی کاتب
 بکره اسکندریه تاریخ ۱۰۰۰ قمری
 «درباره»
 تفتیش الی کاتب

زمره اداره جريدتنا عفت السائح
فقولاستيبانوف في 10 ديسمبر 1910

JOURNAL

CAIRE-EGYPTE

Меню в Ресторане-Альманах-
мостковскъ Брисъ-Коммунистическѣ
въ Каирѣ 4/12 декабря 1910 г.
Миле-Коммунист: Э. Рапортъ

28/150 Декабрь 1910 г. П. Н.
Смешанная, криволинейная
нормальная, нормальная
или коммунистическая
(Коммунист) Л. П. Рапортъ

Искренне въ Россіи
Вотпроданіи Конечнаго
в Амстердамъ 27 Октября 1910.

Конечнаго: *[Handwritten signature]*

Искренне Амстердамъ, ны-
нечаснаго
Начальника Конечнаго 19 Октября
1911 года.

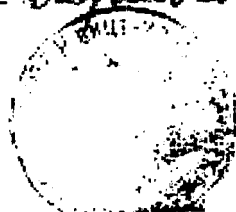

Николай Владимирович
Стенновъ —
Останавивае се на
Сергиевомъ подводномъ
Минераторскомъ Мавант-
номъ Комитетскомъ Ова
въ Иркутскомъ от 24 по
30 Января 1911 года —

П. о. Иркутскаго губернскаго
вѣдомства Иркутскаго губернскаго
29 Января 1911.

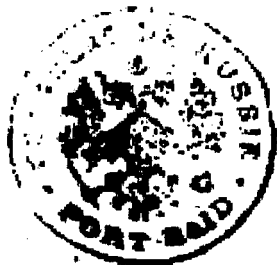

М. К. В. Российско-Импера-
торскаго Минераторскаго
Иркутскаго 31 Января 1911 года
Минераторск.: С. Павловскъ

Адресъ въ Россію. Уланъ.
Помощникъ Конюшій
въ Псков. Свѣдѣ. 9/12 февраля
1811 г.

и. о. Конюша: Т. Мушкетеръ

de Votre Cour
Imperial, de Russie
le 24/11 1811

Иванъ Косиновъ -
 Нижегородской Конюшни
 в Санкт 3/21 Марта 1912
 Конюш.: Мухомов

Въ Россіи. Нижегородская
 Конюшня Конюш. в
 в Санкт Иванъ.
 В Иркутск 1912.
 Управленіи Тр. Конюш.
 Иванъ Конюш.:
 Мухомов

دوب ۲ سلیمان سیاه علی صاحب در سافویج ایستاد

بوداده مردی که ایستاد که ایستاد که ایستاد
 سیاه سیاه سیاه سیاه سیاه سیاه

monsieur
 stepnov

از ایستاد تا ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد
 ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد
 ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد ایستاد

Въ Россійскомъ Училищно-
воспитательномъ Комитетѣ въ Копен-
гагенѣ, въ Швеціи, Швеція.
1го Мая 1911 г. в. Копенгагенъ.

Россійскому Училищно-воспитатель-
ному Комитету въ Копенгагенѣ
Г. Глюкманову

губителю.

سید علی استا پانوف سیاح از اهر قرقر تبعه
 بیست و دو روز بعزم سیاحت وارد کرمانشاه شده
 چند روز همان بودند جمعه ۲ جمادی الاولی
 مطابق ۲۸ ثور ۱۳۲۹ هجری عازم طهران است

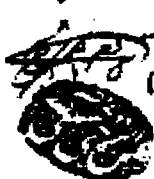
سید علی استا پانوف سیاح از اهر قرقر تبعه
 در روز نهم سیاحت وارد عوف شده با عیب فوی
 (سعی در علاج)
 بیست و پنج روز و شنبه ۲۵ جمادی اولی مطابق سه بیج خوربا

حرکت کوفت علی پانوف سیاح

۱۳۲۹

سیاحت ریم چه ۲۷ در مجرب به لے مطبق ۵ بیج جوزا
 سیاحت سیاحت سیاحت از اهر تا قزوین و سده هست
 چه روستا در ساعت ۳ در تاریخ فوق دارد و هم که در
 دور ساعت ریم سینه ۲۸ فوق از هم حرکت نمی دهان
 راه است مازم با رخ روزم که در

۱۸ سیاحت سیمه امیر عبیدر الله در او او فرجوا میوه
 سیاحت سیاحت از اهر تا قزوین و سده هست
 برین سیاحت دارد در الله طهران کشته بود و
 تا با روز سکنات کور کله کلب میان اهر و قزوین
 مطرف تا بخار و در ساعت کور محضر کتبه تا
 در هر دو وقت این چند که بخار تا در اول تاریخ و
 حقیر این اهر

تاریخ ۲۳ شهریور ۱۳۲۹ م
 از طرف محبت هم دارم خانم کاشانی است از آن که باید
 طریقتی منعم تا از هم بگذرد و کت در تاریخ و تاریخ

در سید علی استب زلف در شبه اولی روز جمعه هم هزاره
 باغچه دار در شهر و بعضی همگی قیوم را با حست که اند
 در پنجشنبه که است نام نیز در تهنه خانه عید در روز نادر

غایب میر علی استب زلف از شهر در روز جمعه و کت
 از شهر از شهر و کت در شهر و کت
 زلف و در شهر از شهر و کت در شهر و کت

Въ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Россійскомъ Генеральномъ Консульствѣ въ Тегеранѣ явленъ
водъ № 208 Деве 1 дня 1911 г.

Генеральный Консулъ / *И. П. Кудряков*

Борисъ

д. вилею въ Успенской Церкви
Давно верилъ въ г. Курганъ.

Иванъ

Hermanns Buchverlag
 Bremenah street of way
 6 & 8 Hannover 18
 First 1911
 Leipzig, Leipzig
 Hermanns Buchverlag
 Hannover 18 Hannover

By Municipal Council
 under the authority of the
 German Reich. It is now
 1911 and 244.

Hermanns Buchverlag
 E. Hermanns

بر روی این کتاب نهادن این قرمز در شماره ۲۷ از حب داده شده است

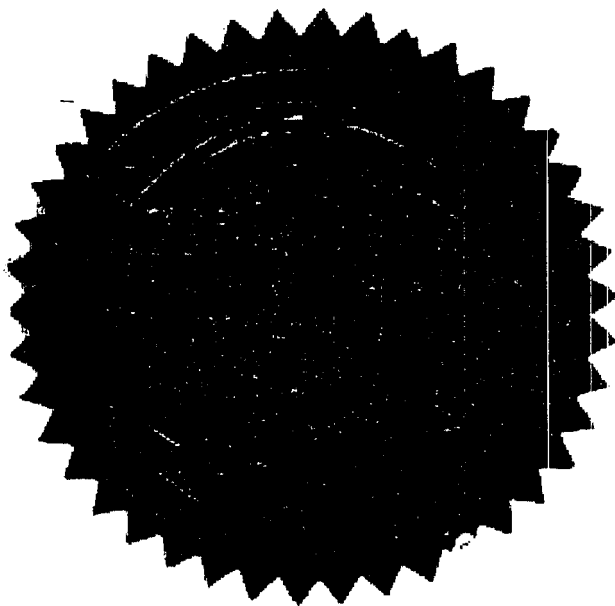

کتابت کتب و دفاتر دولتی
 وزارت معارف و اوقاف و صنایع
 ۱۳۱۹
 ۱۹۴۱

Nu au Comitet General Suplimentar
 de la Reuniunea cu B. Bruckner, bun
 din Bombay
 B. Bruckner, le 7/20 août 1911.
 Comitetul General. A. Bruckner.

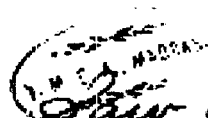

Seema at Bombay.
 21st Aug. 1911. P. P. Galle
 711. Municipal. Com.
 City of Bombay.

1977/11/22
Municipal Secretary
Bombay

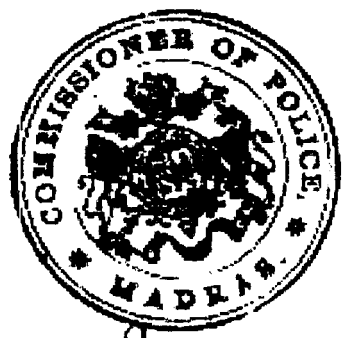
31st Aug 1911.

Madras 2-8-11

Saw a gentleman claiming to be Mr. Nicolas Stephens, travelling around the world, on the above date, at my office.

R. S. Curry
Gen. Secy. P.W.D.

Mr. Nicolas Stephens
approached before me
today. Advantage
Commissioner of Police
Madras 2nd Sep 1911--

Seen at Galle, Ceylon, in
Nicholas Stearns, traveller
round the globe.

69 Stone
to Govt Agent
Southern Province
6/9/11

පිටු 11. මහා පාලකයාගේ
පවුලේ පිටු 104.
අවසාන 14 කොටස
අවසාන. 2/1/11 (කොටස)

1911
Mr. J. J. J.
P. J. J.

Madam
 Circumstances, approximately
 4th to 14th century (A.C.) 194.

[Handwritten signature]

RECEIVED
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

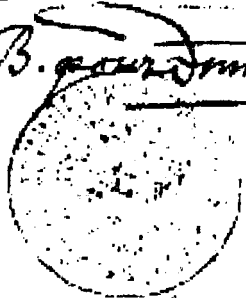
...
 ...
 ...

[Handwritten signature]

1772
 Делуна бр. Четврт -
 Платарско бр. Пети -
 смену Консулско бр.
 18 Наврпа 1911 год.
 1 Денатр
 Гонконг.

Консул: В. ~~Гонконг~~

4th December 1911

I hereby certify that
 Mr. Nielson Spilow has passed
 through Shamen Canton on his
 journey round the world.

J. B. Smith
 Chief Clerk

London Dec. 12. 1911

I hereby certify that
Mr. Nicolas Stepanow
called ~~at~~ this office on
his journey round the
world.

Colman
Consul General

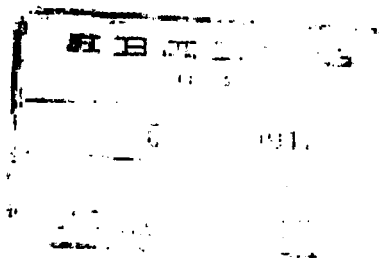
This is a copy of the
original certificate that
Mr. Nicholas
Stepanow called at
this office on his
journey round the
world.
G. J. Sullivan
for C.G.

Адресъ въ Император-
скую Телерадио-
Консультацию въ Шанхай.
29-го Ноября 1911.
Шанхай.

Телерадио-
Консультация: Шан.

Адресъ въ Император-
скую Телерадио-
Консультацию въ Шанхай.
29-го Ноября 1911.
Генер. Консулъ въ Шангае.

17/30 Sec 75.

17/30 Judge 17/12 1880
H. Melchiorre
Mexico.

Thos. Campbell C. P. [unclear]

Mr. Nicolas Stapanow
appeared before us
today

H. Orancho
Translator

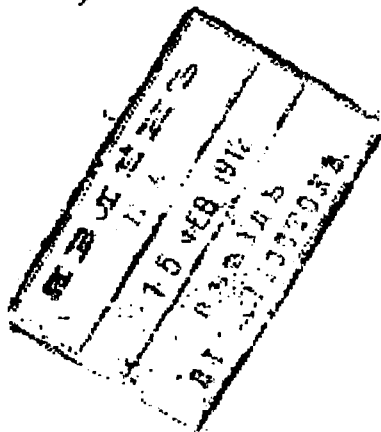
Met's Justice Office
Feb 25 1912

America Gonzalez & Co
 February 16, 1912

Mr. Nicolas Stepanov appeared
 at the office this day
 on a trip around the world

R. Eldredge
 Deputy Consul General

明治四十五年二月廿一日
 露國ツルカイ州人ニコライ
 人テ、7017 英世界汽船航
 行、途次本協會ヲ訪問
 セル由リヨテ此ハ

明治四十五年二月廿一日
 日本 東京ニ於テ

Възвѣщеніе
 Императорскому Высшему
 Суду въ С.-Петербургѣ
 13-го Января 1912-года

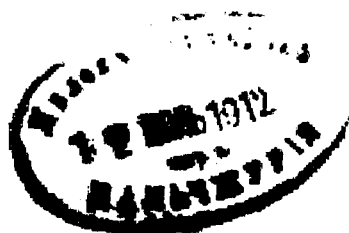

Възвѣщеніе
 Императорскому Высшему
 Суду въ С.-Петербургѣ
 13-го Января 1912-года

 Внесено в III класс
 Императорского Высшего
 учебного заведения
 Императорского университета
 в Москве. 23/IV-12

19. II. Петров ²¹
 Валент. из Императорского Российского
 Императорского университета в Харькове
 27 февраля 1912. № 412
 10. С. С. С. С.
 Комиссия: Н. Иванов

 5 июля 1912 г. Принимается
 решение о введении в действие
 в Императорском университете в Харькове
 и в Императорском университете в Москве
 и в Императорском университете в Харькове
 и в Императорском университете в Харькове
 и в Императорском университете в Харькове
 5. VII. 912.

Приветствую Вас и желаю
 доброго и успешного
 продолжения Вашей
 работы -

14 Июня 1912 года

З. Кривинского
 Начальника

Генерал-Мейстер

Г. Сидоров
 16 июня

Университет
 Императорский

в Оценочном бюро
в Харькове 24 июня.

Евгений Евг. Овощев.

Публикация в журнале
«Сельскохозяйственная техника»
№ 2, Харьков 28.06.1912
года на тему «Курсовая
экономическая программа»

И. Ф. Савицкий
А. А. Керженцев.

2. Повенант дано 2
момента 3 аугуста
1912.

За издържане на
Управленски Разпоредител
на търговския

Повенант дано 2
момента 3 аугуста
1912.

Управленски Разпоредител
на търговския

3- АУГУСТ 1912

Томска

1/3 Република България

H. Димитров

Искренне моему другу
академику Г. П. Давыдову
12 Октября 1912 г.

Очень приятно было получить
от вас письмо и благодарю
вас за него. Желаю вам
успехов.

Ваш искренний друг
Александр Степанович

Давыдов

Писмо на које се одговорио на крају
 одговором на његов одговор,
 на којем се види како се одговорио
 на његов одговор од 17. јуна 1872. године,
 да се одговорио на његов одговор
 од 17. јуна 1872. године, да се одговорио
 на његов одговор од 17. јуна 1872. године,
 да се одговорио на његов одговор
 од 17. јуна 1872. године.

Уредништво, Главног
 Редактора, Главног Редактора,
 од 17. јуна 1872. године.
 Главни Редактор од 17. јуна 1872. године.

Гражданство в. Омск
свободы в Омске индуст-
риальное промышленное пред-
приятие

24 Января 1912. Омск

Инж. Николай Иванович [Подпись]

Присвоен в городе
Орлеане 9-го сентября
1912 года и внесен
в Турецкое Обществен-
ное Управление.

И. Губернатор.

Камар-хан

Директор Восточной Турецкой

Известно по документам
архива в Л. Опен-
дур, 12 Октя. 1912 г.

Определяем по документам
и по документам в Опендур
Определяем. Названия
Определяем.

Определяем. Названия

Определяем

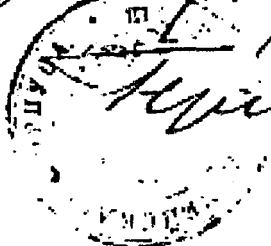

Адресная таблица
издана в С.-Петербурге
25 Октября 1912 года
Самарский Издатель
Майков С. С.

А. Трапезникова

Секретарь Императорского
Университета
25 января 1872 года
Вашему Высочайшему
Величеству
Копия
Императору

Императору

Заведующий лес. участком
Курдюковский, А. И. Плещу
16 ноября 1919 года
И. Я. Кузнецова
Иван. Кузнецова
Иванов

Заведующий участком
Семилетский, М. М. Бобов
16 ноября 1919 г.

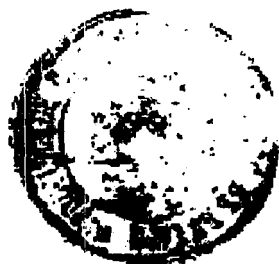
И. Я. Кузнецова
Иван. Кузнецова
Иванов

Душана ко сина
и Москва и Пав
лор и Ван
Киевский и Южный
Омск и Кавказ
Там и Южный

Ученъ и Выпускъ
у Императорскаго
Томскаго Университета
3 Февраля 1917г.
Императорскій
Томскій Университетъ

Бюро въ Търнарн - 21
 Намъстника въ Високоува
 Импера Търнарскаго, - Микола
 Закума. Билъ Купи Купи
 4-го Среварна, 1917 года

/Петарини/ Купи

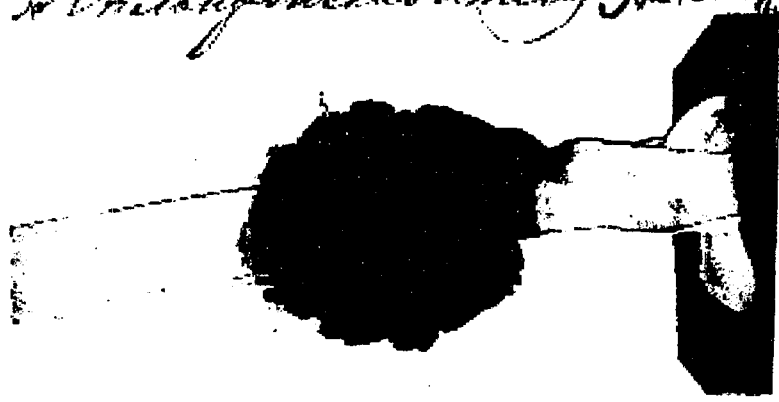
Служба въ Намъстника Импера
 Купи. 4-го Среварна
 4-го Среварна, 1917 года.

Въ сѣнѣхъ Крестовъ въ проу-
говаривахъ и въ проуво-
говаривахъ — 96 мисноловъ.
сѣр. Карматъ, сѣр. Бугъ 1910.

За Крестовскими Крестами
и Крестами

и Крестами Крестами Крестами

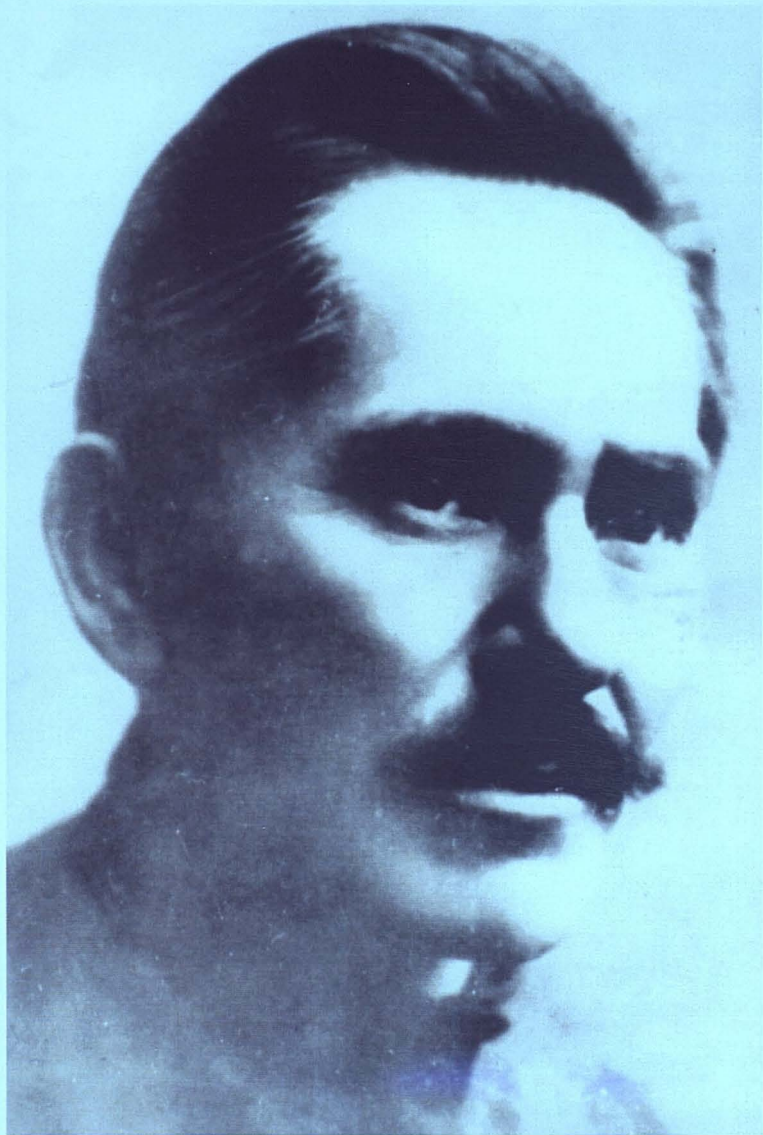
А.Кенжин с супругой Жаннет Рамазановой, сыном Шамилем и дочерью Софьей. г. Оренбург, 1924 г.

*С.А. Кенжина с мачехой Ж.Р. Кенжиной.
г.Оренбург, 1924-1930 гг.*

*Софья, Махмут, Баязит и Шамиль.
г.Оренбург, начало 1920 г.*

*Алиби Джангильдин,
г. Оренбург, 1920 г.г.*

*Елена Афанасъевна (1901-1985 гг.)
г. Оренбург, 1920 г.г.*

*А.Т. Джангильдин с супругой Е.А. Дробязгиной и сыном Тамерланом,
г. Кызыл-Орда, 1928 г.*

Супруги Джангильдины с сыновьями Таширбергенем, Чингизом, Али, Тамерланом, Раухатом.
г. Алма-Ата, 1940 г.

Сутруги Джэсангульдэны Софья и Алиби.
г. Алма-Ата, 1940-е гг.

*Софья Асфендияровна (1914-2004 гг.)
г. Алма-Ата, 1940 г.*

*Супруги Джсангильдины с сыновьями Али и Чингизом.
г. Алма-Ата, 1946 г.*

*А.Т. Джангильдин с сыновьями Али, Танирбергенем, Чингизом.
г. Алма-Ата, 1940 г.*

А. Т. Дžангильдин, г. Алма-Ата, 1930 г.г.

Чингиз Дžангильдин в армии, июль 1966 г.

*Супруги Джангильдины Клара и Чингиз с детьми Асемом, Алтынай, Алиби.
г. Алма-Ата, 1977 г.*

*Чингиз и его научная группа. Берингово море, бухта Провиденция,
РТ «ПЕЛАМИДА», 1971 г.*

*Памятник А.Джсангильдину.
Привокзальная площадь Алматы-1*

*Из воспоминаний
Елены Афанасьевны
Дробязиной*

Переезд в г. Оренбург

...Прибыв из Москвы в Оренбург мы устроились отлично. Подводы с мебелью, роялем «Рига-Трессельт», кухонной утварью – всё пришло прямо со станции, а вот два сундука почему-то и где-то застряли. Мы очень с мамой волновались, ведь это было всё наше состояние. Я пошла разыскивать Кирревком, чтобы узнать и о вещах, и о времени когда и куда являться на работу. Но всё было как-то неясно. Фактически вновь прибывший состав работников ничего тоже не делали, все шатались и чего-то ждали. Потом все устроилось, конечно, но задержка была большая, не было помещений.

Через несколько дней наконец появился Алиби Джангильдин и прямо заявил: «Что, скучали без меня?». Поразило меня такое самомнение комиссара, никто не скучал о нем, только ведь мы приехали не для «шатания» по улицам. Резко ответила, что мне не до скуки, а вот вещей нет – это такое дело.....! «Ничего, подождите и не волнуйтесь зря». «Мы ведь устроились очень уютно, по семейному. Только вот мне кабинет нужен для работы, я сейчас пока живу в гостинице на улице Интернациональной, много дел, с телефонного провода не слезаю, всё Москва звонит, надо готовиться к предстоящей большой работе». Конечно, это большое дело, я так и думала, что предстоит нечто грандиозное надо и нам готовиться к работе. Однако, вдруг, как бы врасплох, комиссар заявил, что надо ему переезжать «домой». Мама рассудила так, что неспроста такая квартира, но что за «кабинет», собирается переезжать сюда...

С этого дня он стал ежедневно раза по два бывать у нас. Пришлось маме и мне готовить не только для него одного с нами, а и кормить его красноармейцев. Глупые мы были, молчали, а всё тратили своё. Наконец, однажды прямо ему сказала, что мои командировочные уже на исходе (какой там на исходе, их давно уже не было!), что надо как-то на счет работы думать. Если здесь ничего пока не предвидится, я пойду в другое место устраиваться, мне уже предлагали. Просто не понятно, что был за человек А.Д., неужели он не понимал, что средства иссякают, где мы можем их брать. Мы бы одни как-нибудь с хлеба на картошку, а то ведь 4 красноармейца, нас трое, да комиссар – восемь человек... чудо!

Вечерами он подолгу задерживался у нас. Рассказывал без конца. Как то выразил мысль, что наверное мы стесняемся, не уважаем его. Стал доказывать и рассказывать кто такие казахи, что это за народ. Это было интересно: он знал, оказывается, прекрасно историю происхождения казахов, а чтобы мы имели представление кто он, рассказывал нам, глубоко древнее, но связывающее его с родом его матери Патшайым, а тянется мол это с 40-х годов 15 века. Красноармейцы плохо понимали по-русски, но тоже очень внимательно слушали своего комиссара, в авторитетность его слов, при переводе чего-то на их язык, они кивали головами в знак одобрения. И так, он рассказывал, что был такой хан – Барак, у которого было два сына Джанибек и Гирей. Братья, после поражения от хана Абулхаира, откочевали из приуральских степей в район теперешней реки Чу. Сыновья хана Барака пользовались поддержкой хана Иса-буга, который предоставил им во владение районы западного Семиречья в Чуйской и Таласской долинах. И вот, на основе этого принято считать, что откочевка двух

согласия. А я и не соглашалась и не отказывала. Потом вышли на более людную улицу. Показался извозчик, Алеке остановил его, и мы доехали до дома.

Дома было всё спокойно. Мама поставила чай, братишка что-то рисовал. А мне казалось, что я в чем-то виновата, мне было не по себе. От чая Алеке не отказался, выпил залпом несколько стаканов, потом сказал, чтобы я приготовила все документы наши и что завтра приедет утром и мы пойдем. Я подумала, что речь идет о работе, о которой я каждый раз надоедала ему. Уходя он пожал мне руку, как-то особенно посмотрел в глаза и сделал комплимент по поводу моих кос – «как у наших девушек-казашек». Потом он о чем-то поговорил с мамой, она как полагается родительнице, пошла проводить его до парадного.

Мама рассказала мне после, что Алеке спросил ее, кто у нас бывает, с кем я познакомилась. Выразил свое мнение по поводу того, что я нарочно мол переселилась и освободила комнаты, что меня кто-то учит, чтобы я его игнорировала. Мама отвечала ему отрицанием всего. В общем вечер прошел благополучно, мы вроде больше не ссорились. Однако мама заметила мое волнение, но я ничего не сказала ей.

11 сентября, около 11– часов утра, подъехал к нашему дому Алеке. Настроение у него было прекрасное. Пожурил нас, что мы только что пьем утренний чай. Как-то «посвойски» пожурил меня и стал торопить, взял документы, которые я ему передала в бумажнике моего покойного отца. Там было все и мамины и брата документы, мои учебные и пр. «Ну, теперь поехали!».

Ехали мы по Советской улице и совсем не туда, где был Кирревком. Но я думала, что так надо, ему виднее. Извозчик остановился у большого здания с вывеской «СОВДЕП» и далее что-то меньшими буквами было обозначено. Вошли

в прихожую, Алеке сказал мне полупшепотом, чтобы я его здесь подождала, даже подал стул. Я осталась в передней, а он пошел в дверь, на которой было написано «заведующий отделом».

Прошло минут 20-30. Я уже устала ждать. Вдруг открывается дверь, выходит А.Д., за ним пожилой мужчина в очках; внимательно посмотрел на меня, как бы оценивая, потом протянул руку и произнес: «очень рад, очень рад, поздравляю». Ужас... он оказывается поздравил меня с законным браком. А Алеке невозмутимо передал мне все документы обратно, подхватил под руку и с ласковыми словами – «ну, женушка-упрямица, поехали домой».

Я не помню, что со мной было. Чтобы не попадаться мне на глаза, Алеке уехал куда-то. Я рыдала как сумасшедшая. Плакал и братишка. А мама оказалась «хитрющей мамой». Она всё отлично понимала А.Д. она очень уважала, положительный он был человек и любила, конечно, меня, ведь я была старшая дочь, единственная и малый братишка. И вот, вчерашняя беседа с А.Д., с глазу на глаз была по существу «заговор», т.к. мой строптивый характер маме был знаком. Потом приехали товарищи Алеке, человек десять. За ними прибыли из ресторана люди с посудой, продуктами.

Поздравления сыпались со всех сторон. тут же в дверях стояли «мои охранники» красноармейцы, довольные, что у них теперь есть «женгей». Друзья Алеке бесконечно хвалили его, давали отцовские советы, что я не пожалею, Алеке будет мой друг-спутник жизни. А они вообще подозревали еще раньше, что я для Алеке близкий человек, между тем этого не было, был ложный стыд, который удержал меня от оправданий. Так началась моя семейная жизнь. Мне пришлось принимать гостей, угощать, а на душе кошки скреблись. Ведь это на всю жизнь.

Ничего и никогда худого я не скажу, о своей жизни ,а правда в том, что Алеке безумно любил меня и другого имени у меня не было как «айналайн», даже мой братишка сказал ему как-то : «Алеке, мою сестру зовут Лиля, а Вы почему-то зовете ее Айналайн». Он думал, чудак, что это мое новое имя.

Подготовка к съезду

...Жили мы хорошо. Я работала, кроме того, помогала Алеке. Первая моя самостоятельная работа – помощь – это был доклад, который готовил Алеке к первому съезду. Я и писала под диктовку, и корректировала, а потом переписывала на машинке. Ну в общем все свои знания и силы прилагала, чтобы помогать и быть полезной Алеке, он так в этом нуждался.

Вот сколько лирики и романтики было в нашей жизни; он бывало смотрит на меня, когда я работаю и говорит: «моя кешкентай-помощник, а ведь я давно, давно видел тебя во сне и вот такой, как ты есть сейчас – коса большая, сама сердитая и такая любимая «айналайн». Когда было посвободнее, вечерами я заставляла его читать, потом читали по-очереди вслух. Понемногу занималась с ним и диктантами, но это было так редко, он ведь был очень занят, да и я работала без регламента. Мама даже сердиться стала, что мы поздно приходим домой. Она не понимала, что Алеке должен был много уделять внимания организационным вопросам подготовки к съезду. Деятельное участие принимал в подготовке повестки для съезда, рассмотрению тезисов, докладов и даже обеспечению устройства делегатов.

4 октября 1920 года было открытие 1-го съезда Советов. Я хотя и не умела стенографировать, но всё записывала без пропусков. Сидела я в рядах гостей и делегатов. Мне нуж-

но было всё записать, чтобы Алеке имел материал лично у себя, да и ему было интересно, чтобы было записано все съездовское и разговоры и впечатления делегатов. Я немного волновалась сидя в зале, так как никого своих рядом не было, все гости-делегаты, незнакомые люди, говорившие на непонятном для меня языке. В свободное время, я стала заниматься казахским языком и училась езде верхом. У нас недалеко от дома, был большой базар, за базаром пороховые погреба и потом огромное поле – вот это и был мой «ипподром», где я проходила свою практику.

7 октября -1920 года состоялось выступление Алеке на съезде (я совершенно самостоятельно по его тезисам готовила материал – помощь моя пригодилась). На съезде Алеке был избран членом президиума Кирчика. Кроме того, на съезде, по предложению члена Совета пропаганды Народов Востока т.О.Кубеева, – Алеке был избран представителем казахского трудового народа в Совет Съезда народов Востока в г.Баку для установления связи и постоянной работы. ЦИК КАССР выдал мандат и наказ, в котором Алеке поручалось: поделиться опытом революционной борьбы казахского народа с классовым врагом. Должна была быть налажена связь для информации и с руководителями КАССР. С самого съезда мы были день и ночь на ногах: днем работа, еле успевали покушать – опять работа, а вечером допоздна шли к нам «гости». Каждый считал своим долгом поздравить Алеке и меня, полюбопытствовать, посмотреть молодую жену Алеке. Без конца готовился бес-бармак, буквально сбивалась с ног. А какой был расход. а ничего не поделаешь, уважить было нужно.

Приходили и с деловыми вопросами: разрабатывался маршрут поездки. Довольно часто у нас в доме появлялся С.Сейфуллин со своими друзьями А. и Х.Утекиными. Был

составлен список, кто поедет и как поедет. Ахмет Сафа Юсупов, Алманов, Тулепов и др. не хотели ехать на лошадях, время еще было беспокойное, но Алеке не соглашался ехать врозь и разрешил только финансовым работникам ехать поездом, остальные должны были ехать на лошадях до Арыси от самого Оренбурга. Пришли к соглашению так: ехали все верхом до Актюбинска, потом разделились на две части – получив документы, паек, запасные седла, которые везли от Оренбурга – такое было указание сформированного на первом съезде правительства (Радус-Зенкович, Мендешев, Асылбеков и др.). Таким образом, 22 октября 1920г. на заседании президиума Кирчика Алеке получил наказ, с которым и выехали мы по маршруту – Оренбург, Туркестанские степи до ст.Арысь на лошадях), далее по жел.дор. – Ташкент, Самарканд, Бухара и т.п. Поездка на лошадях была с целью ознакомления с населением, разработки ряда вопросов, которые будут рассматриваться на съезде в Совете действия народов Востока в Баку, да мало ли было таких неотложных, нужных и больных вопросов?

То, что пришлось поехать на лошадях и одновременно выполнять поручения Алеке – было большой и серьезной школой моей жизни. Задание было такое, ехали и днем и ночью. А ехать было жутко, попадались и недруги. Около Алеке я ничего и никого не боялась. Ведь ехала я с Алеке как полноправный сотрудник-красноармеец. Нас было семь человек. По пути от Оренбурга до Арыси, по Туркестанским степям, впервые видела «сайгаков», которые почти не боялись людей, но все же было опасно. Армейцы однажды по пути застрелили одного здоровенного сайгака, оказывается мясо как у барана. Свежевали его, потом варили «бес-бармак». Я уже так привыкла, что без смущения ела руками, попробовала даже казы из конины, которую на всю

жизнь полюбила ужасно. Конечно, я не была в качестве «путешественницы» и на мою долю выпадали большие трудности. На ходу, буквально, приходилось работать, писала рапорты, переписывала на машинке, оформляла, отсылала «с нарочным» и т.п. Машинка «Эрика» авдеевская была со мной. Была я на остановках с Алеке на всех совещаниях и заседаниях. Ахмет Сафа писал на казахском языке, потом диктовал мне перевод, так что работы было невероятно много. Кто и спал, зевал, а мне с Ахметом пришлось «лихо».

Интересно, уже потом спустя много времени, я узнала, что меня за женщину в аулах не принимали, какой-то молоденький парень и всё. На мне была красная черкеска, белая папаха, был кинжал и даже маленький английский браунинг. Алеке не очень-то либеральничал и очень строго относился ко всем, требовал исполнения и бдительности. Это же не шутка, еще так недавно в этих краях было очень неспокойно и особенно доверять теперь всем было нельзя. Были минуты благодущия, едем бывало на лошадях, Алеке подъедет близко и мы как лермонтовские герои – лошадь к лошади и мы рука об руку и так было хорошо и не было никакого страха. Прошло всего три месяца, как мы стали мужем и женой, а я, узнав Алеке, так полюбила его смелость, рассудительность и его самого. Мне казалось, что Алеке моя стена, за которую уж никто не пройдет и никогда меня не обидит.

Поездка на Мангышлак

...Глубокой осенью последовало новое распоряжение. Надо было проводить предсъездовские совещания, провести очень большой съезд на Мангышлаке, в самом Красноводске. Время всё еще было неспокойным, враг был

на каждом шагу и вот, там, где был прорыв, нужен был глаз, руки и голос Алеке – он ехал. Кругом были басмачи, адаевские степи многих укрывали, места были не обжитые и поэтому там нужно было навести порядок.

И вот наш путь к Адаевским степям. Осень мрачная – ноябрь 1922 года. Буртинская волость, где сделали запасы еды. Нас было не так много, поехал Жайлау Мынбаев (впоследствии Пред.Кирцика), Ермеков, Шамиль Каратаев, Нуруш Жамшин (Нурмухамбет), Сексенбай и многие другие. Через каждые 2-3 километра смена лошадей. На Уильской ярмарке, проходившей в то время там, мы закупили баранов, муки. Часть повялили, а часть зажарили. Купили мешок пшена, соли, спичек и вот поехали. Мне уже не было в диковинку верхом ехать, с нами были навьюченные верблюды.

Предвидя все неудобства пути, я отрезала свои косы догола. Из одной косы сделали мне паричок, чтобы я могла где-то иметь вид солидный. В шапке-малахае, в мужском костюме при всем снаряжении я снова ехала, как помощник Алеке. Мои вещи: платье, парик и туфли были со мной в вещевом мешке. Такая же картина, что и в первый год замужества. Теперь у меня было больше помощников, во-первых Нуруш Жамшин с русского переводил на казахский язык, с казахского на русский и мы с ним писали, переводили. Другая часть нашего отряда выполняла чисто военные обязанности. тут уж было страшновато нас даже предупреждали. Отряд из 25 человек. У меня функции и медработника. Наркомздрав выдал мне медикаменты с полной аптечкой, две бутылки чистого спирта. Мне надо было следить и за здоровьем наших людей. Погода стала меняться, началась пурга, но Алеке, зная эти повадки погоды, не стал задерживаться, и тронулись. Хорошо сде-

лал Алеке, всё-равно пурга не унималась, снега навалило много, но местные лошадки шли смело, это им было привычно. Особенно мне понравились местные лошадки, они низенькие, коренастые, с длинной шерстью и длинными хвостами. Для них это было дело привычное проходить, что называется «непроходимые тропки».

В степях, особенно адаевских, на пути к Мангышлаку, осенние дни неприятные и очень короткие, так как уже с 3-4 часов начинают стелиться туманы и очень рискованно двигаться вперед, можно поплатиться и жизнью. Пока еще далеко вглубь не заезжали – изредка встречались караваны переезжающих аулов и даже кое-где удавалось переночевать в кибитке. Были и такие караваны, которые встретив нас, специально раскладывали свои кибитки, начиналась варка и жарение для нас еды. Одно слово было для них достаточно – «Алеке агай» и люди шли, шли, слушая его вдохновенную речь. Но вот стали отдаляться вглубь, реже стали встречать людей. Жайлау Мынбаев, очень развитый человек, из себя сухощавый был у нас проводником. Адаевские степи он знал как свои пальцы (впоследствии Алеке его выдвигал кандидатуру на Пред.ЦИКа).

Останавливались мы на ночлег теперь, как приказывал Алеке, с 4 ч.дня. Если было чего поесть – ели и ложились спать. Но ведь в степи надо быть осторожным, встречаются там и хищные звери. Чтобы быть в безопасности, нас научили делать так: середку заполняли люди – спали под брезентом, потом клали вещевые мешки и др., круг образовали из лошадей, а потом уже последний круг – верблюды. В таком кругу было более безопасно. Туман невероятно большой и так до рассвета, а уже часа в 3-4 утра, едва едва начинало светать, Алеке будил всех – ехали дальше. Пресной воды не было совсем, колодцы встречались редко, а если и были,

то из них вода была небезопасна, боялись эпидемии и др. Встречались и такие колодцы, сплошь заваленные и вообще Алеке запрещал брать воду, многие же колодцы были отравленные. Ехали без воды, изредка встречались нам холмики, где были преимущественно древние кладбища, вот там за каменными плитами (надгробиями) застревал снег, который мы и собирали в ведра.

Еще очень примечательное было явление – местные казахи знали места, где можно было разводить костер без кизяка, саксаула и др. Это были по началу трещинки в 2-3 см., Жайлау Мынбаев говорил, что если подрыть глубже и зажечь – сам будет гореть. Делали мы так – углубляли трещину, обносили ее обильно сырой землей, пропитанной солью, и, получив костер, ставили треножник и можно было кипятить еду. Конечно дело было рискованное, но мы так делали. Уезжая с этих мест, мы засыпали трещины сырым песком. Ведь в ущелье бывала соленая вода, но для питья она была непригодная. Наши припасы были почти на исходе. Я аккуратно распределяла всё, а из собранного и оттаянного снега варила. Пурга, хоть и не была как прежде, но все же ветер дул. Уставшие, полуголодные, полузамерзшие, но ехали. Лошаденки тоже еле двигались, так как им очевидно не хотелось отъезжать от своих аульных. Смелее шли верблюды, смачно пожевывая свою слюну, им то хорошо было, соли много любимых колючек. Так было тяжело, я раньше не имела представления, что такое «шубат», но вот Ермеков, видя мои страдания, ведь непривычная же я была «урус», учел, что в нашем отряде, где груз вьючился на верблюдов, была и верблюдица. Она долго орала, так как ее детеныш остался в ауле. Желая мне помочь, Ермеков подоил верблюдицу и дал мне попить этого молока «шубата». Я буквально умирала от жажды и

готова была пить, что угодно. Ведь уже порядочно, как не попадались могильники, где бы можно среди камней найти снег. Попила я этого тягучего, приторного шубата, дурно стало, а потом уже сама привыкла, только старалась быстрее остудить.

Без конца и без края наши казахские степи. Только древние могильники, да редкие колодцы встречались нам, как я уже говорила. Преодолевая огромные пространства между редкими поселениями, мы шли до намеченной цели и задание партии наш Алеке выполнил. Но вот понемногу стали попадаться кустарники, пригорки и Жайлау Мынбаев сказал, что скоро будет большой спуск. Действительно, на другой день, рано утром мы добрались до этого спуска. Я не могу сказать сколько было метров высоты, но грубо говоря – спустившиеся вниз люди выглядели как булавочные головки. Так вот, подошли к спуску, Жайлау вбил двухметровых кол в землю, привязал канат и стал спускаться вниз. Внизу он тоже вбил кол и привязал другой конец веревки. Вот по этим, так называемым, веревочным перилам стали спускаться наши люди. Алеке распорядился, чтобы скот пока был наверху, так как надо было спустить ценности, вещи, а потом потихоньку спускать лошадей и верблюдов. Мне было поручено остаться пока на верху и смотреть за скотом, а выглядела я так: сзерж военного костюма на мне был мерлушковый халат, на голове шапка ушанка сибирская с длинными ушами, опоясана была я кушаком, на ногах сапоги и на сапогах байпаки, в руках камча. Вид удалого степняка. Вот смех!

Ушли наши вниз, подошла к обрыву и смотрю – мурашки да и всё. Но время шло, туман стелиться стал, а за мной все не идут и не идут. Вдруг слышу как шакалы завывли, такая жуть, даже лошади и верблюды волноваться стали, вдруг

что-то грохнуло, заржали лошади (они были встревожены) и вижу только камни полетели – это все лошади, лягнувшись, полетели вниз. Ужас – я так перепугалась и за ними стала задом спускаться, держась одной рукой за канат, но он был такой толстый, а я впопыхах рукавицы не надела... И вот, очнувшись только внизу у самого брюха разбившейся лошади. Алеке спрашивает: «Лалачка, Лалачка, ты жива?». Простонав, прошу, чтобы вытащили меня из под лошади. Подняться уже я не могла – вся разбитая, спина разодранная, лица не видать и ноги разбиты, открылась моя рана, кровоточила. Подняли меня, уложили на подготовленное место, а я шевелиться не могу. Ну, что же делать. И вдруг, откуда не возьмись – медленно брёл караван. Поскакали нашим навстречу... оказались нужные люди. Живо была раскинута кибитка, но я уже ничего не могла делать и только стонала, а вид у меня был...!

В общем, на молодом всё быстрее заживает. Нашелся в караване старик-казах костоправ – он меня и лечил по своему, по народному и поэтому дня через четыре я уже почти нормально ходила, хотя шрамы, подтёки и на лице, глазах и т.п. еще были заметны. Но за это время и многое узнала и услышала интересного из жизни степей, налетов басмачей и др. Без дела я не лежала, а уж лежала как баронесса, все лучшие корпеше, жастыки и корпе были на мне и подо мной. Забота со стороны простых степняков была необычайная, все жалели свою «женгей».

Нужно было всё записать, Жамшин¹ делал переводы и я живо писала – это были беседы Алеке с народом. Смутное было время в степях, налеты были за налетом, даже не чувствовалась еще как сбудется советская власть, да и «укрывшихся» в степях было много. Миссия Алеке была тяжелая, ответственная и рискованная. Цель была

– надо было как следует разъяснить народу о той борьбе, которая прошла в революции и как она избавила народы бывшей российской империи от порабощения и спасла будущие поколения. Борьба была беспощадная, рождалась в огне войн, в тисках хозяйственной разрухи, под ударами сопротивлявшейся контрреволюции и наконец народ получил все права на самоопределение и что они теперь сами хозяева страны. Алеке мог так вдохновенно всё рассказывать и народ шел, шел и верил ему. А это ведь очень трудная задача, она только в моих словах коротка, не знал ведь никто и не видел, зачем это ехал туда в глубокие, непроходимые безводные степи с небольшим отрядом Алеке.

Болезнь А. Джангильдина

...В июне 1925 года Алеке уже поехал в Кызыл-орду, мы ждали от него письма. Квартира была готова и мы уехали. Я получила академический отпуск (в те времена никаких бюллетеней не было). Я забронировала номер. Через год, ребенок подрос, но стал очень много болеть в Кызыл-Орде, так что к осени 1926 года мы вернулись в Москву, Алеке поехал по делам Наркомсобеса. По приезде в Москву, мальчик стал себя чувствовать хорошо, на него действовала очень плохо вода Кызыл-Орды. Ну в общем всё шло нормально и в учебе и в семье. Летом Алеке поехал в Сочи, мы дожидались его и потом вместе поехали в нижний (ныне Горький), оттуда по Волге до самой Астрахани, потом обратно до Самары (Куйбышев) и вернулись домой.

Вдруг, совсем некстати, Алеке заболел, да так сильно, что ни есть ни пить ничего не мог. Он мог только изредка пить домашний айраң, который я ему готовила специально. Конечно, само собой разумеется, мне пришлось просить

опять академический отпуск (это было не учение, а мучение). Всю зиму 1926-27 гг. Алеке болел, то ему лучше, то хуже. Мне сидеть дома было не по силам, надо было работать, семья большая. В конце 1927 года Алеке стало так худо, что и надежды не было на его поправку. Тут пришлось приложить уж мне всю свою энергию, чтобы помочь (не хвалюсь, но так было). Наши врачи ничего точного определить не могли. Совершенно случайно на работе зашла речь о светилах медицины и я узнала, что в Ташкенте проводится съезд врачей с участием крупных профессоров.

Я уцепилась за это, что называется, рассказала Алеке свои мысли, а он, бедняжка, всецело положился на меня, только бы я помогла ему. Решено так решено. Дело прошлое, но мы поехали за свой счет. Мое учреждение, где я работала дало мне отпуск без содержания, мы взяли детей, так хотел отец, и уехали в Ташкент. Жили очень экономно, днем я бегала по городу искала нужных мне врачей, попала на съезд, была принята профессором Мартыновым, который был настолько любезен, что приехал к нам в гостиницу, только просил иметь на руках все анализы, осмотрел, выслушал Алеке и сказал, что он находит у него «эхинококк печени» и что требуется операция. Он брался делать ее сам, но по возвращении из Ташкента. Сказал, что Алеке вполне может доехать до Москвы, дал свой телефон и мы к вечеру уехали, по дороге на ст. Кызыл-Орда нас встретила мама и родные, мы передали им детишек и сами поехали в Москву. Предварительно Алеке разговаривал с нашим правительством о своем состоянии и его заверили, что всё сделают, чтобы он не беспокоился. Однако, приехав в Москву, нас никто не встретил, а так как из за продолжительного отсутствия наш номер во 2-м доме Советов был занят, нам пришлось

остановиться в гостинице «Париж» (ул. Горького и Моховой). Из гостиницы Алеке позвонил Постпреду и только на второй день приехал референт и привез путевку в «Боткинскую больницу» и всё. Алеке так ослаб, что ему было абсолютно безразлично всё. Мы наняли машину (тогда такси еще не было) и поехали в больницу. Так было это давно, но и теперь, когда я вспоминаю нечеловеческое отношение, меня берет дрожь. Заехать на территорию больницы было нельзя, а до приемного покоя надо было идти, чуть ли, не один километр. Еле еле, буквально тащила я Алеке. Попали наконец в приемный покой. Обстановка тяжелая, я показала путевку, ждали ответа около часа. Наконец подошел к нам санитар, вид, о ужас, почти палача, огромный, волосатый. «Приказал» одежду сдать ему. Меня так ошеломила эта картина и обращение, я решила, что Алеке я никому не отдам, подняла его, с трудом вывела на улицу и вот под проливным дождем шла с больным Алеке до самого выхода с территории больницы. Нас возвращали, бежали за нами, но мы не вернулись. Я убедила Алеке, что в такой обстановке я его не оставляю.

Дождавшись попутной машины, мы вернулись в гостиницу «Париж». Тут меня осенила мысль, что надо предпринять более реальные и решительные меры, я должна и тут помочь моему Алеке. Вспомнила свои молодые годы, всю энергию, вспомнила про Наталию Дмитриевну Свешникову, которую знала хорошо (она была секретарем у М.И. Калинина в приемной по Моховой ул.). И раз я уже решила и составила план, так и выполнила: придвинула кровать, где лежал Алеке ближе к телефону, на всякий случай, взяла для видимости сумку с бутылками для молока и сказав, что скоро приду, буквально побежала к Н. Д. На мое, если можно было сказать, счастье и она и Михаил Иванович были на

месте. Рассказав Н.Д. всё как есть, просила доложить М.И., чтобы последний принял меня. Моя просьба исполнилась, я была принята Михаилом Ивановичем, у него в то время сидел т.Смидович. Всё, всё подробно я рассказала ему и о приезде и о гостинице, и о больнице и о всех злключениях. Михаил Иванович выслушал меня очень внимательно, встал, походил по кабинету, заложив руки за спину, и потом успокоив меня, сказал, чтобы не беспокоилась, Алеке положат в Кремлевскую больницу. Потом, сердечно расспросил меня про наши финансовые дела, ведь я была в Москве. Где остановилась и, короче говоря, вызвал Н.Д. и велел написать ей в хоз.управление ВЦИК и СНК о помощи мне и принятии расходов гостиницы. Такого исключительного отношения, такой заботливости я никогда не забывала и не забуду. Это только сделал он.

Не успела я вернуться в гостиницу и поделиться всем, что произошло за это время, как уже приехала санитарная машина Кремлевской больницы, нам позвонили из портье гостиницы. Даже спросили может ли больной сам спуститься, или нужны носилки. Алеке был поражен, но я ему объяснила, что всё расскажу потом. Мы поехали вместе с Алеке. По дороге, хоть вкратце, рассказала я Алеке о моей встрече с Михаилом Ивановичем, обо всех делах и сказала, что он обещал зайти к больному проведать. Алеке был растроган тем, что его жена, соратница сделала для него.

После больницы я пошла, как мне сказала Наталья Дмитриевна в хозчасть (помещалась в нынешнем ГУМе). Там мне дали отношение во 2-й Дом советов, чтобы предоставили комнату, дали денег 750 рублей. Жила я уже на 5-м этаже в комн. 562. Два дня Алеке я не видела, т.к. ходить было на свидание запрещено, но у дежурного врача я наводила справки. Алеке просил в записочке ко мне, узнать

о профессоре Мартынове. Поехала в клинику, где он работал. Оказывается он уже приехал. Расспросил меня обо всех делах, о самочувствии больного и сказал, что и как нужно будет делать. Пришлось мне опять попасть к Михаилу Ивановичу, так как по ходу болезни – требовалась операция и желательно, чтобы профессор делал ее сам. Особое нужно было ходатайство, собрали консилиум и врачи, и хирурги кремлевской больницы не возражали, чтобы Мартынов оперировал (профессор ведь в Кремлевке не работал, поэтому вопрос был сложный). В общем всё было сделано и даже больше. Михаил Иванович и до операции навестил Алеке, после операции наводил справки и побывал у него.

Самые тяжелые дни я переживала, целыми днями по разрешению главного врача я бывала у Алеке, он мне всегда оставлял третье блюдо, что-нибудь «сладенькое», говорил, что я ведь лакомка. Наконец наступил день, когда стали готовить Алеке к операции. В тот день я днем не была, не разрешили, а уж к вечеру пришла всего на пол – часика. Мы оба не могли разговаривать, он молча смотрел на меня, как бы ища поддержки. Я гладила ему голову, его седеющие виски. А на сердце была такая мука и страдание, ведь как страшно!

В день операции, хотя мне и не разрешили приходить, я всё же пробралась в читальный зал больницы и тихо сидела там. Я не могла ни есть, ни пить. Через 6 часов, мне сообщили, что операция прошла благополучно и все идет нормально, но после наркоза больной еще не пришел в себя, его положили в предоперационный бокс, куда допускаться посторонние не должны. Идти домой я не могла. Поехала к родственникам, где и пробыла весь вечер и следующий день. На второй день после операции Алеке перевели в палату (хирургическое отделение во дворе, 2-й

этаж). Удобства, уход были исключительные. Оказывается Михаил Иванович Калинин после операции посетил Алеке в его палате. Об этом я узнала на следующий день от самого Алеке. Свидание мое было короткое, чтобы не утомлять больного.

Потом я уже стала бывать у него почти весь день, с 10 до 12 часов, затем с 15 до 17 и, наконец с 19 до 22 часов вечера. Я читала ему, он интересовался буквально всем. Видно было, что мой Алеке пошел на поправку.

ՀԱՊԱ ՇԵՄՅՁ

НАША СЕМЬЯ

Я родился 10 марта 1940 года в г. Алма-Ате. Наша семья жила в одноэтажном барачного типа доме на том месте, где сейчас гастроном «Столичный». Годы спустя я поместил там мемориальные доски в память своего отца – Алиби Джангильдина.

Рядом находилась 25 средняя школа и в 1946 году мой старший брат 1939 года рождения пошел в первый класс. Я тоже вместе с ним стал бегать туда и однажды попросился посидеть с братом за одной партой. Так и пошло, пока классная руководительница не сказала отцу: «Давайте запишем в школу и младшего брата Али, хотя ему только шесть лет». Отец согласился. Но вскоре в нашей семье произошло несчастье. От пищевого отравления мой старший брат скончался, родители были потрясены, мама долго не могла прийти в себя.

Моя мама – Софья Асфендияровна (1914-2004), урожденная Кенжина. Её отец – Асфендияр Кенжин (1887-1938). Он из той казахской интеллигенции, которая создала себя сама. Всю свою жизнь учился и учил других, работал над собой, был активным и авторитетным членом партии «Алаш-Орда» (о нём есть упоминание в книге Сакена Сейфуллина «Тар жоль»). Мама сохранила некоторые семейные реликвии, где только на одной фотографии запечатлен мой дед. Кенжин, коротко стриженный, сидит одетый во френч со строгим лицом и смотрит внимательно, чуть прищуренными глазами.

Послужной список А.Кенжина был большой. Он занимал высокие должности – был наркомом просвещения и торговли, председателем Совнархоза Республики. Хороший спе-

циалист и блестящий организатор, Кенжин на различных постах добросовестно служил советской власти, пока его, как и многих других представителей национальной интеллигенции не накрыл вал репрессий. Приговор был жесток и несправедлив. Он гласил: «А.Кенжин вел вооруженную борьбу против Советской власти с целью создания под руководством Японии буржуазного государства». Вот так, не больше и не меньше.

Мама после ареста своего отца осталась с мачехой Жаннат Рамазановной, братьями и сестрой в г. Оренбурге. Жаннат Рамазановна, урожденная Смольская, – потомок древнего литовско-татарского рода, предок которого ещё в 15 веке во времена распада Золотой Орды ушёл со своим улусом на службу Великому Князю Литовскому Витовту. Она приезжала в г. Алма-Ату, носила передачи в НКВД до тех пор, пока ее саму не арестовали в 1938 г. Детей Жаннат и Асфендияра (Шамиля, Баязита, Махмуда и Юлию) раздали по детским домам, а Софья была уже взрослой девушкой. Ей надо было где-то жить, что-то зарабатывать, т. к. детей «врагов народа» жилья лишали. С устройством на работу для таких, как мама, тоже были проблемы.

Джангильдин был хорошо знаком с Кенжиным по работе в г. Кзыл-Орде, общался с его большой семьёй. В страшное и жестокое время мама осталась без своего отца. 26 февраля 1938 г. Кенжина расстреляли. Джангильдин нашёл ее в г. Алма-Ате и буквально вернул к жизни. В то время матери было 24 года. Думаю, что моего отца от ареста и расстрела спасло то, что в самый пик репрессий он «скрылся» в Москве и какое-то время находился там. Уж кого-кого, а его точно признали бы японским или турецким шпионом, поэтому он, предупрежденный о включении в список для ареста, не сказав никому, ночью сел на московский поезд на

одном из полустанков под Алма-Атой (кажется на станции Чемолган).

До встречи с мамой отец был женат на Елене Афанасьевне Дробязгиной (1901-1985). Их знакомство произошло в 1919 г. в Москве в артиллерийском управлении РККА, где она, восемнадцатилетняя дочь полковника царской армии, работала секретарем. Начали встречаться. Уже в 1920 г. жили в Оренбурге, потом в Кзыл-Орде, вскоре поженились. У них родились трое сыновей: Энвер (умер в младенчестве), Тамерлан (он в годы войны был летчиком, погиб на фронте) и Танирберген (1925-1992). Первенца отец назвал в честь Энвера-паши (известного турецкого реформатора «младотюрка»), с которым он познакомился в Баку где они оба принимали участие в работе Съезда Народов Востока. Отец и Елена Афанасьевна воспитывали и внебрачного сына Алиби – Раухата. В середине 1930-х гг. Елена Афанасьевна уехала в г. Москву. После смерти отца она в 1960-х гг. вернулась в г. Алма-Ату, где и умерла. В г. Москве теперь живут ее внук – Юрий Танирбергенович Джангильдин, он профессор, доктор медицинских наук и правнук Тимур. Между Еленой Афанасьевной и моей матерью были всегда хорошие отношения.

Отец был старше мамы на 30 лет, он знал её еще подростком по г. Кзыл-Орде, очень любил ее, и я не помню, чтобы они когда-нибудь спорили или ссорились. Всегда советовались друг с другом и, когда Жаннету Рамазановну, ее маму, освободили из АЛЖИРа, то они вместе решили, чтобы она и младшая сестра мамы Юлия сразу же приехали к нам.

Недалеко от нашего дома находились Оперный, Казахский драматический театры и Театр Юного зрителя. Родители ходили на спектакли, а я бегал ТЮЗ на детские утренники. Как-то, отец повел меня и маму на премьеру историче-

ской постановки «Кобланды – батыр». Мы сидели в первом ряду, было все хорошо видно и слышно. Роль главного героя исполнял Шакен Айманов. Мощный, громогласный, очень энергичный с горящими глазами, таким мне тогда показался знаменитый актер и режиссер. В библиотеке отца был эпос «Кобланды –батыр» первого издания казахской латиницей.

Удивительно, но в памяти, хотя мне было всего пять лет, отложился приход Джамбула в сопровождении личного врача. Разговор у акына с отцом, как рассказывала потом мама, был долгим и он заночевал у нас. Неоднократно бывали писатель Абдильда Тажибаев, композитор Александр Затаевич. Помню, мама садилась за рояль, а отец пел. Голос у него был сильный и красивый. Прочитал в одной статье Мухтара Шаханова, что Алиби Джангильдин в Москве на сцене Большого театра в дни казахской декады литературы и искусства спел казахскую народную песню. Дома же они с мамой часто пели вдвоем. Когда отец отдыхал, я забирался к нему в постель и он читал мне «Тысячу и одну ночью». Конечно, папа подбирал мне сказки в соответствии с возрастом. Мы подолгу читали, потом начинали делиться впечатлениями, при этом отец никогда не переходил на нравоучительный, назидательный тон. Вообще у него в библиотеке была интересная подборка книг.

Понятен интерес творческих людей к отцу, его яркой жизни, делам и поступкам. Писатель, во многом одаренный Сатимжан Санбаев, сыграл главную роль в фильме «Дорога в тысячу верст», потом он подготовил и совершил экспедицию по следам «Красного каравана» Алиби Джангильдина.

Известный российский писатель Юрий Домбровский какое-то время жил и работал в Алмате. В своей повести «Хранитель древностей» он описал встречу с Алиби Джангильдиным так...

«... С одним из таких – старым казахом – мне пришлось проговорить несколько часов... Странная слава была у этого человека – громкая и глуховатая в одно и то же время. И даже, вернее, не глуховатая, а приглушенная. В ту пору, о которой я веду рассказ, он ведал областью, тесно соприкасающейся с нашим музеем. Поэтому мы и встретились.

Подвиг, который он совершил двадцать лет тому назад, вернее, который он заставил совершить своих людей, был прост и так же прост и легендарен, как переход Суворова через Чертов мост. Только идти приходилось не через горные ледники, а через раскаленные пустыни и степи. Как-то для большого наступления надо было доставить оружие за много сотен верст. Тогда вызвали этого человека и сказали ему: вот винтовки, вот пулеметы, вот патроны – умри, но доставь! И он собрал своих людей и двинул их через степь. Шли два месяца. Оружие везли на верблюдах, сами шли около. Сколько погибло провожающих – неизвестно. Но оружие все-таки доставили в срок. Повторяю, подвиг этот (а он, кажется, далеко-далеко превосходит человеческие возможности) был совершен благодаря воле и упорству именно этого человека.

Не так давно мне показали один интересный экспонат – его записную книжку тех лет. На красном сафьяновом переплете золотом вытеснен его псевдоним и надпись: «Кругосветное путешествие пешком», а все страницы заляпаны печатями – простыми, сургучными, радужными наклейками, гербовыми марками, ярлычками гостиниц, подписями губернаторов и консулов. Был он и в Африке, и в Индии, и в Китае, и в Европе. Где проходил бродячим фотографом, где заклинал змей, где просто ксал землю. Память у него была отличная, все свои профессии он помнил и про все мне рассказывал. Рассказывал про степь, ка-

кая жара стояла тогда (земля была сухой и звонкой, как глиняный горшок, и гудела телеграфным столбом, а белая тонкая трава, когда к ней подносили спичку, вспыхивала и догорала до самой земли).

Я смотрел на него и думал: что же делает этот неуемный человек в том тишайшем учреждении по охране заповедников, в которое его засунули? Мазары глиняные штукатурит? Утверждает отчеты лесничих? Увольняет и принимает на работу пасечников из бежавших кулаков и сектантов? Подписывает лицензии на отстрел джейранов? Какие пасеки его интересуют, какие джейраны ему важны? А к концу разговора я понял: все интересует, все важно и пасеки, и джейраны. Он кончил рассказывать о верблюжьем переходе, точно ответил на все вопросы, кое о чем обещал навести еще справки, потом кивком головы отпустил стенографистку, вынул из кармана толстую записную книжку в кожаном переплете («Участнику... съезда») и сказал совершенно иным тоном: – Теперь вот о чем – о сайгаках... И стал нас ругать. Очень плохо сайгаки отражены у нас в музее, нет ни одного стенда, посвященного им. Это не годится. Ведь сайгак – реликт ледникового периода. Он современник мамонта. По существу эту породу лет десять назад можно было считать уже вымершей. Но тут вовремя спохватились. Организовали заповедник».

В нашей семье, как и во многих других семьях после революции всё круто переплелось: и «красное», и «белое». На переломе истории и те, и другие желали одного, чтобы казахский народ стал свободным и независимым. Они считали, что главное на первом этапе – это воссоздать свою государственность. Известно, что Джангильдин содействовал переходу деятелей движения «Алаш-Орда» от союза с атаманом

Когда в августе 1953 г. папы не стало, прощание с ним проходило в Оперном театре им. Абая. Было огромное количество людей, многие подходили, что-то говорили и гладили меня по голове. Подъехал Даниял Керимбаев – председатель Президиума Верховного Совета КазССР и вся процессия двинулась на центральное кладбище по ул. Ташкентской. Даниял Керимбаев всю дорогу шёл с нами. На этом кладбище рядом с отцом я похоронил и маму.

В своих воспоминаниях не могу не сказать об ушедшем от нас большом казахстанском писателе – Морисе Симашко, который мне близок. Это сошлось у нас по-жизни. После школы я поступил в горно-металлургический институт. Так получилось, потому что мама не отпустила в московский ВУЗ. Мой школьный товарищ тянул меня в горный институт, мол большая стипендия, дают студенческую форму. Словом, поступил. Но на 3-м курсе, когда нас направили в г. Жезказган на 3-х месячную практику понял, что горным инженером мне не быть. Повлияло и то, что на всю 45-ю шахту я был единственным очкариком, а работая помощником скрепериста, бурильщика приходилось все время протирать стекла очков. Это, естественно, вызывало раздражение у членов бригады. В 1960 году я перевелся в Университет и в 1965 г. окончил вечернее (работал и учился) отделение биологического факультета КазГУ. Председателем комиссии по защите дипломных работ был заведующий отделом Института микробиологии (по первой специальности я микробиолог) Давид Лазаревич Шамис. Он предложил мне поступить к нему в аспирантуру и сказал, что его сын собирает материал об Алиби Джангильдине.

С аспирантурой не получилось, так как вскоре меня призвали в Армию, а после службы я начал работать на Мангышлаке, затем подался на Камчатку. А у Мориса Да-

видовича получилось. Его книга «Комиссар Джангильдин» стоит на полке в книжном шкафу с тёплыми и дружескими пожеланиями от автора. Он мне рассказывал, а встречались мы довольно часто, что А. Джангильдин произвел на него неизгладимое впечатление своей доброжелательностью и внутренней сдержанностью, мудростью много повидавшего человека. И писатель не мог пройти мимо такой чрезвычайно интересной и реальной личности, в жизни которого были и опыт дальних странствий и рискованный переход со своим отрядом через море и пустыню.

Отец в своей жизни помогал многим. Его общительность притягивала к нему людей и, когда он разговаривал с кем-то, у него загорались глаза и он улыбался как-то по-особенному. Эту черту характера подметил и Морис Симашко.

В юности, по молодости меня, порой, «доставала» известность фамилии и мне приходилось, не раз, доказывать близким свою состоятельность. Но, после возвращения с Камчатки на родину, авторитет отца мне помог. Там, на Камчатке, я пять лет занимался океанологией, работа меня увлекала. Каждый год в течение пяти лет на 3-4 месяца я уходил в море на научно-исследовательских судах в должности начальника рейса. Работа была абсолютно новая, ответственная и надо было учиться по ходу дела. Было не просто, но интересно. Одно не давало покоя, – мама была далеко, очень далеко. Я знал, как ей трудно и тоскливо одной и решил вернуться домой. В Алма-Ате я ходил, искал работу. В те годы непрерывный стаж работы имел большое значение: мне надо было в течение месяца со дня увольнения с предыдущего места устроиться работать на новое. До этого срока оставалась два дня, а мои хождения не давали результата. Вот тут-то мне пришлось воспользоваться родственными связями и фамилией.

Была организована встреча с заведующим орготделом ЦК Компартии О. Батырбековым. Состоялся короткий разговор, после которого я оказался в профсоюзах. Началась совсем другая жизнь, в том числе и без северных коэффициентов. Другое знаковое событие произошло в 1975 г. На открытие памятника Джангильдину ждали Д. А. Кунаева – первого секретаря ЦК Компартии Казахстана. Казалось, всё было готово к торжественной церемонии, почётный караул на месте и т. д. И вдруг произошла какая-то заминка, исчезли солдаты с ружьями. Кто-то сказал, что Д. А. Кунаеву настоятельно посоветовали, как члену Политбюро ЦК КПСС, не участвовать в этом мероприятии, мол, памятник Джангильдину на 10 см выше памятника Ленину. Приехал Асанбай Аскарров – первый секретарь Алма-Атинского обкома партии и открыл памятник.

На следующий день Д. А. Кунаев принял нас у себя в кабинете. Димаш Ахметович с уважением говорил о Джангильдине, о своих встречах с ним и сказал, что были проблемы с памятником. Мой родственник представил меня, я после переезда с Камчатки начал работать инструктором отраслевого комитета профсоюза. Д. А. Кунаев поинтересовался, чем я занимался до приезда в Алма-Ату. Я коротко рассказал, что шесть лет работал в НИИ океанографии и рыбного хозяйства в г. Петропавловске-Камчатском. Каждое лето уходил в море на научно-исследовательских судах в должности начальника рейса. В конце встречи Д. А. Кунаев спросил, есть ли просьбы. Я ответил, что буду очень рад видеть его у себя в гостях, чтобы «обмыть» открытие памятника и рождение моих двойняшек: дочери – Алтынай и сына – Асета.

Весело рассмеявшись, Димаш Ахметович поздравил меня и посоветовал пригласить тех, кто разрезал ленточ-

ку. Так я и сделал. С этого момента у меня начался рост по службе, а затем я получил направление на учебу в г. Москву в Академию общественных наук при ЦК КПСС. Перед поступлением, на собеседовании проректор сказал, что такого слушателя у них ещё не было – ни дня работы в комсомольских и партийных органах, но направление на учебу пришло из ЦК Компартии Казахстана. И всё. Никакого собеседования по существу не было, началась учёба. После её окончания в декабре 1986 г. у меня по второму кругу продолжилась работа в профсоюзах.

К этому времени у меня уже был определенный жизненный опыт: непродолжительная работа под землей, служба в армии, после которой я занимался озеленением поселков нефтяников на Мангышлаке и, конечно, Камчатка – определяющий этап моей жизни. В профсоюзах, поначалу, я не очень понимал, куда я попал и что надо делать. Но рядом были хорошо знающие свою работу и доброжелательные люди, у которых я многому научился. Стало получаться и, наверное, поэтому моя долголетняя общественная работа была отмечена. В марте 2000 года я был награжден Исполкомом Всеобщей Конфедерации Профсоюзов – Почетным серебряным знаком ВКП «За заслуги перед профдвижением».

У нас с женой Кларой два сына и дочь, растут внуки. Старший сын – Алиби. Я узнал о его рождении, когда находился в море. Сообщение пришло, когда мы работали в северных широтах в районе Берингова пролива. По корабельной трансляции капитан рыболовного траулера «ПЕЛАМИДА» объявил, что у нашего начальника рейса родился сын и от имени экипажа и себя поздравил меня. После вахты мы с капитаном из охотничьих ружей с кормы парохода отсальютовали по случаю радостной вести, а потом я дал домой радиogramму, чтобы сына назвали в честь деда.

В начале 1990-х гг. я познакомился с одним казахом-переселенцем из Монголии. Простое знакомство без фамилий и должностей, только имя и взаимный интерес по бытовым вопросам. Одна из встреч была у меня дома, а в комнате, где мы разговаривали, висел большой фотопортрет Джангильдина. Новый знакомый как-то очень внимательно посмотрел на портрет и неожиданно выдал: «великий человек». Сначала я опешил. Потом, чтобы разобраться в ситуации, сказал: «Да ты что, он же большевик, первый казах-коммунист, вы же от них бежали». Но он твердо повторил: «Всё равно великий, он казахов вооружил». И это произнёс человек, в семье которого уже два поколения негативно воспринимали советскую власть. Как говорится, здесь ни убавить, ни прибавить.

Чингиз ДЖАНГИЛЬДИН

СОДЕРЖАНИЕ

1. Предисловие	5
2. «Мой путь» А.Т.Джангильдин	9
3. Книга путешественника вокруг света Н.Степнова, он-же Али-бей Джангильдин	107
4. Из воспоминаний Е.А. Дробязгиной.....	175
5. «Наша семья», Ч.А. Джангильдин.....	199

Алиби ДЖАНГИЛЬДИН

...он выбрал свой путь

Автор-составитель: Ч.А. Джангильдин
Компьютерная верстка, дизайн: Ю.А. Саблук

*В книге использованы материалы
из семейного архива Ч.А. Джангильдина*

Подписано в печать 12.05.2014 г.
Бумага офсетная 80 гр.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Усл.п.л. 13,38 ч.б., 1 цв.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в «ПринтЭкспресс Издательство и полиграфия»

PRINT
ИЗДАТЕЛЬСТВО
И ПОЛИГРАФИЯ **EXPRESS**

г.Алматы,
ул. Курмангазы/Мауленова 110/81
тел.: 272 60 11, 272 61 50
e-mail: print_express@bk.ru

